

ЖРЕБИЙ ПЕПЛА

ИЛЬЯ ПОПОВ

Ты приобрел новых друзей и сильных союзников — но вместе с тем нажил могущественных врагов.

Ты узнал тайну своего прошлого — но это не подарило тебе упокоения.

Ты получил могучую силу — но не станет ли она твоим проклятием?

На пути мести очень легко оступиться, превратившись в того, кого ты ненавидишь всем своим сердцем. И пострадать могут те, кто стал тебе ближе, чем просто друзья.

А в Хрустальных Пустошах все чаще видят демонические огни среди неприступных гор.

И это значит, что скоро грядет тот, кто уничтожит этот мир.

Жизнь.

Сколь много вкладывают в это слово простые смертные, даже не догадываясь об ее истинной ценности. И столь же мало она стоит на самом деле. Ведь чтобы подарить жизнь достаточно провести одну ночь с какой-нибудь пьяной шлюхой в любом дешевом борделе, тогда как отнять эту «драгоценность» можно одним быстрым движением не самого острого клинка.

Каждый человек считает себя особенным. Даже самый жалкий и никчемный представитель рода человеческого свято верит в то, что он явился на этот свет с определенной миссией, задуманной неким божественным промыслом. Будто бы сам факт его существования доказывает, что без него мир уже не будет прежним, а уж если он вдруг исчезнет с лица земли, то колесо мироздания вмиг сойдет с колеи и осядет в придорожной пыли.

Чепуха.

Ороку, который уже давным-давно был более известен для других под именем Жнец, знал истинную цену жизни как никто другой. И поэтому, в отличие от многих прочих, не испытывал к ней совершенно никакого пиетета. Даже к своей собственной, что уж говорить про чужие. Люди — просто инструмент. Ни больше, ни меньше. Обыкновенное орудие, которому свойственно приходить в негодность. И в этом случае его совершенно легко можно заменить на другое. Помнится, давным-давно кто-то рассказал Жнецу, что он никогда не забудет лицо первого убитого им человека. Как же он ошибался. За прошедшие года Жнец оставил за спиной столько могил, что при всем желании не мог бы припомнить даже то, как выглядел тот недоумок Йоши.

Что же касается божьего замысла... За все это время Жнец успел узнать и увидеть столько, что уже начинал задумываться о самой природе демиургов и их роли в создании всего сущего. Впрочем, все его накопленные знания были лишь крупинкой, не более; и это если учесть, что он, наверное, познал такие тайны, которые не снились и многим умудренным годами старцам. То, что для Жнеца было не более чем дешевым фокусом, остальными почиталось за могущественную магию; ступени, которые другие покоряли годами, он преодолевал не задумываясь, по наитию. Однако даже он смог увидеть лишь верхушку, но сколько же еще неизведанного таила вселенная... Скорее всего, ответ на этот вопрос не получит ни один из ныне живущих или кто-либо из их потомков.

К тому же, думается, у богов — или, во всяком случае, тех сущностей, которых за них почитают суеверные людишки — есть дела поважнее, чем наблюдать за жизнью столь мелких ничтожных созданий, не говоря уж о том, чтобы вмешиваться в их дела. Жернова вселенной работают многие тысяч лет и будут вращаться еще столько же — так чего же должна стоять очередная песчинка, перемолотая ими? Что должно двигать гигантом, чтобы он вдруг опустил свой взгляд вниз и склонился над муравейником, вникая в дела суесящихся на грязной земле букашек? Разве что научный интерес исследователя.

Жнец размышлял об этом, глядя на обезображенные останки, которые не так давно принадлежали молодому мужчине. Редкий и от того еще более ценный экземпляр — невзирая на бродяжный образ жизни, этот человек обладал поистине бычьим здоровьем. Как правило, подобные люди представляют собой ходячий разносчик всех возможных болезней

— начиная от чесотки и заканчивая тифом, а то и сифилисом; неудивительно, что их гонят даже из самых зланных притонов, заставляя ютиться под городскими стенами в компании себе подобных и бродячих дворняг. Причем последние зачастую вызвали куда больше понимания и жалости. Этот же бедняк умудрился сохранить даже зубы! Удивительно. Многие богачи тратят баснословные состояния на лекарства и знахарей, чтобы продлить свою «драгоценную» жизнь хотя бы на год — и умирают от какой-либо чепухи, вроде случайной царапины или пустяковой болезни. А кто-то ночует под открытым небом при любой погоде, питается чем попало, любыми отбросами, которые сумеет найти в ближайшей выгребной канаве, заливает в себя ведрами дешевое пойло — и по итогу всего этого даже не кашляет.

Впрочем, стоило Жнецу отвести взгляд от тела, как он тут же позабыл об этом жалком черве и его недолгой судьбе. Сейчас Жнеца куда больше беспокоили несколько более важные и насущные дела. Во-первых, его слегка настораживало собственное состояние. Чувствовал он себя... Сказать «ужасно» было бы ложью, но и утверждать обратное он бы не стал. Воистину, Разложение являлось просто удивительной наукой — именно что наукой, ничуть не уступающей по структуре и сложности астрологии, математике или медицине — но даже оно в некоторых вопросах, было, увы, бессильно.

Но, быть может, обладай он чуть большими познаниями в этой области... О, если бы это искусство практиковали как и прочие стихии: открыто и законно, подробно изучая все его возможности, достоинства, недостатки и нюансы. Но нет. Все эти напыщенные трусливые идиоты одновременно так трясутся за свое существование и в то же самое время двумя руками отпихивают то, что при должном старании с годами позволило бы не то чтобы изучить мироздание, но обуздать его, став полноправным хозяином.

Ведь нельзя как следует прознать жизнь, не изучив смерть; разобраться во всех тонкостях работы механизма можно лишь разобрав его на мелкие детали, чтобы увидеть, как он устроен. Так художник набирается опыта с каждым испорченным полотном, чтобы в итоге создать, наконец, тот самый шедевр. Нечто, что позволит ему жить в людских умах даже спустя столетия после того, как его останки сгниют и превратятся в прах глубоко под землей, смешавшись с грунтом в единое целое.

Жнец, наверное, познал этот элемент как никто другой из ныне живущих. Он мог поспорить на что угодно, что ни один чернокнижник не сравнится с ним в теории и практике этой школы. Однако даже с учетом всех его накопленных познаний, всего опыта, что он сумел достичь, хватило лишь на то, чтобы замедлить неумолимый процесс кончины. Отсрочить миг, когда ему предстоит переступить черту — не более. При всех стараниях ему до сих пор необходимо было повторять кропотливые и довольно трудные ритуалы, что представляло собой немалые неудобства, так как требовали они надежного укрытия, подальше от любопытных глаз и лишних ушей, до которых могли бы донестись вопли умирающих. Дело было вовсе не во времени — хотя и его с каждым разом требовалось все больше. И даже не в «материале» — его и раньше хватало с избытком, а сейчас он и вовсе мог отправить на поиски какого-нибудь бродяги одного из своих сподручных. Просто... Просто, наверное, где-то в глубине души — если она у него, конечно, осталась, за что он бы не мог поручиться — Жнец осознавал одну простую вещь. То, что ему до ужаса надоело топтать землю и желал он лишь одного — найти упокое и воссоединиться со всеми своими...

Жнец сжал кулаки, затянутые в плотные кожаные перчатки. Не время для сомнений —

вероломный пес Симада пока еще жив, как и все прочие предатели. А значит — нужно это исправить, и Жнец уже выбрал подходящий день. Грядет Турнир Домов — громкий праздник, который ждут многие, еще не осознавая, что он станет последним в их жизни. Эта мысль невольно заставила Жнеца растянуть губы в кривой усмешке. Точнее сказать, то, что от них осталось. После этого он обвел глазами свое творение. Так скульптор кидает придиричивый взгляд на свежую статую, изучая все ее изгибы, замечая малейшую трещинку или излишне грубый выступ. Подобным образом архитектор пытливо изучает построенный по его чертежам дом, непрестанно размышляя — простоит ли здание десятки лет или рухнет еще к концу сезона, когда почва осядет под обильными дождями?

Однако самая тяжелая работа была впереди. Сейчас перед ним на полу лежала только заготовка; бездушное создание, найденное им в старинном склепе, просто пустая оболочка, что чудом уцелела при некогда случившемся обвале. Теперь же Жнец должен был вдохнуть в нее жизнь. Навсегда лишиться частички своей Воли и передать ее чужому существу. Наверное, это было схоже с тем, как призыватели поднимают элементалей, однако магики лишь временно воплощали материальный отклик стихии. Здесь же он сам становился Творцом. Жнец закрыл глаза и положил руки на вытянутое безволосое бледное тело, отдаленно напоминающее аморфного паука. А потом принялся медленно и практически нараспев произносить нужные слова, полностью очистив свой разум от сторонних мыслей. Ведь произнеси он неверно хоть один слог — и в лучшем случае он временно лишится сил. А в худшем...

Когда Жнец произнес половину заклęcia, тварь чуть шевельнулась — или ему показалось? — но голос его не дрогнул. Он не открыл глаза даже когда ворвавшийся невесть откуда сильный ветер разметал по всей зале его записи и погасил свечи. Лишь произнеся последнее слово Жнец отступил назад и стал выжидать, пытаясь привыкнуть к странному чувству пустоты. Впрочем, он пожертвовал уже слишком многим, чтобы жалеть о подобной мелочи, и если такова плата за его месть — так тому и быть. Прошло немало времени. Ему уже начало казаться, что он все же допустил ошибку: возможно неверно перевел какое-либо слово — язык, на котором он каким-то чудом отыскал формулу этого заклинания, был весьма и весьма сложен для понимания и о значении некоторых символов он мог только догадываться — либо же начертил на полу не тот знак, или же...

Жнец не мог сдержать восторга, глядя на то, как создание поднимается на лапы и обводит зал пылающим взглядом всех своих глаз. Наверное, так мать смотрит на первые шаги своего любимого дитя или кузнец наблюдает за тем, как то, что еще не так давно было куском раскаленного железа, становится грозным оружием в руках умелого воина. Думается, Жнец был единственным человеком во всем мире, кому удалось воочию увидеть подобное существо, чей вид вымер многие сотни лет назад; если не тысячи, ведь даже найти простое упоминание об этой твари и месте его возможного захоронения он смог по счастливой случайности на страницах одного пыльного гримуара.

Создание тем временем остановило свой взгляд на Жнце и издало тихий звук, напоминающий рычание. Хоть он и слегка изменил заклęcie, дабы подавить волю воскрешаемого существа и подчинить его себе, но что если оно смогло этому воспротивиться? Все представители данного вида были буквально пропитаны магией — превзойти их в этом могли разве что вымершие века назад драконы — а значит у него не было никаких гарантий на то, что его затея возымела успех. В этом случае Жнецу предстояла долгая выматывающая схватка, которую он легко мог проиграть; ведь ритуал отнял у него

почти все силы, а перед ним находилась одна из самых опасных тварей которых только знал этот мир. Медленно подойдя к Жнецу чудовище повторило свой рык — а после, принявшись, слегка потерлось уродливой башкой о его перчатку, видимо, признавая в нем хозяина.

— Ты слышишь меня? — с облегчением произнес Жнец, все еще не веря в собственный успех.

Тварь не шелохнулась, но в глазах ее промелькнул огонек разума. Жнец удовлетворенно кивнул, двинулся к ближайшей двери и откинул тяжелый засов. Внутри крохотной комнатки — длиной и шириной примерно в два человеческих роста, не более — находился молодой парень в одной набедренной повязке, сидящий в углу возле грязного ведра. Завидев своего мучителя, он мигом поднялся на ноги, но не сделал и шага — несколько выбитых зубов в прошлый визит Жнеца быстро научили наглеца покорности.

— Господин, прошу вас! Ради всех богов! Отпустите! — заверещал парень. — У меня жена и дочь! Пожалуйста! Я не скажу ни слова! Прошу...

— Это тебе, — Жнец повернул голову к твари и отошел в сторону, не обратив ни малейшего внимания на скулеж этого червя. — Наверное, ты успел порядком проголодаться... или успела? Впрочем, какая разница.

Тварь заклокотала — будто бы благодаря его — а после переступила порог. Хныканье пленника в тот же миг превратился в вопль ужаса, который вскоре сменился булькающим хрипом, звуком разрываемой плоти и громким чавканьем. Жнецу же оставалось только ждать.

Спустя время раздались шлепающие шаги — и из темноты вышел тот самый парень; точнее сказать, то, что приняло его обличье. Двигалось оно медленно и осторожно, еле-еле передвигая ноги и держась за стены. Остановившись в центре зала, оно медленно приблизило к глазам свою ладонь и несколько раз сомкнула и разомкнула кулак, словно свыкаясь с новыми ощущениями.

— Понимаю, не самая презентабельная шкура, — усмехнулся Жнец, глядя на то, как оно рассматривает в висевшем на стене зеркало собственное отражение. — Сначала я подумывал достать тебе какую-нибудь симпатичную барышню, но смазливая мордашка привлекла бы слишком много внимания. Ко мне, я хочу тебе кое-что показать.

Оно медленно приблизилось к своему создателю. Хотя их и разделяло всего несколько шагов, путь этот занял у него немало времени; оно то и дело спотыкалось, словно бы перебравший пьяница, а пару раз и вовсе падало на колени. Однако Жнец был терпелив. Ничего страшного. Уже к рассвету оно освоится со своим новым обличьем и будет двигаться так уверенно, что никто и не заметит подвоха. А проведя какое-то время среди людей, быть может, даже научится имитировать их речь — ну, хотя бы на примитивном уровне. О, Жнец бы многое отдал за то, чтобы понаблюдать за этим созданием неделю-другую или хотя бы несколько дней... Увы, в текущей ситуации подобную роскошь он себе позволить не мог.

Достав из кармана большую монету — как две капли воды похожую на ту, что он ранее отдал трактирщику — Жнец протянул ее твари. Та осторожно взяла ее обеими руками и принялась; а после даже попробовала на зуб.

— Вряд ли ты поймешь, что держишь в руках самую настоящую антикварную ценность. Такие монеты когда-то давным-давно чеканили монетчики моего рода. На золото наложено особое заклинание — человек знающий, обладая хотя бы одной подобной монетой, способен отыскать и все другие. Не стоит и говорить, что воришек, пытающихся запустить свою

грязную руку в казну, вскоре ждала суровая кара... Но сейчас я не об этом. После падения моего Дома практически все наше золото было переплавлено. Таких монет осталось всего две. Найди того, кто прикасался ко второй — и убей его. И всех, кто окажется рядом с ним. А потом возвращайся ко мне — у меня на твой счет очень большие планы.

Не произнеся ни звука, оно сжало монету в кулаке и направилось в сторону выхода — к счастью, Жнец успел остановить свое творение осознав, что человек, сверкающий везде голой задницей вызовет как минимум праведное возмущение. Достав из сундука заранее припасенные одежды, он принялся одевать тварь — и, проклятье, это оказалось едва ли не тяжелее, чем вернуть ее к жизни! Стоило Жнецу застегнуть рубашу — как оно тут же порвало все пуговицы, видимо, поведясь на их блеск; Жнец нацепил на башку создания шляпу с круглыми полями — через миг оно стащило ее с головы и впилося зубами в бамбук... Закончили они ближе к рассвету — и за это время оно уже научилось произносить простейшие слова, а Жнец успел проклясть все на свете.

С первыми лучами солнца в сторону Каноку бодрым шагом выдвинулся молодой парень — с виду такой же, как и тысячи других. Он с любопытством осматривал все вокруг, то и дело пытаясь подражать щебету птиц или стрекотанию сверчков, но не останавливался ни на миг, с каждым шагом неумолимо приближаясь к своей цели. Тварь ни разу не видела место, куда лежал ее путь, не знала, как пахнет или выглядит тот человек, которого ей предстояло настигнуть, но совсем скоро он будет мертв.

Как и все, кто попытается встать на ее пути.

— Ты точно уверен, что не хочешь хотя бы попробовать принять участие в Турнире? У тебя еще есть время до заката, — произнес Макото, наверное, в сотый раз за сегодняшний вечер.

Кенджи в ответ только лениво помотал головой. Разговаривать у него не было ни сил, ни желания и сейчас его куда больше интересовала кисть сочного винограда, чья кожица чуть ли не лопалась от сока, чем новый виток бессмысленного спора. Получив очередной отказ, Макото тяжело вздохнул, закатил глаза и одним глотком осушил бокал. «Ну что за глупый упрямый осел», — так и читалось на его лице. Вылив в стакан последние капли из стоявшего прямо на полу кувшина, он крикнул гейш — и через несколько мгновений вокруг них уже хлопотали миниатюрные девушки в ярких разноцветных халатах, делавшие их похожими на птичек. Лица их были выкрашены белой краской, глаза подведены углем, а блестящие под лампами волосы, обильно смазанные не то воском, не то жиром, каждая из них разделила на два «крыла» и большой пучок на затылке, из которого торчали длинные иглы.

— Одна к одной прямо, верно? — подмигнул другу Макото, когда за последней девицей хлопнула дверь; но пред тем они успели наполнить пустые тарелки, принести еще вина и подлить кипятка на угли в жаровнях, пар от которых немедля наполнил весь зал, словно туман. — К слову, вон та рыженькая к тебе чуть ли не на коленки прыгала. И так к тебе прижмется и эдак, а уж попкой крутила — у меня просто чуть башка не закружилась. Видать ей твой шрам понравился.

— Который из? — усмехнулся Кенджи, наполнил кубок и с наслаждением растянулся на мягчайших подушках; за последний месяц он уделял столько времени тренировкам, что старался насладиться каждым выпавшим миготдыха, который превратился в недостижимую мечту.

— Тот, что посвежее. Ты б присмотрелся, чего клювом хлопать — сюда, между прочим, работать устроиться не легче, чем стрелу мечом отбить. Девицы-то все как на подбор — воспитанные, умные, красивые. А уж муштруют их перед тем, как к гостям выпустить... Это тебе не дешевый бордель какой-нибудь, где пиво в лучшем случае дождевой водой разбавляют, а разносят его уличные замухрышки, которые разве что не в штормы при гостях сморкаются. Нет, брат, здесь каждый себя королем может почувствовать.

— Естественно, за такие-то деньги, — заметил Кенджи.

И это была сущей правдой. Сейчас они проводил время в одной из самых дорогих купален столицы под названием «Алмазная цапля» и за половину вечера уже успели спустить целое состояние, на которое, наверное, какая-нибудь деревушка могли питаться целый месяц. Притом не особо стесняя себя в рационе. Говаривают, что сюда не брезгают заходить богатейшие купцы, чиновники самого высшего звена и даже главы Великих Домов — немудрено.

Заведение это буквально кричало о своей роскоши каждым своим уголком. Целых пять этажей здания из белого кирпича могли похвастаться как просторными светлыми залами, так и уютными комнатками, в которых клубился полумрак; бассейны с холодной и чистой словно слеза водицей соседствовали с парными банями, а между ними располагалась оранжерея с живыми растениями, в лабиринтах которой нетрудно было заплутать на

несколько часов.

То тут, то там стояли статуи различных зверей и диковинных созданий, выполненные с таким мастерством, что на первый взгляд их можно было принять за живых, миниатюрные фонтаны, искусные гобелены и картины в резных рамах. Под ногами — мягчайшие ковры и пушистые шкуры, над головами — светильники и люстры всех мыслимых форм и размеров. Вино здесь подавали исключительно в серебряных и золотых кубках на украшенных драгоценными камнями подносах, охрана могла сдерживать натиск небольшой армии, а каждому гостю дарили столько поклонов и улыбок, что ты поневоле начинал ощущать себя чуть ли не самым императором. Впрочем, и монет за подобное великолепие владельцы брали соответствующе...

— Но оно стоит каждого потраченного медяка, тут даже ты спорить не будешь. К тому же, думаю, в последнее время мы славно потрудились и заслужили возможность хоть немного себя побаловать, верно? Тем более на деньги моего отца, — Макото ухмыльнулся и с шумом отхлебнул из бокала. — Однако давай все же вернемся к куда более интересным вещам — спорим, что у тебя духу не хватит хотя бы разговор завести с той рыжулей?

— Пока мы платим — она вся внимание, — пожал плечами Кенджи. — Какую бы чушь не городил любой из нас.

— Проклятье, твоя правда... — задумчиво произнес Макото, закидывая ноги прямо на ближайший пуфик. — Служебная этика и все такое... Тогда предлагаю кое-что получше: ты отправишь ей завтра корзину с цветами и предложением встретиться как-нибудь вечером. Если она откажет — ты выкинешь эту проклятую крестьянскую шляпу в ближайшую канаву. Ну, а если проиграю я...

— Дай угадаю — ты улучишь момент и все равно выбросишь ее сам, верно? — со смешком перебил его Кенджи.

Он искренне недоумевал, чем Макото так взъелся на его касу из бамбука. Тот все твердил, что такое убожество дескать пристало носить лишь пастухам и свинопасам. Однако Кенджи, если честно, было совершенно на то плевать — от солнца шапка защищала отлично, а большего и не требовалось. К тому же за ней удобно было прятать лицо, что с каждым днем становилось все более кстати. После похорон Сато слухи о трех молодых воинах — сам Рю предпочел остаться в тени и Кенджи, сперва не понимавший причину подобной скромности, впоследствии успел сотни раз пожалеть о том, что не последовал его примеру — которые спасли императорского мэцукэ, наголову разбили банду Черепов и вернулись живыми и невредимыми из Одиннадцати Звезд мигом разлетелись по всему Каноку.

Теперь в любом мало-мальски многолюдном месте их сопровождали десятки, если не сотни любопытных взглядов. Шуноморо к внезапно нахлынувшей славе остался предельно равнодушен, обращая на шепот за спиной не более внимания, чем на шорох листьев под ногами. Макото же напротив подобной популярностью явно наслаждался, с удовольствием рассказывая каждому желающему о том, как они ловко пробрались в логово Черепов, расправились с коварной колдуньей, пытавшейся их отравить или же перебили целую стаю цутигумо — причем с каждым рассказом число павших демонов неуклонно росло.

Самому Кенджи хоть поначалу и немного льстил всеобщий интерес, однако довольно скоро он понял, что у этой медали есть и обратная сторона. Довольно сложно сохранять спокойствие, когда толпа шушукующих незнакомцев следит за каждым твоим шагом и чуть ли не в кружку заглядывает, коль ты решил зайти в ближайшую харчевню промочить горло. Именно поэтому Кенджи старался как можно реже покидать квартал, который занимали

члена Дома Змея, а в город выбирался либо по ночам, либо выбирал самые тихие улочки, старательно избегая столпотворений.

— Слушай, так если тебя эта барышня так сильно в душу запала, может сам к ней и подойдешь? — произнес Кенджи и с усмешкой добавил. — Или ты все воздыхаешь по своей Майи?

Макото в ответ только густо покраснел, пробормотал что-то невразумительное и с носом уткнулся в бокал, точно бы его вдруг резко замучила жажда. Майи Мицу из Дома Паука — девушка лет двадцати с хрупкой талией, длинной косой, большими грустными глазами и, если верить слухам, довольно холодным характером — была давней зазновой Макото. Не так давно он и Кенджи столкнулись с ней и ее семьей, прибывшими на Турнир — Майи едва ли удостоила их коротким взглядом, тогда как Макото едва не свернул голову глядя в след своей ненаглядной, за что и поплатился здоровенной шишкой на лбу, столкнувшись с так некстати подвернувшимся на его пути столбом. И нет, не то, чтобы Кенджи хотел задеть своего друга или посмеяться над его чувствами — просто это было единственным, что могло заставить того замолчать хотя бы на пару лишних мгновений.

— Вот как значит, да? — проворчал Макото. — Я уже начинаю жалеть, что вообще тебе тогда душу открыл... Ладно, ладно, намек понял. Отстану я от твоей дурацкой шапки, а ты перестанешь тыкать мне пальцем в незажившую рану, идет? — дождавшись кивка Кенджи, которого вполне устраивала подобная сделка, Макото снова затянул старую песню: — Слушай, ну назови мне хотя бы одну вразумительную причину, по которой ты не можешь принять участие в Турнире? Ты же с этой своей демонической штукой... прошу прощения, со своими внезапно открывшимися талантами, — быстро поправил он сам себя, поймав взгляд Кенджи, — легко можешь добрую половину участников обойти, а то и вообще в победители вырваться. Ты хоть вообще представляешь, от чего отказываешься? Во-первых...

Кенджи только вздохнул и откинулся на подушку, слушая его болтовню. Сам-то Макото в отличие от друга внес свое имя в списки претендентов одним из первых — и, признаться, это стоило ему немалых усилий. Решив схитрить, в первый день начала записи на Турнир Макото поднялся задолго до восхода солнца, надеясь избежать толкучки — но подобных умников оказалось куда больше, чем он рассчитывал. Некоторые занимали места чуть ли не со вчерашнего вечера! Самураи победнее мужественно ночевали прямо под открытым небом, кутаясь в плащи и шерстяные одеяла — несмотря на то, что осень еще даже не подступила и к половине, ночью уже становилось довольно прохладно. Воины и маги побогаче отряжали на это дело слуг, а то и вовсе нанимали крестьян или уличных бродяг, которые с радостью бы переминались с ноги на ногу хоть круглый год за пару лишних медяков. Еще до полудня очередь растянулась чуть ли не на полгорода, а едва солнце стало в зените, как следить за порядком явилась практически вся императорская гвардия.

Шутка ли — такое количество скучающих бойцов в одном месте, не знающих, чем себя занять и убить время. Кто-то достал кувшин сакэ, кто-то прикатил из ближайшей таверны бочонок эля, прямо на земле застучали игральные кости и зашелестели карты, парочка юнцов решила померяться силами на потеху всем прочим, тут же особо пронырливые начали принимать ставки на исход драки, и чем меньше становилось выпивки, тем чаще среди толпы начинали вспоминаться старые обиды... В общем, тот день обошелся городу как минимум в семь разгромленных таверн, пять закрытых купален, одиннадцать разрушенных фонтанов и упряжкой испуганных коней, невесть каким образом оказавшейся на крыше ближайшего храма. Снимали их практически до полуночи, а то, каким образом они вообще

туда попали, на следующее утро не смогли объяснить даже протрезвевшие виновники сего хулиганства. Удивительно, но будущие участники отделались разве что сломанными ребрами или разбитым носом; хотя ранее первые жертвы Турнира могли появиться задолго до его начала.

Все это Кенджи поведал лично сам Макото который вернулся глубокой ночью — вымотанный до нитки, уставший, лишившийся куска рукава и одного сапога, с ног до головы пропахший потом, вином и луком; но лицо его, несмотря на пару свежих синяков и похожую на лопнувшую сливу губу, просто светилось счастьем.

— Ты представляешь — приперся даже этот засранец Хияно! — фыркнул Макото, прикладывая к лицу смоченную в холодной воде тряпку; заметив недоуменный взгляд Кенджи, он пояснил: — Это хлыщ из правящей семьи Дома Тигра. Ты наверняка видал его на совете — худой как каланча, плюгавый такой и вечно на всех зыркает, словно бы в дерьмо вляпался. Еле-еле в прошлом году четвертую ступень одолел — подозреваю, не без помощи казны своего семейства — а уж гонору... Ты представляешь — стою я рядом с ним, а он башку поворачивает к своим дружкам и говорит будто бы меня тут и нет: «Не знал, что в этом году дети тоже соревноваться будут». Дети, ха! Да он меня старше на пару лет, не больше! Ох, попадись он мне — не то, что меч больше держать не сможет, ходить будет с палочкой...

Последнее время мысли Макото — впрочем, как и всех остальных жителей столицы — целиком и полностью занимал только Турнир. Воины и заклинатели тренировались до последнего пота, оружейники, бронники, портные, держатели борделей, владельцы гостиниц и им подобная братия подсчитывали барыши, просто купаясь в деньгах, и даже уличные мальчишки ругались до хрипоты и лезли друг на друга с кулаками, защищая честь любимого Дома. Который, впрочем, утром мог быть совершенно другим, нежели вечером, а к полудню поменяться еще пару раз.

Самого же Кенджи Турнир волновал не больше, чем ежегодное соревнование по поеданию риса — да, в Каноку проводилось и подобное увеселение, к слову, имеющее немало поклонников. Нет, сейчас его тревожили куда более серьезные вещи. Пускай Жнец потерял большую часть своих союзников и едва не погиб сам — но, тем не менее, он все еще был могучим противником. Быть может, самым опасным человеком, с которым можно было скрестить мечи... но человеком ли?.. Кенджи своими глазами видел, как в него дважды вонзали кинжал почти по рукоять. Ни один воин, пускай даже самый стойкий, не смог бы оправиться от подобной раны даже если бы выжил — а Жнец не только не шелохнулся, но и смог продолжить бой, будто бы и вовсе не испытывал боли.

Не было сомнений, что его феноменальная живучесть была каким-то образом связана со сферами, что он разыскивал; как он там их называл — частицы Творцов? Чем бы они не являлись на самом деле — ключьями души Пепельного Короля или же просто могучими артефактами — Кенджи чувствовал, что у мощи, которую он поглотил, есть свой разум. Холодный, яростный, не знающий жалости и пощады. В тот краткий миг, когда неведомая сила захватила над ним контроль, он ощутил такую концентрированную волну ненависти, что еще чуть-чуть — и он бы обрушил ее на собственных же друзей.

Хоть с той поры голос молчал, но эхо его злобы до сих пор звучало у него в голове. И даже сейчас Кенджи нутром чуял, что сила эта не ушла и не спит, а лишь притаилась на время; точно бы поняв, что не сможет побороть Волю своего носителя, просто выжидает удобного момента. Сможет ли он одержать вверх над паразитом, вцепившимся не в тело —

душу? Кто знает. Но если он поможет ему свершить свою месть...

— ... к слову у тебя есть мысли, куда запропастился этот брюзгливый старикашка? — спросил Макото.

Кенджи в ответ только пожал плечами. От Рю не было ни слуху ни духу уже несколько дней. Видимо, он отправился на поиски того самого человека, который, по его словам, знает что-то про эти таинственные сферы. Впрочем, ни Кенджи, ни Макото не сильно расстроились его внезапным исчезновением, решив сполна воспользоваться кратким шансом перевести дух. Ведь с момента их возвращения они с самого раннего утра до позднего вечера проводили за тренировками под неусыпным и строгим взглядом Рю.

Бой с мечом. Бой с двумя клинками. Удары копьем, посохом и топором. Стрельба из лука. На своих двоих, лежа на земле, сидя на верхушке высоченного дерева, чья ветвь того и гляди надломится под его весом и даже вниз головой. Метание дротиков и камней из пращи. Рукопашная — до сбитых в кровь кулаков. Все вышеперечисленное, но с завязанными глазами. Лазанье по практически отвесной стене, прыжки на одной ноге по врытым в землю столбам, и бесконечное заучивание правильной группировки тела при падении. «Плюхаются на задницы как мешки с дерьмом», — с неумолимой прямоотой заявлял Рю, когда они в очередной раз демонстрировали ему свои навыки.

Бесконечные маятники, подъемы в гору с мешком песка на плечах и бег, бег, бег. Кенджи уже не помнил, когда передвигался по городу неспешным шагом, так как за малейшую задержку Рю выдумывал им все более изощренное наказание. Наконец-то они узнали, что такое Камень Болтуна, который тот вспоминал по делу и без — правда, лучше бы им было оставаться в блаженном неведении. Когда Макото в очередной раз что-то брякнул прямо посреди речи старика, тот не стал как обычно осыпать его бранью и лупить палкой, а вместо этого окинул взглядом тренировочный двор, выбрал самый тяжелый валун и сказал, что до самого заката Макото будет обязан таскать его в сумке за спиной — разумеется, прочие упражнения тоже никто не отменял.

Тот, конечно же, поначалу дико возмутился и заявил, что не собирается заниматься подобной ерундой. После этого Рю удивил их уже второй раз за утро — все тем же спокойным тоном он объяснил, что из семи последних чемпионов Турнира Домов трое ходили у него в учениках, двух он по несколько раз лупил на дуэлях — при этом будучи в стельку пьяным — а оставшиеся были слишком бездарны даже для этого. Так что, если он, Макото, в случае попадания в список участников, желает получить хотя бы шанс не вылететь в первом же бою — пусть он закрывает свой поганый рот, берет этот проклятый камень и дует на противоположный конец города за горячими рисовыми шариками в меду, ибо у Рю с самого утра во рту не было и крошки. Что тот после короткого раздумья и поспешил сделать, покуда Кенджи под присмотром Рю продолжил практиковаться в вызове фантомов. Надо сказать, весьма успешно — если поначалу он мог сотворить лишь неясную дымку, то теперь уверенно «лепил» небольших зверюг и даже заставлял их двигаться по его команде.

Помимо физических нагрузок Рю не забывал и о занятиях умственных, ведь «Сначала бьет мысль, а уже потом за ней следует рука». Окинуть оживленную площадь одним взглядом, закрыть глаза и без запинки перечислить количество людей и животных. Зайти в незнакомую харчевню и за пять ударов сердца назвать лучшие места для засады и все пути возможного отступления. Рю, вслух считая до десяти, показывал их подробную карту какого-нибудь городского квартала — а потом заставлял чертить ее на память, безжалостно рвя пергамент в клочья за малейшую кривую черточку.

А еще Рю обучал их вещам, которые были скорее присущи наемным убийцам и шпионам, чем воинам. Старик не только рассказывал о том, как действуют различные яды, но и научил Кенджи и Макото распознавать их запах и даже изготавливать противоядия из трав, растущих буквально под ногами. Рю показал, как скрытно пронести оружие мимо самой глазастой стражи и пускать его в ход за считанные мгновения. Как убить человека простой бамбуковой палочкой или замаскировать смерть под несчастный случай? Как правильно с помощью миски воды и хлебного мякиша прикинуться калечным бродягой, да так умело, что все прохожие будут шарахаться в сторону, только завидев фальшивые язвы? Как изготовить трубочку для дыхания под водой, писать замысловатым шифром и подражать крикам птиц? Как...

— Знаешь, старик, я даже стесняюсь спросить, откуда ты всем этим штукам понабрался, — с подозрением протянул Макото, наблюдая за тем, как тот ловко вскрывает замок простой рыбьей костью.

— Ты бы лучше тупые вопросы задавать стеснялся! — только рявкнул тот и Макото мигом закрыл рот, клацнув зубами; после прошлого знакомства с Камнем Болтуна он еле-еле дополз до своей постели, рухнул на нее и уснул прямо в сапогах. — Однажды одна из этих «штук» тебе шкуру спасет — если ты, конечно, перестанешь языком трепать и начнешь слушать, что тебе умные люди говорят. Вот тогда тебе совершенно наплевать будет, где и когда я чему обучался... Каге хитроумный, ты так скорее дверь сломаешь! Не дергай, а поддевай язычок как крючком и плавно, аккуратно, без лишних движений...

Дело уже близилось к полуночи, когда Кенджи и Макото, расставшись с последним содержимым своих кошельков, покинули купальню и ушли спать. А рано утром, едва только солнце выступило из-за горизонта, они уже направлялись в сторону главной площади вместе со всеми остальными членами Дома Змея. Покуда простые воины шли пешком, они в компании Каташи и его телохранителей ехали впереди всей процессии на вороных скакунах, в чьи гривы были заплетены зеленые ленты, а седла украшало серебро и позолота. Ичиро — старший брат Макото — уже должен был ждать на месте, так как именно он помогал в организации Турнира от Дома Змея и даже входил в коллегию, которая будет следить за его проведением.

Что и говорить — площадь, ровно как и все улицы вокруг нее, были забиты настолько, что яблоку негде было упасть. Люди забирались на крыши домов, верхушки деревьев — чьи ветви при каждом дуновении ветра угрожающе стонали, рискуя обломиться и рухнуть вниз — и даже на плечи друг друга. Свободен был лишь небольшой пяточок вокруг высокого помоста — по-видимому, именно отсюда будут объявлять имена счастливчиков, которым выпадет честь сражаться за звание лучшего; да и то — толпу сдерживало лишь плотное кольцо стражи, в любой момент готовых пустить в ход длинные древки своих нагинат.

Семьи попроще топтались среди прочих зевак. Богатые же рода и их приближенные заняли высокие деревянные галереи — выстроенные специально для сегодняшнего дня — расположенные по кругу. Каждая из них была украшена знаменами цвета Дома, для которого предназначалась, укрыта от солнца плотным брезентом и наполнена длинными скамьями с мягкими подушками. Не успел Кенджи занять свое место рядом с Макото, как возле них буквально из ниоткуда появилось несколько молчаливых слуг — и вот они уже потягивали прохладное вино, щедро сбавленное специями.

Заприметив на другой стороне площади Шуноморо, Кенджи помахал ему рукой — но вряд ли здоровяк смог разглядеть его приветственный жест с такого расстояния. Самого же

Шу проморгать было трудно — впрочем, как и его родичей. Даже стоявшая рядом с ним девушка — быть может, сестра — возвышалась над окружающими мужчинами минимум на полголовы; вместе же семейство Ямо напоминало невозмутимые скалы, обтекаемые людским потоком.

Почти пробил полдень, народ все прибывал и прибывал, а гвалт в воздухе стоял такой, что Кенджи едва мог расслышать голос Макото, который, не умолкая ни на миг, комментировал всех замеченных им знакомых, абсолютно не стесняясь в выражениях. Но вот наконец загремели горны, забили барабаны, воздух заполнил стрекот трещоток — и к помосту направился главный императорский советник Чикара Хицу вместе с представителями Великих Домов, которые должны были следить за тем, чтобы правила Турнира выполнялись до последней буквы. От Дома Паука присутствовала госпожа Кумо, Дом Змея представлял Ичиро, чуть позади него шел пузатый господин с длинными тонкими усиками, точно нарисованными углем — глава Дома Тигра, Кенджи помнил его еще с совета — остальных же он знал разве что понаслышке. Не хватало только членов Дома Волка, которые все до одного покинули столицу сразу после похорон Сато.

Впереди процессии шла когорта стражников, которые, бранясь и ругаясь, бесцеремонно расталкивали переминающихся с ноги на ногу людей, а особо медлительных награждали пинками или ударами плеток. Взобравшись на помост и подождав какой-никакой тишины — признаться, времени для этого потребовалось немало — Чикара достал из-за пазухи запечатанный продолговатый футляр, предназначавшийся для свитков, и прочистил горло.

— Рад поприветствовать вас всех в этот знаменательный день! Пусть дети ваши никогда не знают голода, а предки улыбаются, глядя на достижения своих потомков. Увы, наш всеми любимый владыка, Ставленник Богов, Мудрейший из ныне живущих, Хозяин земли и воздуха... — выслушивая все титулы императора, Кенджи не торопясь успел опустошить полный стакан — ... его светлость господин Симата не смог сегодня поприсутствовать на церемонии лично, но просил передать всем и каждому его самые искренние благословления.

Со всех сторон послышались жиденькие аплодисменты; и хоть некоторые хлопали словам Хицу весьма искренне, остальные даже не отвлеклись от разговоров или же в открытую позевывали.

— Не буду тянуть время и рассказывать вам, по какой причине мы все здесь собрались. Хочу лишь напомнить, что этот Турнир целиком и полностью будет посвящен имени слишком рано покинувшего нас Юмы Сато — императорского мэцукэ, отдавшего жизнь на благо своей страны. Господин Сато был похищен и убит одним вероломным мерзавцем, чье имя я брезгую произносить даже про себя — но к счастью, нашлось несколько смельчаков, сумевших отомстить за смерть Юмы и вернуть его тело для погребения...

Кенджи буквально кожей почувствовал на себе сотни заинтересованных взглядов и надвинул шляпу пониже на глаза; Макото напротив надулся от гордости и выпятил грудь, нисколечко не стесняясь всеобщего внимания. Чикара же тем временем одним движением вскрыл футляр, вытащил на свет свернутый в трубочку свиток и развернул его.

— Настала пора узнать, кому посчастливится сразиться за право называться лучшим из лучших и навсегда увековечить свое имя в истории. Сато был настоящим воином и, я уверен, он счел бы честью стать рядом с любым из этого списка. Итак, первое имя — Кента Ива из Дома Цапли!

Соседняя галерея буквально взорвалась овациями и радостными воплями; лишь мельком Кенджи успел увидеть невысокого парня с длинными волосами, стянутыми в пучок на

затылке, а после он скрылся за друзьями и близкими, спешащими поздравить счастливица.

— Пересекался с ним пару раз, — прошептал Макото. — Очень скрытный парняга — ни с кем близко не общается, вечно себе на уме. Но вроде как неплохой боец. Я слышал, он как-то на спор подбросил в воздух три яблока и прострелил их одной стрелой.

— Нэн Хисару из Дома Паука!

На противоположной трибуне Кенджи увидел девушку, которую они вместе с Сато как-то встретили на пути в замок Такэга. Казалось, это было так давно, будто бы в прошлой жизни, но Нэн опять была одета в длинное мешковатое платье и также скрывала лицо за широкой шляпой; разве что теперь ее наряд был песочного цвета.

— Гляди-ка, даже глазом не повела, — завистливо протянул Макото. — Правду говорят, наверное, что характер у нее как у гадюки... Один паренек как-то раз ей вслед неудачную шутку отпустил — что-то там про то, что самые сочные дыньки всегда в тени прячутся — так она его часа три по воздуху своими элементариями туда-сюда гоняла, бедняга чуть кишки на землю после не выблевал.

— Сузуму Хака из Дома Кошки!

Первый участник не из Великого Дома и поэтому находящийся среди толпы издал громкий вопль и поднял ввысь руки. То был невысокий коренастый мужчина лет так сорока с обритой налысо головой и окладистой бородой.

— Мерзкий тип, — поморщился Макото. — Не зря его за глаза Стервятником кличут. Ты, наверное, не знаешь, но он уже принимал участие в Турнире, когда еще совсем молодой был, лет пятнадцать назад. Он в какой-то темной истории был замешан — говорят, встретился как-то ночью с другим участником в темном переулке, так тот там и остался в грязи лежать с перерезанным горлом. Стервятник потом утверждал, что просто защищался — но власти решили расследование прикрыть и дельце замять, чтобы прямо во время Турнира грызня не началась, списали смерть бедолаги на несчастный случай, а от семьи откупились. Сузуму же на следующий день сам отказался от дальнейшего участия — дескать здоровье не позволяет. Ага, как же, у Стервятника его на десятерых хватит — ты гляди, шея как у быка, только что ворот не лопается...

— Шуноморо Ямо из Дома Плюща!

Кенджи аплодировал так сильно, что едва не отбил себе ладони, искренне радуясь за друга, Макото безуспешно пытался докричаться до здоровяка, чуть не сорвав голос, сам же Шу хоть и сиял как начищенный пятак, но с виду сохранял привычную невозмутимость. Чикара произносил одно имя за другим и каждого нового счастливица толпа встречала ликующим ревом. Но вот неизвестен остался лишь последний участник, главный советник сделал паузу, чтобы промочить горло — а может и нагнать интриги — Макото же закрыл глаза и беззвучно зашевелил губами, наверное, взывая к судьбе, удаче, богам и всем, кому только можно.

— И имя последнего претендента на звание чемпиона, который будет биться не только за себя, но и за честь своих семьи и Дома...

Первое время Кенджи просто глупо моргал глазами, услышав собственное имя. А после чуть не рухнул на пол под лавиной Змеев, кинувшихся поздравлять собрата.

За прошедшие несколько дней плечи Кенджи выдержали столько дружественных ударов и похлопываний, что с них не сходили фиолетовые синяки. Практически каждый встреченный им самурай — независимо от того, был ли он хотя бы отдаленно знаком с Кенджи или видел его в первый раз — тут же бросал все свои дела, считая святым долгом как минимум пожелать ему удачи в предстоящем Турнире. А то и дать пару-тройку наставлений, поделиться своим мнением насчет возможных противников, предложить показать какой-нибудь особо хитрый прием — который, конечно же, знал только непрошенный советчик и никто более — порекомендовать знакомого оружейника, предложить пропустить стаканчик-другой в ближайшем кабаке...

Если поначалу Кенджи терпеливо выслушивал любого, кто желал перекинуться с ним словечком, то вскоре любопытствующих стало уже до неприличия много; и не успевал он кое-как отвязаться от одного, как на его месте тут же вырастало двое других. Кенджи пытался было вежливо объяснять, что у него вообще-то не столь много времени, чтобы тратить его на болтовню с незнакомыми людьми, но, увы, внимали ему немногие; остальные же либо попросту игнорировали все его намеки, либо те вызвали только новый шквал расспросов.

Из-за всего этого Кенджи практически потерял возможность спокойно передвигаться по городу без хвоста непрестанно шушукующихся зевак, следящих за каждым его шагом. Если он и выходил на улицу, то лишь ночью и в качестве маршрута выбирал самые немногочисленные проулки, старательно избегая рынков, площадей и центральных бульваров. Впрочем, помогало это лишь отчасти, так как с каждым днем в Каноку прибывало все больше народу, желающих поглазеть на знаменитый Турнир, и гуляк можно было встретить даже в самый поздний час. Именно поэтому сидя на втором этаже таверны «Две кружки» — не самого популярного заведения, надо сказать, располагающегося почти на самой окраине столицы — он, даже не выглядывая наружу, мог легко поставить на то, что сейчас на улице переминаются с ноги на ногу добрая дюжина людей, если не пара десятков.

— Им что, заняться больше нечем, мать их? — пробормотал Макото, наполовину высунулся из окна и крикнул: — Эй, бездельники! Лучше б работу себе нашли, чем нам глаза мозолить! Если я выгляну в следующий раз, а вы тут будете продолжать баклуши околачивать — пеняйте на себя! Я предупредил!

— Помогло? — с надеждой спросил Кенджи после того, как его друг захлопнул ставни, уселся напротив и потянулся к графину.

— Неа, — одним коротким словом обрушил тот все его чаяния и хмыкнул. — Ты и впрямь думаешь, что кто-то в здравом уме откажется от участника Турнира пару синяков выхватить? Да ими гордиться будут как почетной наградой, а байку эту до конца жизни своим внукам рассказывать. К слову, ты готов к первому этапу? Между прочим, до него осталось каких-то пару дней.

Кенджи в ответ только тяжело вздохнул. Нет, он совершенно не был готов к первому этапу. Впрочем, как и ко второму, третьему и всем последующим за ними. Боги, да он даже в голове не держал принимать участие в этом проклятом Турнире! Правда, каждый, кому Кенджи пытался это объяснить, в ответ только усмехался, видимо, считая, что тот просто скромничает. Поверили ему лишь Макото и Шуноморо. И если здоровяк легко принял на

веру слова друга, ни на каплю в них не усомнившись, то вот первый, похоже, до сих пор немного подозревал — во всяком случае, так казалось Кенджи — что тот все же где-то недоговаривает.

— Ну и кому вдруг понадобилось вписывать тебя в список претендентов без твоего согласия, сам подумай? — с хрустом зевнул Макото. — Кому-то из судей? Тому чудиле в маске? Зачем ему это? Занять тебя на время, чтобы ты и думать забыл про его темные делишки? Бред! Даже если бы он сумел каким-то невероятным образом исполнить подобное — в чем я очень сильно сомневаюсь — то имена счастливиц наугад выбирает император собственной персоной под пристальным взглядом всех членов судейского комитета, включая госпожу Кумо и моего брата. Ичиро, конечно, с годами стал нуден до ломоты в зубах, но при малейшем намеке на нечестную игру раструбил бы об этом на каждом углу, будь уверен.

— Подпишусь под каждым словом, — поддержал друга Шу; рука его уже почти зажила, но он на всякий случай до сих пор носил компресс с целебной мазью, воняющей так, что, казалось, едким травяным запахом успели пропитаться даже потолок и стены. — Думаю, это просто какое-то досадное недоразумение. Быть может, в Турнире хотел поучаствовать какой-то другой Кенджи — да вот только не смог явиться на жеребьевку и потому ты занял его место, сам того не желая. Но как бы то ни было — искренне не понимаю причину твоего недовольства. Турнир — хороший способ испытать свои умения, разве не так?

Шутка судьба или чей-то коварный замысел, нелепая случайность или же роковая ошибка — положение дел это не меняло. И да, Кенджи не мог не согласиться с Шу, что Турнир и впрямь отличная возможность померяться с силами с другими бойцами и выяснить предел собственных возможностей, но возникал вполне резонный вопрос — к чему ему все это? Единственной его целью было отомстить Жнецу и всему Братству Рока. За отца, Тэмо. Сато и родную деревню, сожженную дотла. Остальное — не более чем пыль.

Скорее всего, Жнец, зализав раны, продолжит поиск оставшихся сфер. А значит, если Кенджи найдет оставшиеся «частицы Творцов» — чем бы на самом деле не были эти шпуквины — он отыщет и самого Жнеца. И уж тогда... Второй раз он от него не уйдет. Но Кенджи понятия не имел с чего начать поиски и помочь ему в этом мог лишь некий таинственный человек по прозвищу Белый Лис. Возвращаясь из Одиннадцати Звезд, Кенджи успел как следует расспросить Тору и остальных Листьев — но те, увы, слышали это имя впервые и знали не больше его самого.

Последней надеждой оставался Рю, который пообещал разузнать все, что сможет и вернуться с вестями. Но его не было слышно уже несколько дней и Кенджи очень сильно это не нравилось. То ли у Рю вдруг обнаружились какие-то более срочные дела, то ли он угодил в очередную переплет. Но так как старик и словом не намекнул на то, куда отправляется и как зовут того самого знакомого, который может помочь им с поиском сфер, оставалось только ждать. И томительное ожидание было мучительнее всего...

— Вот-вот, — кивнул Макото и с шумом отхлебнул из стакана. — Бросить вызов самому себе — это, конечно, очень здорово, но не стоит также забывать о бабах, деньгах, всеобщем внимании... Тебе что, мало? Да любой торгаш каждому из вас кругленькую сумму заплатит, лишь бы вы обратили внимание на его лавчонку и покрутились около нее пару раз на потеху зевакам. А уж если во всеуслышание заявить о том, что ты только у него в этом городе затариваешься и нигде боле — он тебя серебром просто с головой засыплет, попомните мои слова. Не стоит забывать и о главной награде — возможности перепрыгнуть сразу на следующую ступень мастерства, независимо от количества прошедших шагов, и

даже основать собственный Дом. Недурно, правда?

Предложение действительно соблазнительное. Правда, актуально оно было бы лишь в том случае если бы Кенджи еще знал, что с этим Домом делать, так как у него не было ни земли, ни людей; впрочем, он не сильно огорчился по этому поводу, прекрасно представляя, сколько забот и проблем у глав правящих семей. Он успел убедиться в этом самолично за то недолгое время, проведенное рядом с Каташи. Вставал тот с первыми лучами солнца и практически сразу, не успев даже позавтракать, запирался в собственном кабинете, из которого выходил в лучшем случае лишь для небольшой предобеденной прогулки. Встречи и переговоры с представителями других Домов, бесконечные расчеты, письма и целые кипы самых разных документов, требующих внимательного изучения — наверное, на одни только чернила и перья Дом Змея тратил столько денег, что страшно представить. Нет, разумеется, у Каташи была целая когорта обученных счетоводов и писарей — да вот только он все равно предпочитал проверять каждую закорючку лично. Ичиро был целиком и полностью занят Турниром, ну а Макото...

— Помнится, как-то раз папаша пытался подсунуть мне какие-то бумажки, — хмыкнул тот. — Ну я вечерок посидел... в общем, как оказалось позже, после моей работы разорилась цельная красильня, так что к документам меня больше и на пушечный выстрел не подпускали.

Что касается ступеней — за все их злоключения Кенджи и Макото без каких-либо проволочек махом поднялись на четвертую, став мастерами; Шу же вполне заслуженно удостоился звания магистра. И если Кенджи со здоровяком были вполне довольны подобным результатом, то младший Такэга явно рассчитывал на большее. Бедолага-чиновник, принимавший их в приемной императорского магистрата, только хлопал глазами, слушая возмущение Макото, который в красках описывал все, через что им пришлось пройти. Когда же он начал изображать визги умирающих цутигумо — к слову, вполне правдоподобно — чиновник, чье лицо стало белее кости, извинился и выскользнул за дверь и вскоре вернулся с подмогой в лице полудюжины куда более опытных и подкованных в таких вопросах коллег. Спор, начавшийся рано утром, закончился только ближе к вечеру и все это время Макото торговался так яростно, словно речь шла об их жизнях. Впрочем, чиновники вполне успешно держали оборону, так что борьба велась на равных.

— Один только проклятый они Гуло тянет на четыре шага каждому! — кулак Макото опустил на крепкую столешницу, заставив стоявшие на ней чернильницы подпрыгнуть. — Между прочим, он когда-то убил самого Казе Демоноборца и свел в могилу еще бог знает сколько воинов рангом поменьше.

— Ваши аргументы ясны и понятны, — скрипучим голосом ответил ему самый старший чиновник, почесывая крючковатый нос. — Однако они мы можем засчитать лишь за полтора шага: все же вы дрались с ним вдвоем и, если я ничего не упустил из вашего рассказа, демон был пьян в стельку и едва держался на ногах.

— Горная ведьма — раз, — загибал пальцы Макото. — Дюжина цутигумо — два, разгром банды Черепов вместе с их главарем Йоши — три...

— Боюсь, здесь мы тоже вынуждены внести свои поправки, — покуда старик решил промочить горло, в разговор ввязался сановник, сидящий от него по правую руку. — Не сомневаюсь, что та колдунья действительно владела опасными чарами и погубила множество невинных людей — но все же она являлась скорее знахаркой и ведуньей, нежели боевым магом. Вы же не станете спорить с тем, что поимка уличного головореза куда менее

почетна, чем победа над профессиональным воином? Пускай даже первый проломил сотню черепов. Что же касается цутигумо... итак, вы оба сейчас находитесь на третьей ступени... пауки — демоны хоть и коварные, но для опытного бойца вряд ли представляют опасность... сойдемся по шагу на каждого.

— Три!

— Один.

— Два с половиной и не меньше!

— Повторюсь — один и не больше.

— Да у вас мозг похоже один на всех, скупердяи! — рявкнул Макото, чья шея уже начинала покрываться багровыми пятнами. — Вы свои драгоценные шаги будто из рук родных детишек выдираете! Попробуйте высунуть нос из этой конуры и убить хоть одного восьминога — он вас мигом сожрет и даже не подавится!

— При всему уважении к вам, семье Такэга и всему вашему Дому, юноша, — процедил чиновник, поджав губы, — мы находимся не на базаре и торговаться словно за кусок рыбы я не намерен. За многие десятки лет работы мы выработали определенный регламент, который наиболее честно и прозрачно позволяет оценить достижения самых разных бойцов и их мастерство. Один шаг и две десятых сверху — и то мы идем вам навстречу из-за уважения к памяти господина Сато, чье тело вы вернули родным.

— Допустим, — нехотя согласился Макото с таким оскорбленным видом, словно сидящий напротив муж только что грязно отозвался о его матери. — Но уж Черепа-то точно не какая-нибудь там шпана и одним жалким шажком вы за них не отделаетесь. Итак, только в их логове мы перебили, наверное, два десятка этих подонков — Кенджи, не сиди столбом, бери перо и записывай...

В конечном итоге им все же удалось прийти к соглашению, что более-менее устроило обе стороны. Но при расставании каждый из участников этой встречи явно считал, что сделал другому огромное одолжение. Так что теперь помимо медальона в виде свернувшейся змеи — отличительного знака наиболее почетных членов Дома Змея — на груди у Кенджи болталась цепочка с амулетом мастера.

— К слову, если ты так сильно не хочешь участвовать в турнире, ты всегда можешь просто взять и облажаться в первый же день, — предложил Макото; и трудно было понять, шутит ли он или говорит на полном серьезе. — Скажем, меч себе в ногу воткнуть или шутку про императора рассказать. О, а как тебе идея запустить стрелу из лука в сторону судей? Уверен, после такого трюка из Турнира ты вылетишь со скоростью пули. Правда, как и из нашего Дома. В последний раз наших на Турнире еще покойный Кера представлял, так что, думаю, у моего отца на тебя большие планы...

— Прошу прощения...

Повернув головы, они увидели хозяина заведения, застывшего на пороге — невысокого толстячка с зализанными назад жиденькими волосами, которыми тот тщетно пытался прикрыть широкую плешь; правда, без особого на то успеха.

— По-моему мы ясно сказали — не беспокоить, — недовольно протянул Макото.

— Еще раз тысячи извинений, господин Такэга, — щеки толстяка залились пунцовой краской, а глаза уткнулись в пол, — но один человек хочет вас увидеть, и он весьма настойчив в своем желании. Я прекрасно помню ваш наказ и не стал бы тревожить столь дорогих и уважаемых гостей без крайнего повода, но тот мужчина утверждает, что это вопрос жизни и смерти. Однако одно ваше слово — и я прикажу наградить его палками и

вышвырнуть вон.

— Не стоит, — покачал головой Кенджи. — Пусть зайдет. Если он вдруг станет нам надоедать — мы справимся сами.

Отвесив низкий поклон, хозяин корчмы выскочил в коридор — и вот через несколько мгновений в дверях замаячила сгорбленная фигура. На самом деле Кенджи ожидал увидеть Рю или кого-нибудь из Листов — но вместо этого перед ними стоял невысокий мужчина с обветренным лицом, сжимающий в руках потрепанную соломенную шляпу.

— Я ищу госп-подина Кенджи из Тихого Потока, — тихо произнес незнакомец, окидывая их троицу робким взглядом.

— Он перед тобой, — тяжело вздохнул Кенджи и отставил бокал в сторону. — Слушай — без обид, но у меня нет ни времени, ни желания в сотый раз выслушивать...

— Меня попросили передать вам это, — перебил его мужчина, сунул руку за пазуху и вытащил оттуда что-то блестящее.

Кенджи с удивлением рассматривал большую овальную золотую монету в мозолистых пальцах незнакомца. Настоящее сокровище — за нее, наверное, половину всей этой харчевни купить можно; а если хорошенько поторговаться — взять ее целиком. Интересно, кто бы мог отправить Кенджи такой щедрый подарок... Да и выбор гонца был довольно необычен — судя по стоптанным башмакам и веревке вместо пояса, он явно не богат и сейчас держит в руке столько, сколько не заработает и за всю жизнь. Наверное, у того, кто нанял этого человека, были веские причины ему доверять — иначе что бы ему мешало смыться вместе с золотом?

— Ну и где ты ее украл? — с подозрением протянул Макото, который, судя по всему, задался тем же вопросом.

— Нет-нет-нет, господин! — мужчина побледнел. — В жизни до чужого и пальцем не дотронулся даже в мыслях, клянусь могилой матери! Я — честный трудяга. Эту монету мне отдал один... человек, — голос его на миг дрогнул, — повелев отнести ее некому Кенджи из Тихого Потока. А иначе...

Он умолк и провел большим пальцем по шее чуть ниже кадыка.

— Позволь поинтересоваться — и как же выглядел тот человек? — сказал Шу; хотя думается они все и без того знали ответ на этот вопрос.

— Как сама смерть, господин, — после короткого молчания произнес мужчина и шагнул к столу. — Вы позволите?..

Не успел Кенджи кивнуть, как тот медленно положил на середину стола монету, словно бы та в любой момент могла взорваться прямо у него в руках, а после, не произнеся ни звука, вылетел из комнаты с такой скоростью, точно бы за ним в погоню помчалась сотня разъяренных демонов. Кенджи уже было протянул руку, чтобы взять безделушку и разглядеть ее поближе, но тут его одернул голос Макото:

— Эй, ты же не собираешься и в самом деле дотрагиваться до этой штуки? Вдруг она проклята?

— Ну, во всяком случае этот крестьянин выглядел вполне здоровым, хоть и смертельно напуганным, — заметил Шу.

— Ага, но что если золото зачаровано на конкретного человека? Сенокос — тот еще коварный ублюдок и мы знать не знаем, какие фокусы прячутся у него в кармане.

— Жнец, — непроизвольно поправил друга Кенджи, размышляя над его словами.

— Да срать я хотел, хоть Пахарь, — фыркнул Макото и скрестил руки на груди. —

Наверняка он понял, что в открытом бою мыраз плюнуть надерем ему задницу и решил вывести нас из игры какой-нибудь хитрецей. Или ты забыл, как он того недоноска в храме в суп превратил одним движением руки? У меня до сих пор мороз по коже, стоит мне подумать, что то заклятье должно было в меня угодить... бр-р-р.

— Хорошо, и что же ты тогда предлагаешь сделать? — сказал Кенджи. — Оставить ее прямо здесь?

— Кажется, у меня есть идея получше, — задумчиво произнес Шу и поднялся на ноги. — Но мне нужно кое-кого наведать. Я быстро.

Кенджи с Макото как раз успели прикончить по миске супа с лапшой и опустошить полграфина пива, когда Шу наконец вернулся. Подойдя к столу, он достал из наплечной сумки небольшую деревянную шкатулку, покрытую замысловатыми символами, сплошь состоящими из завитков и закорючек; с тихим щелчком открыв ее, он продемонстрировал, что доньшко ее изнутри было обито красным бархатом, а на стенках красовались похожие знаки.

— Настоящая Ловушка Сеноби? — присвистнул Макото. — Редкая штука.

— И оттого еще более ценная, скажу я вам, — хмыкнул Шу и пояснил в ответ на недоуменный взгляд Кенджи: — Сеноби — имя одного могущественного волшебника и талантливого ученого, совершившего в свое время немало открытий. Одним из его последних изобретений стала формула из символов и заклинаний, способных сдержать практически любую магию. Нанеси их на стены ящика, потом произнеси нужные слова — и сможешь без опаски хранить в нем какой-нибудь нестабильный артефакт. Увы, Сеноби скончался, не успев оставить учеников, так что по всей стране вряд ли наберется и дюжина умельцев, умеющих воспроизвести ритуал целиком, полностью и без ошибок. Тем больше мне повезло, что как раз одна из таких штук хранилась у моего дяди, приехавшего поддержать меня на Турнире, который любезно согласился одолжить мне ее на время.

Шу с превеликой осторожностью взял монету двумя палочками, опустил ее на мягкий бархат и медленно закрыл крышку. Все трое склонились над шкатулкой, затаив дыхание — через несколько мгновений томительного ожидания символы вспыхнули алыми огоньками и погасли.

— Кажется сработало, — с облегчением выдохнул Шуноморо и протянул коробочку Кенджи. — Пускай она побудет у тебя, пока мы не найдем кого-нибудь, кто сможет проверить эту монету на наложенные чары.

— Я бы поспрашивал во внешнем круге, — почесал нос Макото. — Там полным-полно волшебников и алхимиков, толкающих из-под полы всякие полуполезные магические побрякушки. Вряд ли средний маг, обучавшийся владению одним из пяти элементов, сможет распознать и обезвредить заклинание разложения... — он широко зевнул и с хрустом потянулся. — Мать честная — засиделись мы что-то. Не знаю как вы, а я прямо под стол сейчас готов завалиться дрыхнуть.

И действительно — за окном уже смеркалось, так что они приняли решение отправиться спать. Тем более, что Кенджи утром предстояла встреча с целой когортой заранее нанятых портных, которые должны были сшить для него новый костюм. Ведь в Турнир входили не только испытания силы и духа; помимо этого, участники должны были продемонстрировать отличные манеры, безукоризненное знание кодекса чести и даже сочинить несколько хокку. Ближайший прием должен был состояться на следующий же вечер после первого этапа во дворце самого императора и заявиться туда в «Рваном тряпье»

— как с присущей ему прямоотой заявил Макото — значило нанести его светлости страшное оскорбление и покрыть позором не только себя, но и свой Дом.

Выйдя на улицу, Кенджи тяжело вздохнул. Он-то уж надеялся, что зеваки, преследующие его и Шу, разошлись — но не тут-то было; напротив, несмотря на поздний час число их изрядно прибавилось и теперь на улице вокруг харчевни маячили не меньше трех десятков сгучающих людей. Завидев их троицу, они заметно оживились и Кенджи уже было приготовился вновь ближайšie пару часов посвятить пустой болтовне, однако положение их спас Шуноморо. Со своей коронной невозмутимостью он двинулся прямо сквозь толпу, которой ничего не оставалось, кроме как побыстрее разойтись в стороны перед здоровяком. Кенджи же и Макото поспешили следом, стараясь не отстать и не остаться наедине со всей этой сворой бездельников.

К счастью, вскоре большинство из них отстали сами собой. Возможно, поняли, что куда проще найти более сговорчивых участников Турнира, быть может, просто устали и отправились на боковую, но скорее всего свою роль также сыграл и Макото, который, напоказ вытащив из-под плаща перевязь с пистолетами, принялся нарочито громко рассказывать о том, с какого расстояния пуля способна расколоть череп, как арбуз. Вскоре пути их разошлись и вот, наконец, Кенджи и Макото прошли крепкие ворота, отделяющие резиденцию Дома Змея от остального города, которые перед ними открыли позевывающие часовые.

Зайдя в свою комнату, Кенджи запер дверь на засов, скинул сапоги и растянулся на кровати, заложив руки за голову. Несмотря на усталость, сон к нему не шел, а в голове одна за одной роились тяжелые мысли. Зачем Жнец отправил ему эту монету? Был ли это какой-то знак или на золото и впрямь наложены чары? Кенджи кинул взгляд на шкатулку, стоявшую на невысоком столике возле окна. В этом случае держать ее здесь, наверное, не самое лучшее решение, ведь могут пострадать невинные люди. Но тот крестьянин, доставивший ее, похоже проделал немалый путь — и остался цел и невредим...

Размышления его нарушил тихий шорох за окном. Однако не успел он и пальцем пошевелить, как в комнату влетел какой-то круглый предмет, со стуком упавший на пол. В тот же миг Кенджи скатился под кровать и замер, ожидая услышать взрыв, но... прошло несколько мгновений, а ночную тишину нарушал только стрекот цикад. Осторожно выглянув из-за своего импровизированного укрытия, Кенджи увидел лежавший неподалеку от него большой камень, обернутый пергаментом. Чувствуя себя немного глупо, Кенджи поднялся на ноги, подобрал валун и, сняв с него бумагу, пробежался глазами по ровным буквам:

«Уважаемый господин Гото!

Спешим уведомить, что ваша старая прялка уже отремонтирована и готова к работе.

Забрать ее вы можете лично. Просим поспешить и сделать это немедленно, иначе, боюсь, нам придется отдать ее другому покупателю.

Если вы вдруг позабыли — наша мастерская находится неподалеку от стоков. Перейдите центральный мост и ступайте в квартал рядом с малым рынком. Третий дом от угла с зеленой крышей. Смело стучите, невзирая не поздний час, если увидите на подоконнике горящую свечу».

Закончив читать, Кенджи выглянул в окно — однако как он и ожидал снаружи не было ни души. Почерк, которым было написано послание, был ему незнаком — но он сразу же узнал один из шифров Рю. Мигом одевшись, он повесил на плечо Песнь Тьмы, взял ножны и выскользнул в коридор. Признаться, Кенджи уже и не надеялся достучаться до Макото, когда

дверь наконец раскрылась и показалась его взлохмаченная голова.

— Чего барабанишь? — с недовольным видом зевнул он.

Кенджи молча сунул ему пергамент. Ознакомившись с его содержимым, Макото взлохматил волосы и хмыкнул:

— Ну и что это за бред? Какая к бесам прялка? Это что — розыгрыш?

— Это шифр, — Кенджи забрал у него послание и провел пальцем по строчкам. — Видишь: «У нас есть то, что принадлежит тебе. Приходи сейчас же — иначе больше никогда его не увидишь». Совсем как учил Рю — если письмо вдруг случайно попадет не в те руки, сторонний человек и не заподозрит ничего подозрительного.

— Ты думаешь, это старик нас в гости зазывает? И чего тогда он сам не пришел? Знаешь, больше похоже на ловушку, — с подозрением сказал Макото.

— Согласен. Но что если Братство Рока захватило Рю, узнав, что он разыскивает информацию о сферах, и под пытками заставило его написать послание, чтобы выманить нас напрямик в западню? В этом случае старик в смертельной опасности.

— Ладно, ладно, — Макото потер заспаные глаза. — Давай так: я сейчас соберу парней и...

— Я более чем уверен, что соглядатаи Братства следят за нами, — перебил его Кенджи. — Иначе как бы они сумели забросить камень прямо ко мне в комнату? Если они заметят, что мы взяли с собой подкрепление, ничто не мешает им прикончить Рю и залечь на дно.

— Ох, не нравится мне это, — пробурчал Макото. — Но похоже ты прав. Другого выхода у нас нет. Сейчас хоть плащ накину.

Вместо ворот территорию Дома Змея они покинули прямо через высокий забор — после тренировок Рю это не составило ни для одного из них особого труда — и сразу же двинулись в сторону стоков, которые, как рассказал Макото, находились практически на самой окраине города, куда даже городская стража заглядывала с неохотой. Неудивительно — стоило пройти по крепкому мосту и пересечь широкий канал, разделяющий Каноку почти напополам, как они сразу же нырнули в грязные трущобы с покосившимися домами и дурно пахнущими выгребными ямами. И если во всей цивилильной части города даже ночью не затихали гуляния, то здесь было на удивительно тихо. Редкие прохожие, попадающиеся им на пути, шарахались от чужаков словно от прокаженных и спешили раствориться в ближайшей темной подворотне. Однако винить их в этом было трудно. Не раз и не два Кенджи ощущал на себе чей-то цепкий оценивающий взгляд — но, видимо, рукояти мечей, торчащие из-под плащей, отбивали всякую охоту у местной шпаны хотя бы попытаться их ограбить. Наконец, они прибыли на место и остановились неподалеку от двухэтажного здания, которое, казалось, вот-вот рухнет набок. Проломленная крыша, заколоченные окна, на которых клочьями висела паутина — все указывало на то, что покинут этот дом был по крайней мере пару сотен лет назад.

— Ты уверен, что это здесь? — прошептал Макото, проверяя свои пистолеты.

Будто бы ответом на его вопрос в самом верхнем окне вдруг мелькнул и тут же погас дрожащий огонек. Прошло не больше десяти ударов сердца — и сигнал повторился. Они переглянулись.

— Как думаешь, это сам Жнец? — сказал Макото и облизнул губы.

— Вряд ли, — покачал головой Кенджи. — Скорее всего кто-то из его головорезов.

— Ладно, чего гадать, совсем скоро убедимся в этом сами, — сплюнул на землю

Макото и накинул на голову капюшон. — Попробую обойти сзади.

— Если они держат Рю в плену, нам нужно захватить кого-нибудь живьем, — предупредил Кенджи.

— Постараюсь, но ничего не обещаю, — ответил Макото и нырнул в тень.

Кенджи же, не таясь, направился напрямиком к центральному входу, на ходу собирая крупички Воли воедино. Кое-как открыв заклинившую дверь, он переступил порог — и в тот же миг в нос ему ударил затхлый запах, походивший на могильный смрад. Судя по всему, здесь и впрямь когда-то располагалась мастерская. Под ногами у него ковром лежали мелкие опилки и обрывки ткани, изначальный цвет которой уже невозможно было определить из-за грязи. По левую руку вдоль стены стояли сломанные прялки, по правую находилась крутая лестница со сломанными перилами. Позади вдруг раздался тихий шорох. Кенджи резко развернулся, наполовину вытащив меч из ножен — но после лишь облегченно выдохнул, увидав большую крысу, которая, возмущенно пискнув, скрылась в ближайшую щель. Не успел Кенджи сделать и шаг, как к горлу его прижалось холодное лезвие, а ухо защекотало чье-то горячее дыхание:

— Пошевелишь хоть пальцем — и тебе конец. Понял?

Кенджи медленно кивнул и в тот же миг вновь услышал тот самый незнакомый голос, звучавший прямо у него в голове:

«Убей их всех...».

И не сказать, чтобы он хотел с ним спорить.

С первым противником — тем самым, что приставил нож к его горлу — Кенджи справился играючи и практически без усилий. На это ему даже не понадобилась Воля, только пара простых приемов, которые в ходе тренировок он успел довести практически до идеала; того самого, когда тело действует зачастую быстрее мысли. Перехват руки, подсечка, резкий бросок — и вот уже неприятель, шипя от боли, валялся на полу со сломанным запястьем. Кенджи же с удивлением рассматривал довольно странный наряд незнакомца, состоящий из плотной куртки темно-бордового, почти черного цвета, и такого же оттенка маски, что закрывала всю голову и оставляла лишь небольшой зазор для глаз.

Однако размышлять об этом было некогда, так как спустя пару мгновений по правую и левую руку от Кенджи бесшумно выросли две тени, одетые точь-в-точь как их выбывший из строя приятель; вооружены они были канабо — деревянными дубинами, длиной примерно с предплечье взрослого мужчины, обитые на конце железными пластинами. Удар сердца — и вокруг палиц заплясали подмигивающие молнии, а значит простой грубой силой тут не обойдешься. По всему телу вновь пробежала до боли знакомая волна тепла, собирающаяся воедино на кончиках пальцев, чьи подушки точно закололи иголками. Руки Кенджи чуть трянуло, в висках запульсировала кровь, разум очистился от лишних мыслей — и вот он погрузил весь зал в чернейший мрак, густой настолько, что его, казалось, можно было зачерпнуть ковшом.

Не теряя времени даром, Кенджи нырнул вперед, одновременно уворачиваясь от неловких замахов противников и на ходу доставая меч; однако не успел он встать в боевую стойку, как в воздухе раздался резкий свист — и небольшая стальная звездочка с силой ударила в лезвие, выбив оружие из рук хозяина. Проклятье! Бросок был слишком точен, чтобы списать его на простую случайность или везение. А значит, что кто-то из его неприятелей владел тьмой, причем на довольно высоком уровне мастерства. Быть может, даже четвертая ступень или пятая...

На поиск валяющегося где-то на полу клинка не было времени. Палица, просвистев буквально в ноге от головы Кенджи, с хрустом вонзилась в ближайшую колонну. Там она и осталась, так как спустя миг ее хозяин отлетел в сторону и затих на полу. Его товарищ, явно бывший чуть более опытным бойцом, действовал куда осторожней. Он не стал слепо бросаться в атаку, делая ставку на один удачный удар; вместо этого он держал дистанцию, явно ожидая помощи — и Кенджи не прогадал. Возможно, противник, подкравшийся сзади, и смог бы осуществить задуманное, но под сапогом его предательски хрустнула какая-то щепка.

Кенджи, даже не оглянувшись, ушел в сторону, перепрыгнул через сломанный ткацкий станок и быстро оценил обстановку. Дверь перегородил собой оставшийся на ногах боец с канабо, а единственное не заколоченное окно прикрывал его приятель, на чьих кулаках блестели кастеты, тем самым отрезав все возможные пути к отступлению. Через миг к ним присоединилось еще двое: верзила с дзютте — металлической дубинкой, которую очень легко и удобно можно было спрятать под одеждой — и юркий парень с нунчаками. Ни мечей, ни кинжалов, ни уж тем более пистолетов — похоже, целью незнакомцев было взять Кенджи живым, пускай даже и с парой сломанных костей.

— Мы хотим просто поговорить, — произнес бугай. — У нас нет причин красить

сегодняшнюю ночь в цвет чьей-то крови — мы ничего не имеем ни против тебя, ни против твоего друга.

— Прямо с порога приставить к горлу нож — довольно интересный способ завести беседу, — сказал Кенджи, вновь начиная собирать воедино Волю.

Кем бы на самом деле ни были его новые знакомые, к засаде они явно подготовились основательно. Скорее всего, где-то неподалеку поджидает дюжина-другая бойцов, готовых в любой момент прийти на помощь товарищам по одному их сигналу и среди них вполне может быть маг высокого ранга. Кенджи же, даже с помощью своего «таланта», вряд ли сможет справиться с вооруженной до зубов толпой, тем более что Макото, как назло, будто сквозь землю провалился. Отступить не выйдет, а значит единственный шанс выйти из схватки победителем — выкинуть что-нибудь неожиданное. И у него в кармане как раз завалился один трюк... Вот только на него, наверное, уйдет почти вся его Воля, но риск того стоил.

— Простые меры предосторожности, — подал голос воин, стоявший у двери. — Мы не какие-нибудь уличные головорезы, но...

Слова его прервала раздавшаяся со второго этажа возня; после оттуда же послышались крики, грохот и громкая ругань — а следом прозвучал громкий треск и вместе с куском потолка на пол рухнули двое. Один из них так и остался валяться на полу среди обломков, а вот второй, поднявшись на ноги и оглядевшись, подковылял к Кенджи, между делом осыпая все вокруг отборнейшей бранью.

— Возникли сложности? — шепнул тот.

— Ага, — столь же тихо ответил Макото и, выругавшись сквозь зубы, потер колено. — Две весьма настырные сложности. Одного-то я сразу засек и вырубил, а вот со вторым пришлось повозиться — ублюдок меня чуть хромым на всю жизнь не оставил... К слову, ты узнал, кто это такие? — Кенджи в ответ только покачал головой и Макото повысил голос. — Вы кто вообще такие, мать вашу? Вы на Секаря работаете? Если да, то хочу заметить — в последнее время все его «работнички», пытающиеся встать на нашем пути, волшебным образом теряют головы. Советую призадуматься о смене профессии.

Незнакомцы лишь недоуменно переглянулись.

— Мы знаем, что вас послал Жнец, — произнес Кенджи. Ладони просто пекло, но ему нужны были еще несколько лишних мгновений, так что любая заминка играла на стороне.

— Боюсь вас огорчить, но это имя нам не знакомо, — сказал здоровяк. — Мы преследуем свои собственные интересы, связанные, скажем так, с одним нашим общим знакомым. Мы не самураи, но у нас тоже есть кодекс чести, и я клянусь: ответьте на несколько наших вопросов — и уходите с миром. Или же...

Что должно было произойти во втором случае никому из них, увы, узнать так и не удалось, ведь Кенджи наконец смог накопить нужное количество Воли, а разговаривать о «чести» с этими людьми вряд ли имело смысл. И вот по обе стороны от него вновь за клубился мрак, вскоре разделившийся надвое. С каждым ударом сердца бесформенные вихри сминались, будто бы куски глины под чьими-то незримыми пальцами, меняли форму, изгибались — и спустя миг чуть позади Кенджи стояли его двойники. Пускай силуэты их то исчезали, то появлялись вновь, словно бы они были сотканы из тумана, а лица напоминали неподвижную маску — но все же выглядели они настолько точно, что даже ему стало немного не по себе. Что уж говорить об остальных — здоровяк только удивленно охнул и даже Макото, казалось, был потрясен до глубины души.

Повинуясь мысленному приказу своего создателя, теневые двойники Кенджи бросились в атаку. На самом деле вреда они могли принести столько же, сколько обычный туман — но откуда то было знать чужакам? Бугай неловко взмахнул перед собой дзютте — обычному человеку такой удар наверняка сломал бы не одно ребро, но сквозь тень он прошел без малейшего вреда. Наверное, здоровяк успел понять, что ошибся, увидев угрозу в простой иллюзии, однако это не уберегло его от мощного удара Кенджи — мысок сапога с такой силой вошел в челюсть, что буквально снес ее в сторону и через мгновение неприятель уже лежал без сознания.

Увы, оставшиеся на ногах враги пришли в себя много раньше, чем ожидал Кенджи. И если бойца с канабо взял на себя Макото, который, видимо, оставил свое оружие наверху, так как кулаки его вспыхнули двумя факелами, то самому Кенджи пришлось вести бой разом с двумя врагами. Один из них тут же обрушил на него просто град ударов, ловко орудуя нунчаки словно двумя дубинками; выждав удобный момент, Кенджи пинком в грудь оттолкнул его на пару шагов, подцепил мыском сапога битую глиняную тарелку и отправил ее в сторону противника. Тот непроизвольно прикрыл голову, оставив открытым корпус; и пусть он замешкался только на миг, но Кенджи хватило и его. Солнечное сплетение, печень, селезенка — еще бы чуть-чуть и он отправил неприятеля на тот свет, но прилетевший в голень кастет заставил его упасть на одно колено, а следующий удар уронил на пол.

Рот Кенджи тут же наполнился солоноватым привкусом, в ушах зазвенело, перед глазами замелькали черные пятна. Скорее по наитию, нежели осознанно, он откатился в бок; и вовремя — кулак врага легко проломил сгнившее дерево. Под руку Кенджи попался обломок доски, который он тут же сломал о висок противника — но через миг на него снова набросился чужак с нунчаки. Да уж, проламывание стены собственным телом оказалось весьма неприятным и болезненным опытом, так что Кенджи с превеликим трудом поднялся на ноги, все еще удивляясь тому, что до сих пор не потерял сознание. Вначале ему даже показалось, что у него троится в глазах; но на деле в помощь соратнику пришли еще двое чужаков, сжимающих в руках тонфы — деревянные дубинки с короткой поперечной рукоятью.

— Похоже, поговорить по-хорошему нам сегодня не удастся? — проговорил один из неприятелей, пролезая сквозь неровный проем.

— Вряд ли, — Кенджи сплюнул на пол комок крови и вытер рот тыльной стороной ладони.

— Что ж, это твое право. Мы так или иначе выпытаем из тебя все, что нам нужно.

Время вокруг точно застыло, а воздух превратился в густую вязкую патоку, заглушающую все звуки вокруг. Кенджи более не слышал ни шум свалки из соседнего зала, где все еще дрался Макото, ни чьи-то отдаленные выкрики, ни скрип половиц под сапогами приближающихся врагов. Только мерные и на удивление ровные удары собственного сердца, прогоняющего кровь по венам.

Ту-дум.

Ту-дум.

Ту-дум...

«Пусти... я убью их...».

Кенджи не мог бы сказать наверняка, была ли то его промелькнувшая мысль или это вновь очнулся странный голос, засевавший у него в голове. Но вместо того, чтобы как обычно сосредоточить Волю, обуздать ее, взять под свой контроль и хотя бы попытаться дать отпор,

он, повинувшись мимолетному порыву, полностью ослабил хватку над своим духом; словно бы, раскинув руки, он лег на воду и отдал свою жизнь на откуп бурному течению или шагнул в пропасть, слепо понадеявшись на удачу и потоки ветра.

Дубинка первого противника уже почти достигла цели, когда Кенджи перехватил ее с такой быстротой, которую не ожидал даже от самого себя. А после широко улыбнулся, завидев промелькнувший в глазах хозяина тонфу страх. Через миг мир вокруг вновь наполнился звуками — и, о, что то были за звуки! Треск ломающегося об голову дерева, хруст треснувших словно сухой хворост ребер, крик боли, когда он выбил одному из врагов колено — сейчас для Кенджи, который будто вдруг обрел второе дыхание, вся эта какофония представлялась песнью наслаждения.

Последний оставшийся на своих двоих противник, издав яростный вопль, попытался было контратаковать — но Кенджи играючи увернулся от пролетевшей в воздухе дубины и ударом в позвоночник отправил его лицом в пыль. Заметив валяющуюся неподалеку тонфу, Кенджи поднял ее и, стиснув зубы от переполнявшей ярости, занес палицу над головой, чтобы обрушить ее на корчившегося врага и смять его в отбивную, размолоть череп, а после вырвать еще бьющееся сердце и заставить...

Чьи-то крепкие пальцы перехватили палицу, что уже почти принесла смерть. Резко обернувшись, Кенджи занес свободную руку для удара и... кулак его остановился буквально в ногте от лица Рю.

— Ты? — удивленно произнес Кенджи.

Неожиданное появление старика точно окатило его ведром воды. Злость ушла и, оглядевшись, Кенджи невольно вздрогнул — неужели весь этот разгром принес он, что еще каких-то несколько мгновений назад был готов без сил рухнуть на пол? Кажется, лежавшие у его ног враги все еще дышали — но, если они вдруг каким-то чудом не доберутся до хорошего лекаря, вряд ли это надолго.

— А ты ждал кого-то еще? — буркнул Рю и протянул Кенджи его меч. — За мной. Живо.

— Подожди, — сказал Кенджи, пряча клинок в ножны. — Что тут вообще происходит? Кто все эти люди и...

— Нет времени объяснять, — прервал его Рю. — Задержимся тут еще немного — и либо сгорим заживо, либо нам предстоит весьма неприятный разговор с местными властями.

И действительно — только сейчас ноздри Кенджи защекотал едкий дым, а где-то совсем неподалеку раздался звон колокола; как правило, таким оповещали о пожаре. Вместо главного входа Рю вывел его на задний двор, где ждал Макото — и вот их троица уже быстро вышагивала по грязным улицам, то и дело ныряя в очередной тесный проулок или пролезая сквозь дырку в заборе. Точнее сказать, быстро вышагивал именно Рю, тогда как Кенджи и Макото едва-едва поспевали за стариком; в особенности последний, что до сих пор заметно прихрамывал, шипя от боли и ругаясь каждый раз, когда слишком сильно опирался на больную ногу.

— Быть может объяснишь, мать его, что тут вообще происходит? — пропыхтел он, с трудом протискиваясь сквозь расхлябанные доски высокой ограды.

— Нет, — отрезал Рю; выглянув из-за угла, он поднял руку, выждал немного времени и жестом приказал им следовать дальше.

— Мы, если что, как раз пытались спасти твою дряблую неблагодарную шкуру, — недовольно протянул Макото.

— И кто вас об этом просил? — сказал Рю, оглянувшись через плечо.

— Мы думали...

— Думать — то, что у вас получается хуже всего, — с раздражением произнес Рю. — И вы не устаете это доказывать. Ладно, пролитую на землю воду назад в кувшин не соберешь. Доберемся до моего убежища, там и поговорим.

«Убежище» — мягко говоря, слишком громкое слово для крохотной комнатухи, расположенной на втором этаже какого-то захудалого кабака, чей хозяин скорее походил на того, кто грабит подобные заведения, а не держит их. Однако он не удостоил своих новых гостей ни взгляда, ни вопроса, так что, думается, если где и скрываться от любопытных глаз, то именно в подобном месте. А о том, что Рю явно от кого-то прячется, Кенджи понял практически сразу, еще до того, как старик начал отдиравать от века фальшивое бельмо и снимать накладную бороду.

— Неплохой маскарад, — заметил Макото, с трудом опускаясь прямо на пол, ведь помимо тощего палаца, из которого тут и там торчала солома, мебели здесь не водилось. — Я сначала даже принял тебя за простого уличного пропойцу.

— Смешно. Зато вот вам двоим, чтобы выглядеть идиотами, даже стараться не нужно — лишь действовать как обычно, — съязвил в ответ Рю; закончив с гримом, он принялся рыться в большом холщовом мешке, лежавшем в самом углу. — Ради хитроумного Каге, ответьте мне, пожалуйста: за каким бесом вы вообще вышли сегодня ночью из дома?

— Нам пришло завуалированное послание, в котором говорилось о том, что либо мы придем на встречу, либо тебе конец, — произнес Кенджи, приваливаясь к стене; сейчас, когда привычный мандраж от драки ушел, в висках перестало стучать, а руки потряхивать, каждая полученная им рана, любой синяк вдруг завыли в унисон, заставляя его стискивать зубы от боли. — Мы думали, что тебя захватил Жнец или кто-то из его сподручных.

— И вы не придумали ничего лучше, кроме как попереться на зов, словно две глупые овечки на убой, — фыркнул Рю, доставая из мешка какую-то латаную-перелатанную накидку с капюшоном; придирчиво оглядев свою находку, он кинул ее в сторону Макото. — Когда будете уходить — наденешь это.

— А что нам оставалось делать? Ты, конечно, та еще заноза в заднице — знаешь, такая старая и мерзкая заноза, засевшая так глубоко, что проще с ней смириться, чем попытаться вытащить — но все же оставлять тебя в лапах Пахаря у нас в планах не было, — возразил тот и принялся. — Боги милосердные, ее что, уличным псынам в качестве подстилки подкладывали?! И в жизни не подумаю натянуть это тряпье на себя.

— Напялишь как миленький, — отрезал Рю и бросил похожий балахон Кенджи, что хоть и не был столь разборчив в одежде как его друг, но тут не мог с ним не согласиться. — Вы подняли такой шум, что городской страже, которая в тот квартал лишней раз не суется даже под страхом лишиться жалованья, пришлось поднять свои ленивые задницы и посмотреть, кто это там решил сравнять с землей целое здание. Уходить будете по одному и разными путями. Макото — ты первый. Вали отсюда и поживей.

— И не подумаю, — сказал тот, скрестив руки на груди. — С места не сдвинусь, пока ты не объяснишь, какого рожна тут вообще происходит.

— Как хочешь. Будешь сам объяснять своему папаше, по какой причине угодил за решетку, — сказал Рю и повернул голову к Кенджи. — Тогда первым пойдешь ты. Сразу домой не иди — попетляй немного и убедись, что за тобой не следят.

— Нет, — покачал тот головой. — Макото прав. Сначала ты исчезаешь никого не

предупредив, а потом появляешься в самый неожиданный момент и ничего не объясняя раздаешь приказы, словно так и надо. Если мы работаем в команде, то должны действовать сообща.

— Искусный Каге, — закатил глаза Рю, но все же сдался. — Какие же вы зануды. Хорошо. Зайду издалека — последнее время я как раз был занят тем, что пытался поднять свои старые знакомства и разыскать хоть кого-нибудь, кто знает об этих самых сферах. Увы, пообещать оказалось куда проще, чем сделать, так как за время моего отсутствия в Каноку добрая половина моих знакомых померла, часть куда-то исчезла, а оставшиеся не сильно-то рвались вести со мной беседы по тем или иным причинам...

«Удивительно», — проворчал себе под нос Макото, но старик то ли не расслышал его, то ли пропустил подколку мимо ушей.

— ... но, когда я уже совсем отчаялся, мне вдруг улыбнулась удача — я нашел одного человечка, который любезно согласился мне помочь. Не за просто так, разумеется — но об этом позже. Однако в процессе моих поисков я навлек на себя внимание своих бывших соратников, с которыми в свое время, скажем так, мы расстались не слишком хорошими друзьями. Собственно, именно поэтому мне и пришлось залечь на дно — так что они попытались выйти на меня с помощью вас. И у них это прекрасно получилось, с чем я вас и поздравляю. Я удовлетворил ваше любопытство?

— «Бывшие соратники»? — хмыкнул Макото. — Стесняюсь даже спросить — по чему? По вламыванию в чужие дома или походам в заброшенные монастыри?

— И не только, — абсолютно серьезно произнес Рю. — Ведь вы двое, как бы смешно это не звучало, наверное, одни из немногих, кто столкнулся в бою с Сотней Проклятых и остался жив.

В комнате повисла мертвая тишина. Кенджи было кинул взгляд на Макото — но тот в ответ лишь пожал плечами, видимо, тоже не понимая, о чем, собственно, толкует Рю.

— Прошу прощения. Совершенно забыл, что имею дело с провинциальными олухами, — фыркнул тот. — Сотня Проклятых — один из могущественнейших кланов синоби, чьими услугами когда-то не брезговали пользоваться самые напыщенные аристократы. Шпионаж, диверсии, кражи, похищения и даже заказные убийства — мы... точнее сказать, они, были лучшими в своем деле. Настоящие профессионалы.

— Мне показалось, или ты говорил о всех этих, без сомнения, «замечательных» делах с легкой ноткой ностальгией? — поинтересовался Макото.

— Что было, то прошло, — с некоторым смущением пробурчал Рю. — Став одним из Проклятых, ты оставлял позади все — семью, друзей, Дом и даже собственное имя, получая взамен новое. Вся твоя жизнь отныне принадлежала Сотне, а выйти из нее можно было лишь ценой собственной жизни.

— Не очень-то ты похож на покойника, — заметил Кенджи.

— В отличие от вас, — буркнул Рю. — Но, как бы то ни было, наши пути с Проклятыми разошлись много лет назад после того, как мне поручили убить одну... Долгая история. В общем, мне удалось обмануть Сотню, инсценировав собственную смерть и укрыться в одной отдаленном городке, притворившись гончаром. Потом я продал мастерскую и перебрался чуть дальше юг, следом решил отправиться на запад... Я уж надеялся, что за столько лет Сотня Проклятых — если они, конечно же, еще существуют — забыли о моем прегрешении, но увы.

— Так значит, все дело в ваших личных распрах? — произнес Кенджи. — Ты уверен,

что они не работают на Жнеца?

— Я не уверен ни в чем, — сказал Рю, — кроме того, что Проклятые не останутся, пока не увидят мой хладный труп. Для них это дело чести. Однако вы все же показали им зубы — так что думаю, покуда они притаятся, чтобы зализать раны и обдумать следующий шаг. Нам же с вами предстоит встретиться с тем самым человеком, о котором я рассказывал. Думаю, лучше всего сделать это завтра, ближе к полудню — как раз все эти индюки будут млеть от восторга, глаза на свой драгоценный Турнир, и на улицах будет меньше зевак.

— Идея неплохая, но кое-кто в этой комнате принимает участие в «драгоценном Турнире», поэтому встречу придется отложить, — произнес Макото.

— Все же сбылась мечта идиота? — фыркнул Рю. — Поздравляю. Уверен, твой папаша вне себя от восторга, что один из его отпрысков будет соревноваться с такими же избалованными детишками в подтирании задницы золотом.

— Во-первых, прояви побольше уважения к моему отцу, — сказал Макото. — Во-вторых — ты не угадал. Участвовать будет Кенджи.

Рю наградил Кенджи до того долгим и красноречивым взглядом, что тому даже стало не по себе, словно бы он совершил какой-то неимоверно гнусный поступок.

— Долгая история, — ответил он старику его же словами, разведя руки в стороны.

— Ладно, — вздохнул Рю. — Развлекайтесь и постарайтесь не поломать себе шею раньше времени. О Проклятых, думаю, можете пока не беспокоиться — они все же шпионы, а не солдаты, так что в прямую конфронтацию вступать не станут. Максимум — попытаются вас отравить или прирезать в темном переулке.

— А ты умеешь подбодрить, — хмыкнул Макото, напяливая на себя врученную стариком накидку. — Так значит, не принимать вино из рук того, кто одет как шут на ярмарку и не поворачиваться к нему спиной — вас понял.

— Подозреваю, здесь ты долго не удержишься? Как нам тебя найти? — спросил Кенджи, следуя примеру друга.

— Я свяжусь с вами через пару дней, — сказал Рю, сворачивая матрас в подобие рулета. — А теперь кыш — мне еще нужно замести следы.

Из таверны они вышли вместе, но в резиденцию Змея отправились разными путями, как и советовал Рю. Если честно, Кенджи был вымотан до такой степени, что вряд ли бы заметил, если бы за ним следила даже когорта барабанщиков, гремящая на весь город. Дойдя до собственной постели, Кенджи рухнул на нее прямо и тут же уснул, даже не сняв сапог. Проснулся он от того, что кто-то настойчиво тряс его за плечо — как оказалось, по его душу явились нанятые портные. Боги — Кенджи не мог бы с уверенностью сказать, что оказалось тяжелее: драться с обученными убийцами или же терпеть бесконечные примерки и пригонки, стоять словно статуя, покуда вокруг тебя носится толпа гомонящих людей, мерящих каждую ладонь твоего тела и тыча в тебя иголками, выбирать между девятнадцатью кусками ткани, что на вид выглядели как один...

Закончили они лишь под вечер, ближе к закату, когда Кенджи уже окончательно потерял надежду. И это они кое-как выбрали лишь верхний наряд! Отужинав остывшим супом, Кенджи отдал слугам грязную одежду, попросив их наполнить ванну — и через мгновение уже с наслаждением вытягивался в горячей воде. Он даже успел снова придремать, когда в дверь постучали — как оказалось, его пожелал видеть сам старший Такэга. Видимо, он хотел дать ему несколько наставлений перед предстоящим Турниром — ведь Каташи как-никак в свое время сам стал чемпионом.

Кенджи осторожно постучал в дверь и, не услышав ответа, осмелился войти без приглашения. Кабинет Каташи был куда более скромн, чем можно было ожидать от человека его положения, ведь он как никак был главой правящей семьи одного из древнейших Домов, а не простым воякой или каким-нибудь торговцем, разбогатевшем на нескольких удачных сделках. И уж тем более эта небольшая квадратная комната не шла ни в какое сравнение с залом для приема гостей в родовом замке Такэга. Никаких изысканных ковров из дальних стран, расшитых серебряными нитями, картин в золоченых рамах, гобеленов, статуэток, украшенных драгоценными камнями и других признаков роскоши. Только крепкий стол из красного дерева, пара стульев, невысокий комод, алтарь для поклонения Юкану — богу войны, покровителю всех воинов — и пузатый сундук. Сам же Каташи, склонившись над пухлой книгой и сощуриль глаза, быстро водил пальцем по желтоватым страницам; сделав шаг вперед, Кенджи тихо кашлянул, чтобы привлечь его внимание.

— Вы хотели меня видеть, господин Такэга? — он отвесил глубокий поклон и уже было потянулся к ножнам с мечом, чтобы оставить их на стойке у двери, как и полагали законы этикета, однако Каташи, захлопнув том и отложив его в сторону, остановил его нетерпеливым взмахом руки.

— Я позвал тебя не для того, чтобы ты демонстрировал мне свои манеры. Присядь.

Кенджи не преминул воспользоваться его предложением. Каташи всегда казался ему куда моложе своих лет. Хищное лицо с четкими резкими линиями, словно бы высеченное из камня, ровный стан, стальной взгляд, могучий голос, не принимающий никаких возражений — по сравнению с ним многие его ровесники казались обрюзгшими немощными стариками, что вот-вот рассыпятся на части. Но только вблизи, глядя на изрезанный морщинами лоб старшего Такэга, глубокую проседь в его некогда черных точно смоль волосах и сухие кисти рук, покрытые желтоватыми пятнами и чернильными разводами, Кенджи понял, что годы, как ни крути, все же берут свое.

— Как идут дела с подготовкой к Турниру? — спросил Каташи, сплетая пальцы. Тон его не предвещал ничего хорошего, хотя

Кенджи в ответ лишь неопределенно дернул плечом. Если честно, грядущий Турнир был наименьшей его проблемой, ведь помимо Жнеца и Братства Рока у них на хвосте теперь висел целый клан синоби, с которыми вряд ли получится договориться миром.

— Сочту твое молчание за «Все в порядке». Но я хотел поговорить о кое-чем другом. До меня дошли слухи, что минувшей ночью на окраине города было весьма неспокойно. Некие люди затеяли потасовку на одной из заброшенных мастерских, в результате которой разрушили ее почти до основания, а после, перед тем как удрать, вдобавок устроили пожар, что лишь каким-то чудом не перекинулся на соседние здания. Тебе случайно ничего об этом не известно?

Кенджи слишком поздно заметил, что Каташи не отрывает взгляда от его костяшек, разбитых в кровь, и тут же положил руки на колени, чувствуя, что начинает краснеть.

— Увы, но нет, — покачал головой Кенджи, стараясь изобразить самое искреннее недоумение, на которое был способен. — Накануне мы немного засиделись в таверне, а как стемнело сразу отправились по домам. Возможно, это были разборки местных головорезов? Слышал в трущобах их больше, чем крыс.

Признаться, выдержать испытующий взгляд главы Дома Змея само по себе являлось настоящим подвигом, который вполне мог зачесться за пару-другую шагов. Ничего не сказав,

Каташи поднялся со своего места и подошел к открытому настежь окну, заложив руки за спину.

— Думаю, ты знаешь Исаро, главу рода Ода...

Кенджи припомнил хмурого коренастого мужчину лет пятидесяти; пускай корни его семьи, тоже входящей в Дом Змея, были не так глубоки, как у Такэга, но вот богатством они вполне могли вполне с ней померяться. Сами Ода во всеуслышание благодарили судьбу, подарившую им столь плодородные виноградники, поставляющие выпивку даже императорскому двору; злые же языки шептались о незаконных ссудах, подпольных борделях, подделке ценных бумаг и прочих махинациях, из-за которых предприимчивый дед Исаро в свое время умудрился подмять под себя несколько менее удачливых Домов. Истина же, как водится, скорее всего лежала где-то по середине, но Кенджи не слишком сильно заботила история обогащения Ода.

— ... ты никогда не задумывался, почему он круглый год носит перчатки из плотной кожи, невзирая на самую жгучую жару? — продолжил Каташи и, не дождавшись ответа на свой вопрос, произнес: — Когда-то давным-давно он попытался обмануть моего отца. И тот самолично отрезал ему безымянный палец на левой руке, чем вызвал искреннее недоумение у многих. Ведь с его характером он вполне мог лишиться того головы. Как и всех его родственников до третьего колена.

— Господин, я бы и в жизни не помыслил...

— Ты неплохой человек, Кенджи, — перебил его Каташи, даже не оглянувшись. — И это не пустая лесть. Вряд ли бы Макото, который скорее язык себе вырвет, чем спрячет его за зубами, стал бы проводить столько времени с негодяем. Мало того: ты вместе с тем и талантливый боец — поверь, сочетание этих двух качеств столь редко, что может считаться настоящим чудом — который со временем вполне способен подняться на самую вершину. Если на то благоволят боги, разумеется. Но вот в политике тебя вряд ли ждет успех, ведь ты совершенно не умеешь врать.

Кенджи промолчал. Каташи же, отойдя от окна, достал из комода глиняный графин и два бокала. Разлив вино, он вернулся на свое место, сделал небольшой глоток и произнес:

— Допустим, я сделаю вид, что не знаю о том, что ты и мой непутевый сын сорвались куда-то посреди ночи, вместо дверей предпочтя воспользоваться забором. Совсем как два нашкодивших мальчишки, хотя я в вашем возрасте уже держал на руках своего первенца. Допустим, я также закрою глаза на то, что несколько моих людей видели вас двоих вместе с господином Рю, разгуливающих ранним утром по одному из самых злачных районов города, куда приличному человеку и заглянуть стыдно — к слову, хуже компанию сложно представить. И если боевые навыки Рю я не могу подставить под сомнение при всем своем желании, методы их применения явно не то, чему следует учиться.

Он ненадолго умолк, чтобы промочить горло.

— Но выбор учителя — сугубо твое личное дело. Я просто удивлен, что господин Рю со своей репутацией до сих пор жив и даже ходит на своих двоих без сторонней помощи — по слухам он давным-давно уже должен был лежать в могиле. Допустим, я решу, что слуги ошиблись, когда сообщили мне, что ваши вещи выпачканы кровью — по большей части чужой, как я подозреваю. Но все это возможно лишь в одном случае — если ты больше никогда не станешь так нагло обманывать главу своего Дома. Иначе это может стать твоей последней ошибкой. Во всяком случае, рядом с нами. Это понятно?

— Да, господин Такэга, — кивнул Кенджи; и хоть Каташи за весь разговор даже не

повысил голос, его ледяной тон говорил о том, что шутить он явно не намерен и вполне может претворить угрозу в жизнь.

— Чудно. Что ж, видимо, это и впрямь местные головорезы не поделили территорию, — сказал Каташи уже куда теплее, отхлебнул из бокала и кивнул на нетронутый стакан. — Прощу, угощайся. Исаро, конечно, тот еще старый плут — впрочем, как и его отец и отец его отца — но что-что, а вино делает на совесть. Поговорим о другом — мне также донесли, что ты до последнего не хотел принимать участие в Турнире, утверждая, будто твое имя в списке участников попало по чистой случайности. Это правда?

— Самая что ни на есть, — сказал Кенджи и пригубил вино. Оно действительно было изумительным, чуть сладковатым, но не приторным; крепким, но в меру, ровно столько, сколько нужно.

— Позволь же узнать — в чем причина твоего недовольства? — казалось, Каташи ничуть не сердится, скорее им двигало простое любопытство. — Многие, включая моего сына, готовы отдать все что угодно за подобный шанс, от которого ты отмахиваешься, точно от надоедливой овода.

— Просто, — Кенджи тщательно подбирал каждое слово, чтобы ненароком не солгать, но и не сболтнуть лишнего, — у меня есть кое-какие личные дела, не требующие отлагательств.

— Понимаешь ли, друг мой, — Каташи отставил бокал и сплел пальцы, задумчиво глядя куда-то за плечо Кенджи, — я совсем не против того, что ты самостоятельно решаешь свои проблемы, никого не ставя в известность. Напротив, это весьма похвально, так как многие мужи куда старше тебя лично просят меня отправить целую армию на любого, кто посмеет кинуть на них косой взгляд. Но став членом Дома, ты получил не только привилегии, но и обязанности. И с этих пор каждое твое действие, каждый твой поступок — не важно хороший или дурной — влияет не только на твою репутацию, но и на то, кем будут слыть Змеи. Великими воинами, разгромившими банду головорезов и вернувшими тело погибшего мэцукэ его семье или же уличной шпаной, проливающей кровь на грязных улицах. Тем более что за любым твоим шагом, как за участником Турнира, теперь следят сотни, если не тысячи любопытных глаз. Позволь же узнать — какие такие дела могут быть важнее состязания, которое легко может внести тебя в историю?

— Мечь, — произнес Кенджи ни на миг не задумавшись; даже само это слово звучало так сладко, что ему хотелось произносить его снова и снова. «Мес-с-с-ть», — повторил за ним тот самый странный голос и, как показалось Кенджи, сделал он это с еще большим удовольствием.

— Мечь? — с удивлением сказал Каташи и откинулся на спинку стула. — И за что же?

— За смерть моего отца, моего брата, — голос Кенджи чуть дрогнул, — господина Сато и еще множество других невинных жертв.

— Интересно, — пальцы Каташи забарабанили по широкому подлокотнику. — Насколько я помню, во время нашей последней встречи Юма как раз разыскивал какого-то странного человека, ответственного за несколько убийств. Ты про него? Так значит, тот негодяй убил твою семью? Именно поэтому Сато взял тебя с собой?

Кенджи молча кивнул.

— Но ведь Йоши мертв, а оставшиеся Черепа либо разбежались, либо залегли на дно. Думаю, вряд ли хоть кто-нибудь еще услышит это название. Прекрасно понимаю твои чувства — я бы и сам с удовольствием вырвал сердце голыми руками каждому из этих

подонков, покрывшими позором не только себя, но и свой род, однако...

— Мою семью и господина Сато убил не Йоши, — сказал Кенджи. — Он был всего лишь наемником. Простым орудием в чужих руках, работающим на куда более могущественного и опасного человека.

— Вот как? — нахмурил брови Каташи. — Ты знаешь его имя?

— Нет, — ответил Кенджи, вновь не соврав; он и сам удивлялся, как ему до сих пор так ловко удается балансировать на грани между откровенной ложью и чистой правдой. — Помнится, вы и сами в одной из прошлых наших бесед подтвердили то, что среди вас... точнее сказать среди нас может быть предатель. Скорее всего, все они — Йоши со своими Черепами, тот таинственный убийца и возможные перебежчики — действовали сообща, пускай даже и преследуя разные цели. Во всяком случае, мне так кажется, — поспешно добавил он, чтобы не выдать свою излишнюю осведомленность во всей этой истории.

— Хорошо, — вздохнул Каташи, одним глотком осушил стакан и поморщился, точно проглотил не вино, а горькую микстуру. — Да, такой разговор имел место быть, пускай я пока что и не нашел тому ни единого доказательства. Змей пригрел на груди змею — звучит как дурная шутка, не правда ли? Мои соглядатаи следили за каждым шагом любого, кто мог хоть словом уронить мое доверие — но либо шпионы попусту тратят мои деньги, либо же та засада и впрямь была простым совпадением. Тем не менее, я подниму еще пару старых связей и закину несколько крючков — если среди нашего Дома и впрямь завелся изменник, он непременно клюнет на один из них и потом...

Взяв из глиняной миски большой орех, он сжал кулак — раздался громкий хруст и на стол упало очищенное ядрышко. Возможно, года и изрядно потрепали старшего Такэга, но отчего-то Кенджи не сомневался, что попади возможный предатель в руки Каташи — участь негодяя будет предрешена.

— ... но до тех пор ты должен пообещать мне, что перестанешь в компании моего сына с гиканьем носиться по столичным улицам с мечом наперевес на потеху зевакам, — сверкнул глазами он и Кенджи ничего не оставалось кроме как покорно склонить голову. — Даже если среди Дома Змея и завелся изменник, то своим чересчур пылким юношеским энтузиазмом вы скорее спугнете его, нежели заставите выдать свою лживую натуру.

— Увы, не могу ручаться за Макото, господин, — попытался отшутиться Кенджи. — Если вдруг ему придет в голову куда-то понестись, боюсь, его не остановит и каменная стена.

— Это точно! — излишне громко рассмеялся Каташи; судя по всему, третий бокал вина за столь короткое время все же взял свое. — Скажу больше — стене в этом случае вряд ли можно позавидовать. Удивительно, насколько разные у меня получились сыновья, хоть и получившие одинаковое воспитание. Макото — чересчур импульсивен, ему не хватает терпения и однажды это может сыграть с ним злую шутку. Ичиро напротив — слишком медлителен, даже в тех ситуациях, где это играет против него. Вот Кер — мой старший сын — умело сочетал в себе обе этих стороны. Он не лез даром на рожон, но и не боялся рискнуть. Знал, где смолчать, а где нужно ответить крепким словом, если не взяться за оружие. Из него бы получился идеальный глава семьи и Дома. Жаль только...

Он умолк, глядя на пламя свечи, подпрыгивающее от дувшего сквозняка, а Кенджи, если честно, почувствовал себя несколько неловко. Словно бы он случайно заглянул в ящик с личными вещами, которые их владелец старательно прятал от сторонних или же стал невольным свидетелем приватного разговора, не предназначенного для чужих ушей.

— Не хочу показаться невежливым, господин Такэга, — он поднялся со стула, — но завтра важный день и я...

— Конечно-конечно, — тот на миг встрепенулся и Кенджи показалось, что он смахнул с век что-то блестящее; но он вполне мог ошибаться, так как уже через мгновение лицо Каташи вновь напоминало непроницаемую маску. — Тебе необходимо отдохнуть, так что ступай. И покажи всем, что Дом Змея по праву носит звание Великого.

— Я сделаю все, что в моих силах, — абсолютно искренне произнес Кенджи.

— Большого я и не требую.

Уже будучи одной ногой на пороге, Кенджи вдруг услышал:

— И еще одно...

Он оглянулся.

— Будь другом, если вдруг встретишь моего нерадивого сына, передай ему, что если он снова хочет увидеть свои драгоценные пистолеты — которые каким-то неведомым образом оказались на месте «разборки местных головорезов», пусть зайдет за ними лично. К нему у меня тоже будет долгий разговор.

Кенджи только коротко кивнул, искренне соболезнуя своему другу. Сев на кровати и скинув сапоги, он кинул взгляд на Ловушку Сеноби — надо будет показать монету знакомому Рю. Если тот вдруг знает что-то о сферах, быть может, он сможет проверить, наложены ли на золото какие-то чары. С этими мыслями Кенджи растянулся на кровати — казалось, он только-только успел прикрыть глаза, когда сквозь ставни пробились первые лучи солнца. Ну, что ж.

Великий Турнир всех Домов начался.

Первые испытания начались еще задолго до того, как Кенджи вообще смог сделать хоть шаг за пределы комнаты. Ведь перед тем, как отправиться на Турнир, ему предстояло пройти через целую армию цирюльников, слуг и даже лекарей из Хонга; последние, если верить слухам, прибыли в такую даль специально для того, чтобы следить за его состоянием, как физическим, так и духовным. Кенджи и представить не мог, сколько могли стоить их услуги — и, наверное, оно и к лучшему, ибо, думается, подобную сумму он при всем желании не скопит и до конца жизни. Вначале Кенджи подстригли и тщательно выбрили, смазав кожу какими-то ароматными маслами. После чуть ли не силком запахали столь богатый завтрак, что его бы с трудом осилил и Шуноморо. А потом иноземные медики тщательно осмотрели его с головы до пят, выслушали ритм дыхания и стук сердца, заставили несколько раз пройти из одного конца комнаты в другой, постоять на одной ноге и выполнить еще несколько простых упражнений, смысл которых, если честно, ускользал от его понимания; но куда ему до профессионалов своего дела.

Видимо, результат показался им вполне приемлемым, так как они, обменявшись парой реплик на родном языке, отвесили Кенджи по поклону и выскользнули наружу. Все, кроме одного — невысокий лысый старик с длинной, почти до колен бородой, задержавшись, вытащил из-за пазухи небольшой пузырек, сунул его Кенджи и жестами приказал выпить. Он последовал его примеру — и надо сказать, успел пожалеть об этом еще до того, как неизвестная микстура попала в желудок. Зелье оказалось до того пакостным и мерзким на вкус, что на глазах Кенджи невольно выступили слезы, нутро его охватил огонь, а сам он задался в громком кашле. Кенджи уже было подумал, что его попытались отравить — в последнее время список его недоброжелателей исправно пополнялся с каждым новым днем — но уже через мгновение вдруг с удивлением почувствовал, что все его полученные раны понемногу перестают ныть. Когда старик вышел вслед за своими коллегами, боль ушла окончательно и вместо нее Кенджи ощутил небывалый подъем сил и бодрость, словно бы накануне ночью он не дрался с бандой синоби, а спал как убитый в собственной постели.

В коридоре его ждало настоящее столпотворение и каждый — от личного телохранителя Каташи до дальнего родственника семьи Такэга, родство с которым уходило столь глубоко, что проще было считать его каким-нибудь троюродным дядей — стремился похлопать его по плечу, дать какое-либо напутствие или совет, спросить о самочувствии, а то и вовсе просто вопить во всю глотку, изображая боевой горн. В общем, когда Кенджи уселся в седло черного словно смоль скакуна — жеребца этого ему подарила лично госпожа Кин Кумо, и хоть с тех пор Кенджи и успел взять пару уроков верховой езды, но в роли наездника чувствовал себя слегка неуверенно — он уже почти оглох.

— Ну как, готов надрать сегодня пару задниц? — спросил Макото, что ехал от него по правую руку.

Несмотря на напускную браваду, выглядел он неважнецки: разбитая губа опухла почти вдвое, ставши похожей на перезрелую сливу, один глаз почти заплыл, а на коня он смог взгромоздиться только с помощью дружной работы разом нескольких слуг, так как еле-еле опирался на больную ногу. Но думается, они оба еще легко отделались.

— Конечно, — вздохнул Кенджи. — Жду не дождусь этого светлого момента.

На самом деле первый этап Турнира по сути являл собой демонстрацию всего, что умел

каждый из его участников. Им не нужно было участвовать в каких-либо испытаниях или меряться силами в поединках друг с другом — только показать и зрителям, и судьям и даже соперникам на что ты способен; заставить первых раскрыть рты от изумления и сбить руки в восторженных аплодисментах, а последних — скрипеть зубами от зависти. Претендентов ограничивала разве что их фантазия — в разумных пределах, разумеется.

— Как я понимаю, ты до сих пор так и не решил, что именно будешь сегодня делать? — поинтересовался Макото.

— Не имею ни малейшего представления, — признался Кенджи.

— Попробуй повторить тот трюк, что ты провернул против Проклятых — ну с этими жуткими двойникам. Если честно, от них даже у меня мороз прошел по коже, бр-р-р... Правда, толку от них, конечно, было мало, но выглядело весьма эффектно, тут не поспоришь.

Неплохая идея — вот только прием этот требовал столько Воли, сколько Кенджи, выжившийся в последнем бою на полную, вряд ли бы смог собрать при всем желании, даже дай ему целый бочонок чудодейственного хонгского зелья. Но идти на попятную было уже поздно, лишних пару деньков на восстановление ему, разумеется, никто бы не предоставил, так что он решил импровизировать на месте; тем более, что ничего другого ему, увы, и не оставалось.

Турнир — во всяком случае первый его этап — проходил за городом, на специально огороженной для того территории, с которой срубили все деревья, выкорчевали пни и убрали камни. Как слышал Кенджи, так было далеко не всегда, но из-за нескольких инцидентов, чуть не приведших к трагедии — последней каплей стал маг земли седьмой ступени, что не рассчитал свои силы и чуть было не обрушил целый жилой квартал вместе с его жителями — зрелище ради всеобщей безопасности решили перенести за городские стены. В общем-то, мысль достаточно разумная, но из-за этого путь до ристалища предстоял неблизкий. И это еще они ехали верхом. Простолюдины же, кои могли нанять повозку или телегу лишь в мечтах и вынужденные добираться пешком, нередко выдвигались в путь еще до рассвета, дабы занять самые удобные места.

Поле, на котором и должно было развернуться главное действие, со всех сторон окружали выстроенные прямо на месте трибуны. Самые простецкие, расположенные под открытым небом, занимали люди победнее — мелкие лавочники, чиновники низшего пошиба, подмастерья и ученики, ронины и многие другие, едва-едва сводящие концы с концами путем честного и не очень заработка. Теснились они словно сельдь в бочке, но судя по громкому гвалту — которому отчасти способствовали кувшины, ходившие по рукам — вряд ли были тому расстроены.

Тех же, кто мог позволить себе чуть раскошелиться, ждали удобные широкие скамьи и натянутые над головами навесы, защищающие от солнца и непогоды. На самых шикарных местах, конечно же, можно было увидеть представителей Великих Домов, родичей и близких участников Турнира — вне зависимости от их богатства и происхождения, так как все расходы брали на себя столичные власти — процветающих купцов и прочих сильным мира сего. Меж их рядов даже сновала отдельная обслуга, носящая туда-сюда подносы, ломившиеся от еды и питья.

Самые бедные зрители — как правило, крестьяне, бродяги, странствующие монахи, нищие, дети и прочий простой люд — мужественно толкались на своих двоих перед галереями, между ними, вокруг; в общем, практически везде, где можно было приткнуться и увидеть состязание хоть одним глазком. Впрочем, не сказать, чтобы подобное положение

вещей хоть как-то их печалило, совсем нет: отовсюду доносились радостный гомон, смех, песни и выкрики в поддержку любимого — или же напротив самого ненавистного — бойца. За все время Кенджи не увидел ни одной драки хоть сколочко бы серьезнее, чем пихание локтями; любая же ругань сводилась к обмену парочкой незамысловатых ругательств, после которых спорщики моментально теряли интерес друг к другу. Никто не пытался отеснить более слабого соседа, дабы занять местечко получше, не бил в челюсть за случайно отдавленную ногу и не пытался вытащить из чужого кармана последний медяк.

— За кровь, пролитую на Турнире, карают быстро и жестоко, — холодный цинизм Макото чуть пошатнул надежды Кенджи на человеческую благоразумность. — И даже невовремя вытащенный из ножен меч, пускай ты им хотел просто перед дружками похвалиться, может сулить весьма и весьма серьезные проблемы.

Впрочем, Кенджи почему-то считал, что дело тут не только в страхе перед возможным наказанием, ведь даже аристократы вели себя на удивление миролюбиво; самые злющие враги, в любой другой момент шипящие друг на друга как две разъяренные гадюки, мирно беседовали, а то и вовсе пили из одного графина и хохотали над какой-нибудь глупой шуткой, словно старые друзья. Наверное, праздник стал неплохим поводом хотя бы на время позабыть о распрях и интригах, что плели меж собой Дома и семьи, перестать меряться богатствами, регалиями и ступенями. В общем, просто славно провести время и немного отдохнуть от каждодневной рутины.

И вот они уже находились в одном из шатров, заранее пригоовленных для каждого из участников. Здесь они могли набраться силами перед грядущим состязанием, промочить горло и перекусить, посоветоваться с близкими и соратниками, проверить снаряжение или вознести молитву богам. Насколько успел увидеть Кенджи, подавляющее большинство его соперников привели с собой настоящую свиту из слуг, учителей, родичей, друзей, приятелей, поклонников и еще бог весть знает кого; в его же шатре, помимо него самого, разумеется, находились лишь Макото, лекари из хонга, которые, не обращая внимания ни на что вокруг, быстренько осмотрели Кенджи и теперь с азартом резались в какую-то игру с помощью костей и глиняных палочек — один из медиков показался Кенджи до удивления знакомым, но он не подал вида — да Каташи, зашедший дать ему последние напутствия. И вот он, в отличие от Кенджи, придерживался диаметрально противоположного мнения насчет царившей вокруг атмосферы.

— Жалкие лицемеры, — с презрением произнес он, выглядывая наружу из-за плотной ткани. — Делают вид, точно и в самом деле вмиг забыли все старые обиды. Турнир и политика — вещи нераздельные настолько же, сколько огонь и дым. Если тебе протягивают руку помощи — в другой сжимают кинжал, смазанный ядом. Уж поверьте моему опыту. Хочешь совет? — он оглянулся на Кенджи и продолжил, не дождавшись даже кивка. — Будь честен перед самим собой и пред ликом своих предков. Не трусь, но и не лезь на рожон понапрасну. Держи сердце горячим, но разум твой должен быть холодной льда. И последнее — помни, что на кону стоит не только твое имя, но имена всех тех, кто считает тебя твоим собратом. Отныне ты отвечаешь не только за себя — а за весь Дом. Никогда не забывай об этом. Даже наедине с самим собой.

С этими словами он вышел наружу. Кенджи же остался несколько... растерян. Если честно, он ожидал услышать чуть более конкретные наставления, а не выдержки из кодекса чести. Макото, что в присутствии отца не проронил и звука, лишь проводил того долгим взглядом и тяжело вздохнул:

— А теперь представь, что я выслушиваю это с тех пор, как покинул колыбель.

В этот самый момент вслед за старшим Такэга пошли и хонгцы, все еще галдящие, словно сороки. Остался только один из них, что принялся собирать с земли оставшиеся после игры монеты, тщательно осматривая каждую из них.

— Сочувствую, — без доли иронии сказал Кенджи. — Как я понимаю, ты так и не забрал свои пистолеты?

— Я было хотел, но... Решил подождать хотя бы до завтрашнего утра. Быть может, ты утрешь всем нос и отец на радостях не станет пытаться заморить меня проповедями. Ты уж постарайся хотя бы ради нашей дружбы, ладно?

— Сделаю все что в моих силах, однако на твоём месте я бы все равно не питал иллюзий легко отделаться, — усмехнулся Кенджи, изучая свиток, исписанный мелким аккуратным почерком; то были правила Турнира.

— Это точно, — вздохнул Макото и подпер щеку кулаком. — Знаешь, иногда я серьезно думаю, что лучше б родился каким-нибудь крестьянином. Ковырялся бы себе в земле с утра до ночи, надирался рисовой настойкой и жену за задницу пощипывал...

— Ты бы помер с голоду еще до первых заморозков, — раздался знакомый ехидный голос.

На самом деле Кенджи не был сильно удивлен, увидев перед собой Рю, что скрывался под ликом иноземного лекаря — он заприметил старика еще на входе в шатер, однако не стал выдавать его маскировку в присутствии лишних глаз. Теперь на его носу — ставшим до того длинным и крючковатым, что напоминал клюв — красовались круглые очки, на голове сидела квадратная шляпа, отделанная беличьим мехом, два передних зуба так сильно выступали вперед, что делали их хозяина похожим на бобра, а еще он непрестанно приглаживал длинные тонкие усики, свисающие почти до груди.

— Я уж думал, что тебя все же прибили твои бывшие дружки синоби, — с хрустом зевнул Макото; кажется, его тоже не слишком поразило появление Рю. Или он просто не хотел давать старику лишний повод позубоскалить; впрочем, когда это того останавливало?

— Зря надеешься, — фыркнул в ответ Рю. — Скорее твоему папаше удастся сделать из тебя некое подобие воина — в его представлении, разумеется. То есть таким же вечно надутым от важности индюком, что при каждом шаге невольно воздух портит.

— А что ты тут вообще делаешь? — спросил Кенджи, покуда Макото не успел ввязаться в перепалку. — Ты вроде говорил, что тебя, мягко говоря, не слишком интересует Турнир.

— И не устану это повторять, — сказал Рю, — ибо единственный вменяемый повод собрать здесь столько идиотов может быть сугубо научным — проверить, не обрушатся ли небеса от такого количества бахвальства, пафоса и самовлюбленности в одном месте. Однако я как-никак скрываюсь, а прятаться куда проще у всех на виду, как бы парадоксально это не звучало. И вдобавок здесь я надеялся встретить парочку знакомых, с которыми не виделся много лет.

— Кто на этот раз? — казалось бы с искренним интересом спросил Макото. — Демоны, срущие лавой? Карлики-акробаты? Любители таскать драгоценные камни во всяких интересных местах?

— Нет, избалованные папенькины сынки, мнящие себя великими шутниками, — буркнул в ответ Рю. — Не знаешь, тут где-нибудь поблизости подобные водятся?

— Увы. Но зато могу подсказать имя одного ворчливого, врущего, надоедливого, дряхлого...

Очередной обмен любезностями прервал рев горнов, взорвавший воздух и возвестивший о том, что участникам уже пора было выходить на ристалище. Что ж. Кенджи поднялся на ноги и сжал кулаки, дабы хоть немного унять дрожь в пальцах. Удивительно. Он сражался с демонами, наудачу прыгал в портал, не зная, куда он его приведет, побывал и вернулся живым из места, куда не осмелился бы ступить и более опытный воин, скрещивал клинки с самым смертоносным бойцом из ныне живущих — но сейчас стоило ему только подумать о том, что на него будут смотреть тысячи глаз, ноги его становились ватными, а в желудке растекалось что-то склизкое и холодное.

— Не дрейфь, — Макото хлопнул Кенджи по плечу, точно прочитав его мысли. — В лучшем случае к вечеру твое имя будут знать по всей Весской империи, в худшем — тебя ждет несмываемый позор до конца жизни. Но, как бы то ни было, стаканчик другой я тебе поставлю, будь уверен.

— На твоём месте я бы просто пошел домой и хорошенько отоспался, — сказал Рю. — Так как у тебя явно есть дела поважнее, чем лезть из кожи перед всякими напыщенными выпендренниками.

Да уж, пожелания действительно были воодушевляющее некуда — но едва Кенджи ступил за полог шатра, как они тут же вылетели из его головы. Вместе со словами Каташи, мыслями о Жнеце и Сотне Проклятых, болью от вновь занывших ран, полученных в драке с последними и многим другим — сейчас во всем этом мире был только лишь он и ревущая толпа, следящая за каждым его шагом. К счастью, не успел он подойти к ристалищу, как его тут же подхватили с десятков слуг и через несколько мгновений он уже стоял между Сузуму Хака — тем самым печально известным Стервятником — и незнакомым ему участником, коренастым парнем с квадратной челюстью, что постоянно ходила туда-сюда, словно бы он что-то тщательно пережевывал. Их выстроили подковой почти посреди поля в отдалении от трибун, однако зрители на них шумели так, что Кенджи бы не услышал, даже если бы у него под ухом сейчас начал греметь барабан.

До начала состязания зевак развлекали бродячие артисты саругаку, прибывшие в Каноку буквально несколько дней назад — музыканты, акробаты, фокусники, мимы, разыгрывающие сценки на злобу дня, жонглеры, некоторые из которых перебрасывались небольшими шариками, балансируя на высоких ходулях и не только. Все они были одеты в разноцветные свободные одежды, развевающиеся, словно парус и высокие деревянные сандалии; лица некоторых закрывали замысловатые маски в виде демонов, зверей или чудовищ, остальные же покрывали кожу гримом. Несмотря на то, что большинство игроков на флейте или сямисэне откровенно фальшивили — или же и вовсе незабвенно исполняли какую-то жуткую какофонию — а особо сложные трюки лицедеев заканчивались их падением в пыль, казалось, это нисколько не мешает толпе получать удовольствие от представления. Напротив — при виде очередного незадачливого паяца, барахтающегося на земле, люди лишь разражались громким хохотом и охотно кидали ему под ноги монеты.

Но вот на ристалище появилась судейская комиссия в полном составе, что до того находилась в собственном шатре — и артисты испарились без следа, не забыв, правда, прихватить с собой последний медяк. Не успели судьи выстроиться в линию перед участниками, как вокруг словно по волшебству настала звенящая тишина; поначалу Кенджи даже было подумал, что оглох, но тут раздался громкий голос Чиکارа:

— От лица себя, своих коллег и самого императора — его Святейшества господина Симада, властителя земли и воздуха... — сегодня, видимо из-за нехватки времени, он

перечислил едва ли треть всех титулов и регалий императора; правда, вряд ли кто-то был сильно этим огорчен. — ... приветствую всех вас и благодарю за ваше внимание. И говоря «всех», я имею в виду как дворян, так и простых тружеников. Не важно сколько денег в вашем кармане — целое состояние или последний медяк. Не имеет значения, от кого берет начало ваш род...

— Красиво заливает, — пробормотал Стервятник и Кенджи не мог не заметить, сколько пренебрежения в его словах.

— ... ведь сегодня на этом самом месте начнется событие, что впоследствии войдет в хроники. Всем известно, что на Турнире издавна меряются не количество колен, что может насчитать ваша семья, а силой, духом, отвагой...

— А это часом не ты тот паренек, что приколошил старину Йоши из Дома Цапли?

Кенджи покосился на Стервятника, что все также смотрел прямо перед собой, скрестив руки за спиной.

— Да, — коротко ответил Кенджи, не вдаваясь в подробности; однако тот не унимался.

— Без обид, но не похож ты на человека, бросившего вызов знаменитым Черепам. Знавал я пару ребят из их рядов — полные отморозки, даром что терять им нечего, разве что кроме головы на плечах. Какой ты там ступени? Второй?

— Та, что следует за твоей, — огрызнулся Кенджи, уже начинающий понемногу закипать; и раздражение у него вызывали не столько слова соседа, сколько его снисходительно-ехидный тон, точно он поймал его за руку на откровенной лжи.

— Неплохо, — хмыкнул Стервятник. — Во всяком случае язык у тебя острый, уж не знаю, как насчет меча. Быть может и слухи те — вранье...

— Что еще за слухи? — с недоумением спросил Кенджи.

— Да так, ходят разговоры, — несколько мгновений Стервятник деланно мялся, точно размышляя, следует ли ему вообще продолжать. — Дескать ты со своей компашкой не то, что врагами со стариной Йоши не были, а напротив — являлись закадычными дружками. Вот он и попросил вас сдать ему Сато, упокой боги его душу, а потом помочь в бега пуститься, распуслав слухи о его кончине. А что, неплохая сделка: ему — спокойная жизнь где-нибудь в глуши, вам — слава победителей. Но это так — разговоры, не более.

От такой наглой и циничной лжи Кенджи на какое-то время потерял дар речи. После он уже было открыл рот, дабы высказать Стервятнику все, что он думает и о нем, и об этих сплетнях, и о людях, что их распускают — но тут словил ледяной взгляд Ичиро, что не спускал с него глаз, и промолчал. Пускай это и стоило ему немалых усилий.

— ... теперь же я хочу обратиться непосредственно к бойцам, — Чикара тем временем подошел к концу своей речи; и весьма вовремя, так как среди особо нетерпеливых зрителей уже начали раздаваться недовольные выкрики. — Не забывайте — бесчестная победа стократ хуже доблестного поражения. Помните: на Турнире категорически запрещены сговоры между участниками, подставные поединки и прочие махинации. Запрещено смазывать доспехи или лезвия мечей ядом, а также применять огнестрельное оружие, кристаллы мощи, бомбы, защитные амулеты и даже обычный порох. Нарушение хотя бы одного условия покроет позором не только вас, но и ваших потомков — и зачастую дурную славу нельзя смыть даже кровью. С полным сводом правил вы должны были ознакомиться самостоятельно — и если вдруг у вас возникнут какие-то сомнения по поводу оных, не стесняйтесь сразу же обращаться к одному из нас. Что ж, думаю, я уже успел утомить вас всех своей болтовней — так начнем же Турнир!

Рев тысячи плотоки грохот сапог, туфель, сандалий, башмаков и простых кулаков по дереву взлетели до небес — удивительно, что ни одна из трибун не рухнула наземь. Участники же разбрелись кто куда, ожидая, покуда судьям не вынесут специальную шкатулку, в которой хранились глиняные таблички с высеченными именами всех претендентов. Порядок их выступления определял жребий — так что Кенджи покуда присел в теник рядом с Макото, который грыз зеленое яблоко.

— Нашел себе нового друга? — громко чавкая спросил он.

— Угу, — буркнул в ответ Кенджи и взглянул в сторону Стервятника, находившегося на противоположном конце поля в окружении целой толпы; кажется, он как раз закончил рассказывать какую-то невероятно забавную шутку, так как люди вокруг буквально взорвались хохотом. Кенджи же, словив на себе их взгляды, почувствовал знакомый огонек, разгорающийся внутри.

— Не бери в голову, — сказал Макото, когда тот вкратце пересказал ему их диалог; отшвырнув огрызок в сторону, он вытер пальцы о штаны и продолжил. — Этот подонок нарочно тебя из себя выводит, чтоб ты в нужный момент оступись. Ты лучше глянь, что этот тихоня вытворяет!

А посмотреть действительно было есть на что. Открыл первый этап Турнира боец по имени Кента Ива из Дома Цапли — тот самый невозмутимый паренек, который, как оказалось, владел стихией воздуха. Но и без нее с первого же взгляда было понятно, что своим копьём он научился орудовать едва ли не раньше, чем ходить. Быстрые и медленные удары сливались в длинные комбинации; Кента то замирал на месте, то напротив, начинал вихрем носиться по ристалищу с такой скоростью, что невольно кружилась голова. Под конец он один за одним подбросил высоко в воздух три больших персика — и пронзил их одним мощным броском до того, как те упали на землю. Трибуны взорвались аплодисментами, судьи удовлетворенно закивали головами, да и Кенджи не мог не отметить его мастерство.

— Надо признать — палкой своей машет ловко, — произнес Макото с легкой завистью, провожая взглядом удаляющегося с поля Кента. — О, гляди-ка, следующим пойдет Стервятник — руку дам на отсечение, что вот он-то только языком орудовать умеет.

Увы, ожидания его не оправдались, и представитель Дома Кошки своим выступлением едва ли не превзошел предшественника, размахивая объятым пламенем мечом столь быстро, словно весил он не больше веточки. Правда, слегка увлекшись, Сузуму чуть не подпалил одну из трибун — но разгорающийся огонь вмиг потушили подоспевшие слуги, так что эта мелкая досадная случайность нисколько не умалила восторг толпы. А вот следующему бойцу повезло куда меньше — будучи явно куда менее опытным, чем его соперники, он решил прыгнуть выше головы, вызвав ажно полдюжины элементалей земли и заставив их сражаться между собой. Сложная задача даже для умелого призывателя — и то ли ему не хватило мастерства, то ли он не рассчитал запас Воли, но в какой-то миг одно из существ, полностью проигнорировав команды своего создателя, бросилось в его сторону и мощным ударом подкинуло бедолагу в воздух. От смерти его спасли императорские колдуны, что следили за каждым соревнующимся как раз на случай подобных неурядиц и толика удачи — но вряд ли даже самые умелые лекари смогут поставить его на ноги в ближайшие несколько месяцев.

Бойцы сменялись один за другим. Кого-то провожали бурными овациями, не утихающими до тех пор, пока на ристалище не появится следующий участник, кто-то же достаивался лишь жиденьких хлопков и кислых мин судей, но более несчастных случаев не

наблюдалось; видимо, наученные горьким опытом выбывшего из строя соперника, последующие участники Турнира трезво оценивали свои силы. Но вот, когда время уже перевалило глубоко за полдень, а две трети бойцов показали все свои навыки, Кенджи услышал свое имя. И вроде бы у него не было особых причин для волнения — некоторые воины, провожаемые радостными криками, едва ли сдюжили в схватке с ними или хотя бы одним из Проклятых, так что он имел вполне приличные шансы на успех — но ноги у него все равно вмиг стали ватными, во рту пересохло, а сердце стало биться так часто, словно хотел вырваться из груди.

Последующие несколько мгновений прошли словно в тумане и даже спустя время Кенджи не мог припомнить все подробности. Вот он, получив напоследок дружественный хлопок по спине от Макото, поднимается с земли и идет к судьям. Отвесив им неловкий поклон, он еще раз выслушивает правила Турнира, кивком подтверждает полное с ними согласие, а также, кажется, отпускает какую-то глупую шутку. От взгляда Ичиро можно было продрогнуть — но Чикура вместе с остальными расплываются в легких улыбках и желают ему удачи. После они удаляются на места для наблюдения, звенит гонг, все разговоры стихают... И Кенджи остается один на один с многотысячной толпой.

Что ему делать? Поклониться зрителям и сказать им пару слов или без лишних церемоний приступить к делу? Показать несколько простых приемов или сразу же попытаться поразить всех каким-нибудь замысловатым трюком? Но каким? Глядя на выступления других участников, он подметил про себя множество интересных движений, что мог бы попытаться связать с теми, что до того оттачивал на тренировках — однако стоило ему только выйти на поле, как все, что он изучал и помнил, вмиг вылетело у него из головы. Мысли роились, путались одна за другую, а среди зрителей тем временем уже начался первый ропот.

— Если ты решил заставить нас всех уснуть, то так держать! — послышался чей-то ехидный выкрик; и Кенджи вроде бы узнал голос Стервятника.

Чикура вынес тому предупреждение, а со стороны трибуны, которую занимали члены Дома Змея, на голову крикуна осыпались сотни проклятий и ругательств — но некоторые зеваки, уже изрядно набравшиеся дешевым пивом, поддержали тот громким свистом, издевательским смехом и недовольными воплями. Все они пришли сюда за зрелищем — и они жаждали получить свое чего бы им это ни стоило. Плевать, даже если боец под конец своего выступления упадет на песок за смертью — главное, чтобы он сделал это максимально красиво. А может и впрямь плюнуть и на Турнир, и на всю эту ревущую толпу, движимую лишь тем, чтобы поглазеть, как умелые воины калечат друг друга за просто так?..

Но это значило подвести множество людей, что надеялись на него, верили и надрывали плотки в его поддержку. Нет, сейчас на нем лежит огромная ответственность, нравится ему это или нет; отныне он не Кенджи из Тихого Потока, а Кенджи из Дома Змея. Во всяком случае сегодня. Он прикрыл глаза, дабы собраться с духом, и тут перед ним вдруг предстал... дракон. Почти как настоящий, такой, каким этих могучих существ, живших столь давно, что истории о них уже сотни лет назад стали легендами, изображали на фресках и картинах. С могучими крыльями, чей взмах мог вызвать бурю и огромной пастью, в которую легко могла поместиться запряженная повозка; двумя закрученными рогами на вытянутой морде и длинным хвостом. Кенджи не знал, почему ему вдруг пришел в голову именно этот образ — но почувствовал, как руки его начало потряхивать, а на кончиках пальцев нарастает знакомое тепло.

Смех вокруг понемногу начал затихать, а потом и вовсе сменился удивленным гулом — открыв глаза, Кенджи увидел, как тьма, стелящаяся у него под ногами ковром, понемногу сходитя воедино и приобретает форму, что с каждым мгновением своими очертаниями все больше напоминает мифическое существо. Пускай теневой дракон и не был столь огромен, как в воображении Кенджи, но все равно размерами превосходил любое чудовище или зверя, что могли прийти на ум. Просто невероятно, что когда-то — конечно, если древние легенды не врали — подобные создания населяли этот мир. И сейчас одно из них предстало перед тысячами пораженных людей, не верящим своим глазам.

Оттолкнувшись от земли толстыми лапами, дракон тяжело взмыл в воздух, двигаясь неровными рывками; выглядел он так, словно бы каждое взмах крыльев был ему в диковинку. Но вот движения его стали куда плавнее, увереннее, и он взмыл над ахнувшей толпой, набирая высоту. Кенджи не смог бы ответить даже самому себе, он ли управляет своим творением или оно живет своей собственной жизнью, однако он сейчас был сосредоточен как никогда; он не чувствовал пот, рекой льющийся за шиворот, не ощущал того, как ноют задеревеневшие мышцы; будто бы это он, а не иллюзия, парила в вышине.

На мгновение замерев, дракон спикировал вниз — прямо на трибуну, где находились самые знатные зрители. Думается, только боязнь потерять лицо и прослыть трусами заставила их остаться на своих местах, пускай и вцепившись в скамьи или плечо соседа; даже отсюда Кенджи видел их побелевшие от страха лица. Казалось бы, еще чуть-чуть — и чудовище рухнет прямо на головы зевак, но в последний момент оно резко взмыло вверх. Когда толпа наконец поняла, что создание это находится полностью под контролем Кенджи и не представляет опасности, страх ее сменился не менее бурным восторгом. Каждый кульбит дракона, любой его нырок или переворот вокруг себя люди встречали с таким воодушевлением, о коем не могли мечтать и все предыдущие выступавшие вместе взятые.

Но вот настала пора кульминации. Зависнув в воздухе, дракон сложил крылья и камнем вниз понесся в сторону Кенджи. Тот же за какой-то жалкий удар сердца снял с плеча лук и одну за одной выпустил в мчащееся чудовище три стрелы, целясь чуть ниже правого крыла; он отчего-то знал, что именно там находится самая уязвимая точка в шкуре прочной, словно заговоренный панцирь. Разумеется, снаряды прошли сквозь иллюзию, не причинив ей ни малейшего вреда — но движимый волей своего создателя, дракон рухнул на землю прямо под ноги Кенджи, содрогнулся в последней агонии и начал растворяться в воздухе — через пару мгновений от него осталась лишь едва уловимая взгляду дымка, что унес с собой прочь легкий порыв ветра. Вокруг настала пронзительная тишина — и тут же грохнула таким ревом, что отзвуки его наверняка были слышны даже в столице.

Еще раз поклонившись судьям, Кенджи, не оглядываясь, направился обратно к Макото. Тот встретил его лишь невразумительным хрипом, так как вопил он столь яростно, что говорить только свистящим шепотом. Однако ни похвала друга, ни всеобщий восторг не принесли Кенджи столько удовлетворения, сколько кислая мина Стервятника, что, поймав его взгляд, только опустил глаза.

Весть о том, что Кенджи прошел во второй этап не стала для него сюрпризом — по правде сказать, как и для всех остальных. Помимо него в список счастливых угодили и Кента, и Сузуму, и Шуноморо — который один из немногих ушел с ристалища под общие аплодисменты, так как пораженная вызовом теневой бести толпа явно ожидала от последующих участников что-то подобного — и еще множество наиболее талантливых и умелых бойцов. Для остальных же участие в Турнире продолжится только в качестве

зрителей. Однако откровенно расстроенных среди них почти не было — или же те умело держали лицо — чего не скажешь об их поддержке, многие из которых не стеснялись изрыгать такие оскорбления, кои с трудом можно было услышать даже из уст уличной шантрапы.

Забравшись в крытую повозку, что должна была отвезти их обратно в столицу, Кенджи тут же уснул; Макото растолкал его уже на въезде в Каноку и не успел Кенджи добраться до постели и положить голову на подушку, как вновь провалился в объятия дремы. Сегодняшний его перформанс, конечно, произвел небывалый фурор, однако взамен забрал столько сил, что вряд ли в ближайшие дни он сможет взять в руки что-то тяжелее пера. Впрочем, оно и вряд ли потребуется — во всяком случае он на это надеялся — так как до второго этапа Турнира оставалось еще целых семь дней. Да и к тому же следующему состязанию предшествовал торжественный прием во дворце самого императора.

Проснулся Кенджи только глубоким вечером уже после заката и не успел он принять ванну и наскоро перекусить, как его тут же повели в «Алмазную цаплю». Точнее сказать, потащили едва ли не силком, даже не спросив его на то согласия — но что за пир в честь фаворита Турнира без самого виновника торжества? В купальне тем временем уже вовсю гремел шумный праздник. Шутка ли — здесь, наверное, собрались все до единого Змеи, пребывавшие в столице, так что прислуга сбивалась с ног, еле-еле успевая обслуживать подобную толпу, а стены то и дело тряслись от дружного хохота. Стоило только Кенджи переступить порог, как его разом поприветствовали десятки луженых глоток; и не успел он моргнуть и глазом, как в руки ему сунули наполненный до краев бокал.

— Ну ты и выдал сегодня, брат! — орал ему в ухо какой-то кряжистый муж, которого он видел впервые в жизни; впрочем, это не мешало тому вести себя так, словно бы их вырастила одна кормилица. — Я ж на тебя почти все деньги свои поставил — а ты стал столбом и стоишь, словно баба впервые хер увидевшая. Думал — все, плакало мое золотишко. А следом чудище это!.. А ты!.. А оно!..

— Отвянь от него, Тоши! — рывкнул его друг, уводя Кенджи за стол, где шумная компания, не обращая внимания ни на что вокруг, самозабвенно резалась в кости. — Ты этой байкой уже всем плешь проел, мочи нет слушать. Давай-ка лучше уважь нас на пару ставок — боги тебе сегодня на поле благоволили, а значит и рука легкой будет...

— Зато моя тяжелая! — фыркнул третий, вклиниваясь между смутившимся игроком и Кенджи. — Последние башмаки проиграл и теперь за счет бойца нашего отыграться хочешь? Он-т не такой дурак, чтоб твои долги крыть — дайте лучше отдохнуть парню, а он уж сам разберется, чем вечер занять.

И вот это была воистину дельная мысль, ведь, как бы то ни было, отдых он действительно заслужил. Кенджи все же сделал несколько бросков, чтобы не обидеть игроков, которым, казалось, для счастья хватило бы и того, чтобы он постоял рядышком, а после втянулся в нестройный хор пары дюжин голосов, что горланили одну похабную песенку. Потом кто-то предложил померяться силой в борьбе на руках — с одного из столов в тот же миг слетела на пол вся посуда, сам же он был водружен в центр зала, следом поступило предложение посоревноваться в метании ножей... Потехи шли одна за другой, вино и сакэ лились ручьями, количество бокалов, поднятых в честь скорого победителя Турнира — а в этом похоже не сомневался никто из присутствующих разве что кроме непосредственно Кенджи — трудно было и сосчитать... Но вот, когда он, в очередной раз поймав взгляд той самой рыжей гейши, что в этот раз улыбалась ему пуще прежнего, решил

уже было попытать удачу, его потрепал по плечу один из телохранителей Каташи — как оказалось, его возжелали увидеть на самом верхнем этаже, где тот препроводил время вместе со своими приближенными.

В полутемном зале, освещаемом лишь висевшими на стенах лампадами, царила приятная прохлада; помимо самого старшего Такэга здесь находились Исаро Ода, даже внутри не снявший своих перчаток, глава Дома Паука — худющий, но крепкий старик, чей искусственный глаз изредка поблескивал какими-то потусторонними огоньками; думается, муляж его не был простой цацкой и таил парочку секретов — представители наиболее знатных родов Дома Змея, несколько местных чиновников, парочка купцов и другие сильные мира сего, коим не с руки было пить в компании рядовых воинов.

— Вот он — наш будущий чемпион! — прогрохотал Исаро, не успев Кенджи вымолвить и слово, а после разразился столь громким и веселым смехом, словно бы тот и впрямь одержал оглушительную победу на Турнире.

— Вблизи еще более молод, чем казался на первый взгляд, — проскрипел старик, внимательно изучая его с головы до пят; говорил он так, словно бы Кенджи был не живым человеком из крови и плоти, а каким-то чудным экспонатом, выставленным на всеобщее обозрение. — Удивительно, как простой мастер смог вызвать столь достоверную иллюзию. Не каждому моему призывателю дано такое...

— Друзья мои, прошу, — Каташи несколько раз ударил вилкой по бокалу, призывая к тишине. — Думаю, Кенджи и без того успели перемять все кости — так не станем уподобляться базарным сплетницам. Друг мой, мы пригласили тебя сюда чтобы высказать свое восхищение — думаю, никто не станет спорить, что ты сегодня превзошел все самые смелые ожидания. Присядь и выпей с нами бокал-другой — если, конечно, тебе не претит делить стол с компаний развалин, предающихся ностальгии по давно ушедшим дням.

Все прочие дружно рассмеялись — и думается, Исаро этой ночью неслабо налегал на выпивку, так как хохотал столь сильно, что из глаз его ажно брызнули слезы.

— Сочту за честь.

Кенджи коротко поклонился и присел за стол; однако не успел он и притронуться к кубку, как из коридора донеслись чьи-то крики и громкий топот. Грохнули двери — и в зал вошел невысокий мужчина в окружении вооруженных воинов. С первого взгляда его с трудом можно было бы выцепить взглядом из толпы простых горожан — до того он был неприметен, как одеждой, так и внешностью; но выправкой своей вряд ли походил на торговца или писаря, к тому же из-под плаща его выпирала рукоять меча.

— Я ищу Кенджи из Дома Змея, — произнес он, оглядывая присутствующих; и непохоже, что он был хоть каплю смущен тем, что потревожил покой столь знатных гостей.

— Долго искать вам не пришлось, — пожал плечами тот. — Чем могу помочь?

— Властью, данной мне самим императором, я вынужден признать вас подозреваемым в убийстве и попросить проследовать за мной.

Для самого Кенджи слова незнакомца не стали такой уж неожиданностью — видимо, кто-то из Проклятых все же отдал богам душу — чего не скажешь о прочих находящихся в зале; возмущению их не было предела и лишь Каташи сохранил присущую ему невозмутимость.

— Чего?! — кулак сидящего от него по правую руку мужчины взлетел в воздух и с силой опустился на стол, заставив бокалы подпрыгнуть. — Вы и впрямь думаете, что можете ворваться сюда вот так с оружием наперевес, как в какой-нибудь грязный притон и оскорблять одного из нас подобными заявлениями?! Одно слово — и наши бойцы выкинут вас на улицу, как паршивых псов, коими вы и являетесь!

Свита чужака заметно занервничала и зашепталась меж собой, переминаясь с ноги на ногу и обмениваясь косыми взглядами, однако сам он и бровью не повел.

— Вы правы, — согласился он. — Но на следующий день я вернусь. И не с дюжиной «псов», а сотней, да вдобавок под прикрытием полудюжины магов шестой ступени. Также хочу предупредить, что называть так служителей закона — не самая лучшая идея, ведь оскорбляя их вы, по сути, хулите самого императора. А это уже пахнет изменой.

— Ты мне еще угрожать что ли вздумал, ты, сопляк...

— Полно, — не терпящий возражений голос Каташи остудил пыл Змея, чья уязвленная гордость вкупе с немалым количеством вина вполне могли превратить обмен «любезностями» в потасовку. — Давайте все же попробуем представить, что мы взрослые цивилизованные люди, а не уличные лавочники, грызущиеся за свободное место. Прошу прощения, — обратился он к незнакомцу, меряя его изучающим взглядом, — кажется, я не расслышал ваше имя...

— Нобу Хо, старший мэцукэ, сановник императорского магистрата.

— Так вот, господин Хо. Обвинение подобного рода — серьезная вещь и должно иметь под собой хоть какую-либо подоплеку.

— Безусловно, — кивнул тот. — У меня есть слова нескольких десятков свидетелей, которые в один голос утверждали, что в последний раз жертву видели в добром здравии вместе с господином Кенджи.

— И это все? — хмыкнул Каташи. — Вы пытаетесь кинуть тень на мой Дом из-за бредней нескольких зевак?

— Как по мне — более чем достаточно, — пожал плечами Нобу. — К тому же, если господин Кенджи действительно невиновен, бояться ему нечего. Я лишь хочу поговорить с ним с глазу на глаз и узнать все подробности того вечера.

— В мое время приглашение на беседу, произнесенное не тем тоном, считалось значимым поводом объявить войну, — вмешался в разговор глава Дома Паука, не сводящий с Нобу тяжелого взгляда. — Сейчас же «поговорить» приглашают под дулом пистолета и удивляются отказу. О времена, о нравы...

— Мой человек с удовольствием встретится с вами и сделает все возможное, чтобы вы могли выйти на след убийцы и покарать негодяя по всей строгости закона, — произнес Каташи, сплетая пальцы. — Но у Кенджи сегодня был долгий и трудный день, так что предлагаю отложить ваш разговор на завтра. Скажем, после полудня.

— Чтобы вы успели найти пару дюжин людей, которые по счастливой случайности

последние дни сопровождали господина Кенджи даже по нужде и готовы будут подтвердить свои слова любыми возможными клятвами? — хмыкнул Нобу. — Увы, не могу предоставить вам такой шанс.

— Пожалуй, я пропущу мимо ушей вашу жалкую попытку обвинить меня во лжи, господин Хо, но в следующий раз сочту это подстрекательством и, пожалуй, отправлю официальное письмо на имя его светлости, — Каташи откинулся на стул и скрестил руки на груди. — Но, боюсь, мы попали в безвыходную ситуацию. Я не собираюсь потакать вашим капризам, позволяя дергать моих людей посреди ночи, словно мелких воришек. Вы же в свою очередь отказываетесь идти мне навстречу... И как же нам найти компромисс?

— А может разрешим вопрос как до того решали споры наши предки? — вновь вспыхнул тот самый муж, явно не стремящийся уладить дело миром, и похлопал ладонью по рукояти меча. — Когда кончаются слова, говорить начинает сталь!

— Нападение на чиновника императорского магистрата карается смертью вне зависимости от титула и положения, — Нобу чуть побледнел, но не отступил; надо признать, держался он достойно, чего не скажешь о его сопровождении, которые, казалось, уже успели проклясть тот день, когда поступили на службу.

— А попытка очернить имя одного из участников Турнира сразу же после его перехода на следующий этап пахнет политикой, — фыркнул один из Змеев, до того хранивший гордое молчание. — Кто вас послал, Хо? Ублюдки из Дома Тигра?

— Я получаю жалованье только от казначейства императорского магистрата, — звенящим от возмущения голосом ответил тот. — И не намерен выслушивать поклеп в...

— Хватит, — прервал его Кенджи, поднимаясь со стула. — Я с удовольствием составлю вам компанию и отвечу на все интересующие вас вопросы прямо сейчас.

Все до единого взгляды в комнате устремились на него и, казалось, в каждом из них сквозит один единственный вопрос. Думается, его согласие изрядно удивило даже самого Хо, который, не закончив фразу, так и остался стоять с раскрытым ртом.

— Хочу предупредить, что ты совершенно не обязан этого делать, — произнес Каташи; судя по всему, он явно был недоволен решением Кенджи, но того, если честно, уже до жути успел утомить весь этот спор, который вполне мог продолжаться до рассвета. Тем более, если бы этот человек и впрямь имел на него какие-то весомые сведения, вряд ли бы он стал разыгрывать подобный спектакль. — Но это твоё право.

— Думаю, лучше воспользоваться задним входом, — сказал Кенджи, выйдя в коридор вместе с Нобу. — Сомнительно, что наши, — он и сам не заметил, как начал употреблять это слово в отношении других Змеев, — будут сильно рады увидеть, как меня уведут вооруженные люди.

— Городская стража не боится пьяных задир, — поджал губы Нобу, но, тем не менее, после краткого раздумья все же внемлил голосу разума и воспользовался его предложением, попросив проводить их проходящую мимо служанку.

Совсем скоро они уже ступали по улицам ночной столицы, где головокружительные ароматы пряностей из ближайшей лавки смешивались с вонью сточной канавы, а чей-то хмельной смех перебивался громкой руганью. Воистину, Каноку был городом контрастов. Широкие хорошо освещенные бульвары были украшены разноцветными лентами, бумажными фонарями и гирляндами; улицы эти просто полнились шумным людом, за чьим покоем неустанно бдели вооруженные патрули. Но стоило сделать лишь шаг в сторону — и ты уже попадал в совершенно другой мир, состоящий из замызганных грязных проулков, где

тесные хибары жались друг к другу так плотно, что, казалось, пытались вытеснить соседа из квартала. Обратная сторона Каноку была в нос резким смрадом помоев и испражнений; крыс здесь обитало едва ли не больше людей и размеры их могли испугать неподготовленного путника, случайно свернувшего не туда.

Магистрат находился в том же самом районе что и «Алмазная цапля», так что вскоре они уже приблизились к трехэтажному зданию, пристроенному к вытянутым казармам; и вот, преодолев три пролета, Кенджи и Нобу вошли в небольшую комнатку без окон, куда едва ли помещались стол, пара стульев, сундук, по совместительству выполняющий роль скамьи, да низенькая кровать. Судя по всему, императорский мэцукэ дневал и ночевал на службе в буквально смысле этого слова — и вряд ли то было его собственным капризом.

После того, как Нобу с нескольких попыток таки зажег масляную лампу, Кенджи получил возможность разглядеть его поближе. Выглядел едва ли старше Кенджи на пару-тройку лет, что удивительно; как правило, люди в подобном возрасте едва-едва поступали на государственную службу и могли довольствоваться разве что должностью помощника младшего писаря или гонца. Даже покойный Сато по его рассказам получил чин только преодолев третий десяток. Видимо, из-за подобных соображений Нобу отращивал квадратную бородку, дабы придать себе хот каплю солидности.

— Вина? — предложил он после того, как уселся за стол и жестом пригласил Кенджи занять место напротив.

— Если вы хотели со мной выпить, могли бы сделать это в купальне и сэкономить нам обоим время, — пожал плечами тот.

— Справедливо, — сказал Нобу. — Что ж, тогда перейдем сразу к делу. Чем раньше начнем, тем скорее закончим, как говаривает мой друг, когда жена в очередной раз тащит его в гости к своей матери, — Нобу натужно рассмеялся, но Кенджи не повел и бровью; если он думает вот так просто втереться к нему в доверие одной глупой шуткой, то глубоко ошибается. Так и не дождавшись ответа, мэцукэ кашлянул в кулак и пододвинул к себе исписанный чернилами лист. — Скажите, вам знакомо имя некого... Тсутому из провинции Ля-Вэй?

— Нет, — ни на миг не задумавшись ответил Кенджи.

— Вот как? Это довольно странно, — поднял брови Нобу. — Ведь он, годами не покидавший родные края, вдруг ни с того ни с сего сорвался с места, бросил свой трактир — позабыв даже запереть замок — и направился напрямиком в столицу, а проделав столь долгий путь первым же делом принялся искать именно вас.

В памяти Кенджи всплыл незнакомец, что передал ему монету... Так речь о нем, а не одном из синоби?

— Кажется, вы стали что-то припоминать, — прервал Нобу размышления Кенджи, видимо, заметив смятение на его лице.

— В тот самый вечер я видел его в первый и последний раз и перекинулся с ним едва ли парой слов. Он отдал мне золотой, сообщив, что его попросил сделать это некий незнакомец, пожелавший остаться неизвестным, а после отправился восвояси.

Кенджи не видел причины лгать, умолчав лишь о своих умозаключениях. Ему сразу же стало понятно, что монету ему передал Жнец. Скорее всего, он же потом и прикончил бедолагу — либо, что более вероятно, поручил убийство кому-либо из своих головорезов, дабы замести следы — но вряд ли эта информация поможет Нобу восстановить справедливость. К тому же, один куда более опытный мэцукэ уже пробовал отыскать

чернокнижника и закончилось это, увы, трагично. Какое-то время Нобу молчал, постукивая пальцами по столу; после же он спросил:

— И зачем же кому-то передавать вам монету? Это что, какой-то знак?

Кенджи в ответ лишь развел руками, при том ни капли не соврав.

— К тому же, целый золотой — весьма солидная сумма, — пробормотал Нобу, точно размышляя вслух. — В особенности для простого трудяги. Наверное, весь трактир Тсутому стоит меньше — вряд ли подобное захолустье вдали от торговых трактов пользуется спросом. Интересно, что мешало ему обмануть своего нанимателя и сбежать с деньгами...

— Страх. Видимо, Тсутому боялся того человека куда больше нищеты. И предвидя ваш следующий вопрос, — продолжил Кенджи, увидев, что Нобу уже открыл рот, — я не имею ни малейшего представления, кто мог дать Тсутому это поручение и зачем. Но знаю одно: найдете его — найдете убийцу.

На какое-то время в комнате повисла тишина, прерываемая лишь переключкой часовых — видимо, дело уже близилось к рассвету. Но вот наконец Нобу тяжело вздохнул, откинувшись на спинку стула и обеими руками пригладил торчащие «ежиком» короткие волосы:

— Не думаю, что вы врете, но... Явно говорите куда меньше, чем знаете.

— Если вы мне не верите, можете побеседовать с Шуноморо Ямо из Дома Плюща или Макото Такэга, с чьим отцом вы имели удовольствие познакомиться этой ночью. Они расскажут вам то же самое. Или же встретитесь с хозяином питейной, где нас нашел Тсутому — все трое мы покинули ее незадолго до полуночи и этому есть десятки свидетелей.

— Я уже имел честь говорить с харчевником, а также расспросил нескольких зевак — все они подтвердили ваши слова. Тело Тсутому нашли в подлеске неподалеку от города и, если верить оценке врачей, он был мертв еще до того, как вы ступили за порог таверны.

— Тогда к чему весь этот балаган? — с недоумением спросил Кенджи. — Вы могли вызвать меня в любой другой день, но вместо этого предпочли ворваться прямо на праздник с толпой вооруженных солдат. Ради чего, если вы и так знали, что я невиновен?

Нобу смолчал, однако Кенджи уже успел догадаться обо всем сам, тем более что взгляд мэцукэ говорил сам за себя. Действительно, разгадка лежала буквально на поверхности.

— Вашей целью был не я, а господин Такэга и прочие аристократы, — протянул Кенджи. — Этаким щелчок по носу богатырям, чтобы показать, что даже участник Турнира и член Великого Дома в случае чего не сможет избежать карающей длани власти. Верно?

— Ваше возмущение мне более чем понятно, но поймите и вы, — Нобу выглядел чуть смущенным, но не более; видимо, он был непререкаемо уверен в правильности своего поступка. — С началом Турнира Каноку, город и без того беспокойный, наводнили просто сотни скучающих бойцов, некоторых из которых, уж извините, отличить от бандитов можно разве что по дорогим нарядам и громким титулам. А вот людей у нас, увы, не прибавилось, и мы вынуждены поддерживать порядок чем придется.

— В том числе и публичной поркой? — спросил Кенджи.

— Именно, — ответил Нобу, с честью выдержав его взгляд. — Безусловно, среди вашей братии немало достойных людей, но с каждым днем отчетов, — он кивнул на грудку свитков в углу стола, — становится все больше. Пьяные дуэли прямо посреди жилой улицы, погромы, драки, порча чужого имущества — лишь малая часть того, что успело свалиться на наши головы за эти дни. Понимаю, что для человека вашего происхождения жизнь какого-то смерда стоит меньше пули, но...

— Моего происхождения? — хмыкнул Кенджи. — Я родился и вырос в небольшой

деревушке и стал помогать отцу и брату по хозяйству чуть ли не раньше, чем начал говорить. Свою мать я, к сожалению, почти не помню, так как она умерла вскоре после моего рождения, но сомневаюсь, что и в ее роду водился хоть один дворянин.

— О, — взгляд Нобу заметно потеплел, а в голосе послышалось что-то похожее на смущение. — Прощу прощения, я думал, что вы тоже... Не важно. Как бы то ни было, искренне надеюсь, что вы не затаите на меня обиды из-за моей выходки. Я просто не мог упустить подобную возможность.

— «Глупо злиться на хлынувший с неба дождь — лучше найти место, где можно просохнуть», — Кенджи вдруг припомнил присказку покойного Юмы.

— Узнаю слова господина Сато, — усмехнулся Нобу. — Мне казалось, у него найдется выраженьице под любой случай.

— Вы были знакомы? — полюбопытствовал Кенджи.

— О, да. Более того — это именно он замолвил за меня словечко в магистрате, когда моя только-только начавшаяся служба буквально висела на волоске. Я поймал за руку одного известного в Каноку чиновника, который был хозяином нескольких борделей, где чуть ли не в открытую торговали детьми, выкупленными у бедняков и крестьян. Как оказалось, вертепы те не гнушались посещать даже некоторые высокопоставленные сановники и аристократы из Великих Домов, что, конечно же, поспешили вмешаться в расследование, дабы прикрыть собственные шкуры. В лучшем случае меня ждало лишение титула — но о случае этом прознал Сато и донес сведения до его светлости. На следующее же утро негодяй был закован в кандалы в собственном доме, а на моем столе лежало благодарственное письмо, подписанное рукой самого императора. Жаль, что дружки того подонка избежали наказания... во всяком случае пока. Скажите, — он чуть замялся, — вы же были вместе с Юмой, когда он?..

— Да, — кивнул Кенджи и добавил. — Сато погиб как герой.

— Боюсь мои слова покажутся вам кощунством, но мне кажется, к этому он и стремился, — вздохнул Нобу и покачал головой. — Господин Сато ловил преступников, чьи имена вгоняли в трепет самых бесстрашных мэцукэ. Иной раз достаточно было одного слуха о том, что Сато взял след какого-нибудь особо распоясавшегося бандита, чтобы тот пустился в бега и покинул город. И, похоже, со временем Юме так наскучила погоня за простыми головорезами, что он решил бороться с настоящим Злом. Как я слышал, незадолго до своей кончины Сато выискивал любую информацию о некоем Братстве Рока и Пепельном Короле...

— Вы тоже считаете последнего лишь легендой? — сказал Кенджи, расслышав в его голосе грустную усмешку; словно бы он сообщил, что Юма пытался научиться парить в облаках подобно птице. — Господин Сато придерживался другого мнения.

— Послушай, — устало произнес Нобу, незаметно перейдя на «Ты». — Я знал Сато не так много, но успел у него многому научиться. Он был прекрасным человеком и обладал воистину звериным чутьем, но... Истинное зло куда более приземленно, и чтобы найти его не обязательно отправляться на верную гибель в поисках владыки демонов. Грабитель проламывает голову случайному прохожему не потому, что одержим злыми духами — он только хочет снять с бедолаги новенькие башмаки. Женщина продает свою малолетнюю дочь в бордель за мешок риса не из-за того, что ее околдовал магик — просто у нее дома еще четыре голодных рта, а муж спустил последние сбережения на карты или тыквенную настойку. Даже если Пепельный Король и существует, он где-то там, далеко, а насильники,

убийцы, воры и мошенники прямо здесь и сейчас разгуливают по моим улицам. У них нет клыков, они не умеют обращаться в зверя или колдовать — но от того не менее опасны, ибо ступают на эту тропу осознанно и по собственной воле.

Кенджи нечего было ответить на его слова — что отчасти были весьма справедливы — так что какое-то время они просидели молча, пока он наконец не нарушил молчание:

— Если у вас больше нет ко мне никаких вопросов...

— Да-да, разумеется, — встрепенулся Нобу, поднялся на ноги и протянул Кенджи руку. — Еще раз прошу простить меня за то, что вы ненароком попали мне под руку. Со своей стороны могу пообещать, что если вам когда-нибудь понадобится помощь — можете тревожить меня в любое время дня и ночи.

— Договорились.

Однако не успел Кенджи пожать ему ладонь, как дверь грохнула, чуть ли не вылетев с петель — и в кабинет ворвался невысокий толстенький человечек, чья макушка едва ли доходила до плеча Кенджи. Плюхнувшись на стул рядом с ним, он поставил на колени свою наплечную сумку и рявкнул:

— Не смей!..

— Прошу прощения? — удивленно спросил Нобу. — А вы вообще кто и каким образом прошли мимо...

— Не смей пытаться обвинить ни в чем не повинного человека! — повторил чужак, чей пухлый палец теперь смотрел прямо в лицо Нобу, застыв едва ли в ногте от его носа.

Тот перевел взгляд на Кенджи в немом вопросе, однако он и сам не понимал, какого беса тут сейчас происходит. Коротышка же тем временем продолжил, с каждым словом распаяясь все больше и больше, надувая щеки на зависть любому заправскому горнисту:

— Власть — самый ужасный дурман и она явно вскружила вам голову, раз вы думаете, что можете вот так запросто очернить честное имя моего партнера...

— Партнера? — в один голос переспросили Нобу и Кенджи.

— Да-да, именно, — кивнул тот, повернул голову к последнему и подмигнул: — Сол Йотоко к вашим услугам, — внимание его вновь устремилось на хлопающего глазами мэцукэ. — Пускай вы и работаете в магистрате, это не дает вам право раскидываться направо и налево чужими жизнями! Хотите бросить этого юношу в темницу? Хорошо, тогда можете приковать меня рядом с ним! Пытайте нас, морите голодом, травите псами — но в конечном итоге боги рассудят кто прав и заставят вас ответить за убиение двух невинных душ...

— Вообще-то, — успел произнести Нобу, покуда Сол набирал в грудь воздух, — мы с господином Кенджи как раз хотели распрощаться. Он свободен и волен идти на все четыре стороны.

— О, — Сол проглотил так и не выпущенную наружу тираду и поскреб затылок. — Что ж, рад знать, что мои старания не прошли даром. Пройдемте, Кенджи — это место воняет чужой болью и страданиями. Не прощаюсь!

На улице уже светало и первые лучи солнца окрашивали темный мир разноцветными красками. Стоявший рядом с Кенджи Сол с виду напоминал не то тряпичника, не то бродячего коробейника: костюм его, быть может, когда-то и считался последним писком моды — но задолго до того, как был изъеден молью и заштопан десятками заплат разных форм и размеров; зачесанные налево волосы он явно обильно смазывал маслом — судя по едкому запаху, самым дешевым — а длинные узкие штиблеты явно прослужили хозяину не

одну тысячу шагов.

— Послушайте, господин Йотоко...

— Бросьте — для вас просто Сол! — заулыбался тот, схватил ладонь Кенджи двумя руками и затряс ее с такой силой, что тот с трудом смог высвободиться. — Прошу прощения за задержку — я спешил как мог, но встретил по дороге одного знакомого. На редкость прилипчивый тип, еле смог от него удрать... то есть распрощаться.

— Вас послал Каташи? — спросил Кенджи.

— О, нет, господин Такэга тут не причем. Так уж вышло, что я воочию наблюдал в окно как вас уводит городская стража и понял, что нужно действовать как можно быстрее, покуда на шее вашей не затянулась петля закона, если вы понимаете, о чем я.

— Вы что, следили за мной? — хмыкнул Кенджи.

— Следил? Ну что вы! — фыркнул Сол и махнул рукой. — Разве я похож на шпиона? Дружеский присмотр, не более. К слову, в честь зарождения нашего крепкого и, не побоюсь этого слова, судьбоносного сотрудничества, сегодняшняя моя помощь обойдется вам в сущие гроши.

Он многозначительно кашлянул и с улыбкой протянул Кенджи ладонь — однако тот лишь обернулся и направился в сторону поместья Змея. Если честно, вокруг него в последнее время и без того происходило столько странных вещей, что ему ни капли не хотелось иметь дело с еще одним сумасшедшим — однако тот и не думал отставать, пускай и еле-еле поспевая за его шагом:

— Надеюсь, вы не обиделись на простую шутку? — пропыхтел Сол, попытавшись ухватить Кенджи за локоть. — Разумеется, что я вызволил вас из цепких лап властей задаром — только из-за обостренного чувства справедливости.

— Еще раз до меня дотронешься — сильно пожалеешь, — буркнул Кенджи, даже не оглянувшись.

— Какой напор! — восхищенно воскликнул Сол, прижимая сумку к груди; казалось, он ничуть не обиделся и не испугался угрозы. — Какая мощь! Воистину шепчут на улицах — господин Кенджи может словом обрушить камень! Только представьте, что будет, если мы будем действовать вместе — с вашей силой и моими мозгами мы заставим говорить о нас целый мир!

— Никаких «Вместе» и «Нас» не будет, — отрезал Кенджи. — Я благодарю тебя за заботу, но твоя помощь мне не нужна.

— Ошибаетесь! Молю — дайте мне несколько мгновений, а уже потом принимайте решение, иначе вы можете допустить самую большую ошибку в своей жизни. Сами посудите — ну что вы теряете?

Кенджи остановился и тяжело вздохнул; похоже, каким-либо другим способом от компании этого странного господина ему не избавиться. Семенивший за ним Сол стал рядышком, с трудом переводя дыхание; следом он достал из кармана голубкой платок — который, наверное, стоил дороже чем весь его наряд — утер пот с покрасневшегося лица и произнес:

— Вы — выходец из Великого Дома, а с недавних пор вдобавок участник Турнира. И между нами — один из главных его фаворитов, — он хитро подмигнул. — Однако в отличие от многих аристократов у вас нет ни слуг, ни большой семьи — только не спрашивайте, откуда я это знаю — так что все вопросы вы вынуждены решать лично. Не успеете вы и оглянуться, как вас просто завалят приглашениями на пиры и свадьбы, просьбами, деловыми

приглашениями и даже угрозами — и вот тут на сцену ступаю я, ваш покорный слуга. Дайте мне шанс — и я, взвалив на себя ярмо вашего личного помощника, избавлю вас от назойливой рутины, позволив наслаждаться жизнью и не забивать голову всякими глупостями. А взамен попрошу каких-нибудь жалких... Пятнадцать процентов.

— Нет, — сказал Кенджи и зашагал дальше.

— Десять!

— Нет.

— Восемь!

— Нет!

— Пять! Уверю, услуги мои окупят себя втрое! Ведь я владею счетом, письмом, риторикой, знаю город как содержимое своих карманов и...

— Хорошо, — сдался Кенджи. — Я подумаю. Идет?

— Конечно! — Сол засиял как начищенный пятак. — Клянусь — вы не пожалеете! Каждый день с заката до рассвета вы можете найти меня в «Трилистнике» — это таверна неподалеку от портовых трущоб, рядышком со складами. Просто скажите хозяйке, что ищите умнейшего человека во всем Каноку — она поймет. До встречи!

Распрощавшись с Солом, что еще долго махал ему вслед, прижимая к груди сумку, Кенджи продолжил путь. Он как раз проходил мимо небольшого рынка, где зевающие торговцы раскладывали на прилавки товары, лениво переругиваясь меж собой, когда вдруг увидал знакомое лицо и замер на месте, не поверив собственным глазам. Ведь подле лотка с рыбой стоял тот самый трактирщик — Тсотуму из Ля-Вэй — который как ни в чем не бывало таращился по сторонам и выглядел вполне себе целым и живехоньким.

Кенджи поначалу было решил, что образ несчастного трактирщика ему попросту померещился, но подойдя поближе, убедился, что глаза ему не врут — всего в каких-то паре дюжин шагов от него стоял человек, который вроде как официально считался мертвым. Нобу не был похож на лжеца и вряд ли ему вообще имело смысл обманывать Кенджи, но и он мог заблуждаться — быть может, за Тсотуму приняли какого-нибудь другого бедолагу, а сам он в это время разгуливал себе по столице, даже не зная, что его успели похоронить.

— Эй! — крикнул Кенджи, обходя торговые ряды. — Тсотуму!

Тот же будто оглох и даже не оглянулся, продолжая бесцельно пялиться на суетящихся вокруг людей. На самом деле, вид его оставлял желать лучшего: несмотря на прохладную погоду на ногах его не было даже захудалых башмаков, куртку точно пожевала стая диких собак, а штаны покрывала толстая корка грязи. Кенджи обратился к лже-мертвецу еще несколько раз, но лишь когда он подошел к Тсотуму вплотную и хлопнул его по плечу, тот наконец все-таки соизволил обратить на него внимание.

— Ты знаешь, что тебя считают погибшим? — сказал Кенджи.

— По... гибшим? — переспросил тот; говорил он довольно странно, замедленно и чуть ли не по слогам, точно только-только пробудился после глубокого сна и еще не пришел в себя.

— Именно. А меня, между прочим, подозревали в твоём убийстве, — произнес Кенджи, и, заметив недоумение на лице Тсотуму, добавил: — Ты же меня помнишь? Я — Кенджи из Тихого Потока, которому ты должен был передать ту монету.

— Моне... ту, — кивнул Тсотуму.

— Ну хоть это ты запомнил. Ладно, нужно познакомить тебя с человеком, который с ног сбивается, расследуя твою смерть. Идем.

— Идем.

Кенджи направился обратно в магистрат, но, не услышав позади себя шагов, оглянулся и увидел, что Тсотуму и с места не сдвинулся — вместо этого он с интересом глядел вслед проезжающей мимо телеге, доверху груженной клетками с кудахчущими курицами. Боги всемогущие, да что это с ним такое? Кенджи бы решил, что трактирщик вдребезги пьян — но пойлом от него не пахло, к тому же слова проговаривал он вполне внятно, пускай и не сразу. А что, если кто-то хорошенько приложил ему по голове чем-нибудь тяжелым? Вот ему и отшибло память, да и выглядел он так, словно прошедшую ночь провел в ближайшей сточной канаве. Кенджи вернулся к Тсотуму и сказал:

— Слушай, — он пытался представить, что пытается уговорить слушаться неразумное дитя, — ты должен пойти со мной. Я отведу тебя к человеку, который поможет тебе вернуться домой. Хорошо?

— Хорошо, — ответил Тсотуму, развернулся и быстрым шагом направился в противоположную от магистрата сторону.

Некоторое время Кенджи просто смотрел ему вслед — а после пустился вдогонку. Если Тсотуму и впрямь кто-то избил, то, видимо, помимо потери памяти это никак на него не повлияло, так как двигался он на удивление быстро и Кенджи еле-еле смог нагнать его в начале узкого проулка, куда тот собирался прошмыгнуть.

— Стой!..

Тсотуму ничего не ответил — только быстро оглянулся, издал странный звук, напоминавший шипение змеи, и оскалил редкие желтые зубы. Кенджи схватил трактирщика за рукав, тот вмиг развернулся, и... Кенджи поначалу подумал, что в грудь ему прилетело бревно, так как удар Тсотуму отбросил его назад на несколько шагов, лишь каким-то чудом не сломав грудную клетку. Бросив последний взгляд на Кенджи, кое-как поднимающегося на ноги, Тсотуму скрылся за углом — тот же незамедлительно бросился в погоню.

Кенджи очень сильно сомневался, что обычный селянин вдруг открыл у себя невероятную силу и скорость — Кенджи даже не успел увидеть, как тот замахнулся. Скорее, некто — или точнее сказать нечто — действительно убило несчастного Тсотуму и приняло его облик; какой-то демон или чудовище. Кенджи никогда не слышал о существах, обладающих подобной силой — но это не означало, что их не существует; тем более, в последнее время многие вещи, кажущиеся легендами, воплощались в быль. Или же Жнец околдовал бедолагу и подчинил своей воле — не исключено, что с помощью той самой монеты. И Кенджи лишь порадовался, что не прикасался к ней руками. Кто знает, быть может сейчас бы и он разгуливал по Каноку в полном беспамятстве; и хорошо если не творил бы куда более ужасные вещи.

Как бы то ни было, Кенджи был полон решимости разгадать эту тайну здесь и сейчас, так что он не отставал от Тсотуму, который ловко петлял по подворотням, точно в них вырос. Погоня длилась недолго и в конце концов Кенджи удалось загнать Тсотуму в длинный узкий переулок, заканчивающийся тупиком. Оглядевшись по сторонам, тот обернулся к Кенджи и тихо зарычал.

— Да что ты такое?.. — произнес он, кладя ладонь на рукоять меча.

Правда, ответа он так и не услышал. Хлопнули ставни — и из окна ближайшего дома на землю хлынул поток помоев, а следом оттуда же понеслась отборная брань, адресованная «негодяем, что шастают и спать не дают честным людям». На какое-то мгновение Тсотуму замер, словно бы размышляя, что ему предпринять — а после с ловкостью кошки вскарабкался по почти отвесной стене, уцепился за карниз и исчез где-то на крыше.

Кенджи же пришлось покинуть улочку несолоно хлебавши, слушая ругань не выпавшегося горожанина и размышляя о случившемся. Вернувшись на площадь, он было направился в сторону магистрата, но через несколько мгновений передумал. Да и что он скажет Нобу? Что почивший трактирщик внезапно ожил, чуть не сломал ему ребра, а потом удрал от него как заправский синоби? Кенджи и сам понимал, что звучит все это как отборный бред.

Поэтому покинув рынок он пошел в противоположный конец города и вскоре уже переступил порог своего дома. Дома... Странно, что лишившись места, где он родился и вырос, он так быстро смог свыкнуться с потерей и ныне считал своим домом просторную комнату в поместье, занятым Змеями; и это при том, что обосновались они здесь лишь на время Турнира.

Впрочем, размышлять об этом ему особо было некогда, ведь не успел он хоть малость передохнуть, как его вызвал к себе Каташи. Кенджи добросовестно и практически дословно несколько раз пересказал ему весь разговор с Нобу, утаив разве что истинную причину визита мэцукэ, встречу с Йотоко и инцидент с Тсотуму. В случае с первым он не видел особой нужды подставлять Хо под гнев Такэга — думается, ничего кроме лишних проблем это бы не принесло обеим сторонам; к тому же Нобу действительно руководствовался самыми лучшими побуждениями, пускай и методы его вряд ли можно было назвать

кристально честными. Да и хороший знакомый в императорском магистрате будет куда полезнее лишнего врага — расправиться бы со старыми... Ну а о том престранном чуде Кенджи и вовсе решил позабыть как о страшном сне, как и о трактирщике. Но почему-то Кенджи был уверен, что последнего он еще увидит.

Последующие пару дней прошли без каких-либо происшествий. При всех прочих произошедшее с трактирщиком все же сыграло Кенджи на руку. Слухи о таинственной кончине Тсотуму разлетелись по городу быстрее встревоженных пчел и ныне Кенджи мог свободно разгуливать по Каноку без сопровождения дюжины зевак — никому не хотелось попасть ему случайно под руку и даже случайный прохожий, узнавший его, лишь побыстрее отводил взгляд и шагал себе дальше. Кенджи же напротив тщательно вглядывался в каждого прохожего, надеясь еще раз увидеть трактирщика — но, увы, безрезультатно.

Практически все свободное время Кенджи посвящал тренировкам, оттачивая навыки как физические, так и духовные. При этом он старался не использовать слишком много Воли, опасаясь, что в нужный момент это может сыграть с ним дурную шутку — к примеру, если убийцы из Сотни Проклятых или сподручные Жнеца все-таки решатся нанести новый удар. Поначалу успехи его были довольно скромны, но в конце концов Кенджи научился стабильно создавать двух своих двойников — попытаться вновь воплотить в жизнь дракона или какую-либо другую тварь он пока не рискнул — и даже несколько раз смог одновременно управлять ими и орудовать оружием самостоятельно. Последнее стало уже куда более тяжелой задачей и неизвестно, хватит ли у него концентрации проверить подобный трюк в реальном бою — но проверить это можно было лишь на практике.

Эх, как же в подобные моменты Кенджи не доставало советов Рю, ведь многие тонкости он постигал только путем сотни проб и ошибок и под присмотром старика наверняка достиг бы куда большего за то же самое время. Однако старик все не давал о себе знать и на третий день Кенджи уже было всерьез забеспокоился, не настигли ли того бывшие «друзья», как уличный чистильщик обуви, мимо которого он проходил, ухватил его за рукав и шепотом назвал место встречи — большой фонтан возле торговой площади сразу после полудня. Кенджи незамедлительно сходил за Макото, сунул в сумку Ловушку Сеноби — и уже совсем скоро они скучали возле мраморного дельфина, из спины которого била тонкая струя.

— Ты точно уверен, что это был тот самый доходяга? — хмыкнул Макото, когда Кенджи все же решился рассказать ему о встрече с Тсотуму.

Тот в ответ лишь кивнул.

— Ну дела, — Макото оглянулся через плечо и отправил в мутную воду длинный плевок. — Что мне теперь — от каждого смерда шараться прикажешь?

— Не думаю, что он ведет на кого-либо из нас охоту, — сказал Кенджи. — Во всяком случае, от меня он улепетывал, сверкая пятками.

— Ладно, разберемся. А старикан, как я гляжу, не слишком-то и торопится, — зевнул Макото и с хрустом потянулся. — Надеюсь, он не заставит нас околачиваться тут до вечера.

— Ты все же вернул свои пистолеты? — Кенджи кивнул на выбившуюся из-под его плаща перевязь.

— Угу, — буркнул Макото и поморщился. — Знал бы, чего мне это будет стоить, плюнул бы и забыл... Как оказалось, их нашел в той развалюхе один из стражников, прибывших на переполох, припрятал, а потом притащил моему отцу. Уж не знаю, сколько ему пришлось ссыпать монет городовому, но судя по головнойке, что меня ждала после — целое состояние. Хорошо еще мой братец слишком занят Турниром, иначе бы не преминул

присоединиться к потехе.

— Рисовые лепешки! Свежие рисовые лепешки! Холодные, горячие, семь медяков — в меду, три — без! — проголосил ставший от них неподалеку разносчик еды и Кенджи не сдержал усмешку, узнав под большой шляпой с обвисшими полями знакомый хитрый прищур.

— Катись ко всем демонам, — буркнул Макото, когда тележка крикуна чуть не наехала ему на ногу.

— Это Рю, — шепнул ему на ухо Кенджи.

— И вправду, — присвистнул тот, приглядевшись. — Тогда прошу прощения перед демонами, они такую компанию явно не заслужили.

Как ни странно, Рю пропустил очередную подколку мимо ушей и вместо этого наскоро обрисовал им план — он пойдет первым, указывая путь, они же вдвоем отправятся следом, но на расстоянии, чтобы не привлекать излишнего внимания. Звучало несложно, но на деле вышло довольно утомительно, так как Рю то и дело останавливался, чтобы продать очередному горожанину угощение, а то не стеснялся и торговаться. Знакомый Рю жил едва ли в пяти кварталах от площади, но дорога эта заняла у них едва ли не несколько часов.

Но вот наконец Рю, остановившись у какой-то лавки, воровато оглянулся, вкатил уже почти опустевшую тележку в ближайший проулок и шмыгнул внутрь. Кенджи с Макото последовали его примеру и, признаться, не успели они переступить порог, как у них просто разбежались глаза. Как оказалось, знакомый Рю трудился часовщиком и творения его находились повсюду: на широких полках, висящих вдоль стен, прилавках, вытянутых столах и чуть ли не на полу. Некоторые поделки были весьма просты и незамысловаты, но отдельные экземпляры являли собой настоящее произведение искусства — в особенности Кенджи поразили часы в форме замка, выполненного столь подробно и умело, что можно было разглядеть даже крохотных часовых, выглядывающих из бойниц на башнях.

Естественно, что все это добро непрестанно тикало, стучало и жужжало, так что покуда они не нашли лавочника, Кенджи даже слегка оглох. Хозяин — верзила с обвисшим брюхом, почти лежавшим у него на коленях и переломанными ушами — не обратил на них ни малейшего внимания, продолжая с шумом хлебать суп из огромного горшка, прямо руками выжывая кусочки мяса. Снизолел он до посетителей лишь после того, как Рю несколько раз похлопал его по плечу:

— Чего надо? — окинув всех троих быстрым взглядом рыкнул бугай, не отрываясь от трапезы; видимо, они не попали под его определение богатых покупателей, а значит и церемониться с их троицей нужны он не видел.

— Я ищу владельца этого чудного места. Не подскажешь, как его найти? — спросил Рю.

— Он перед тобой, — буркнул здоровяк. — Чего надо?

— Нет, ты не понял. Я ищу настоящего хозяина, а не того, кто им притворяется. Насколько я знаю, место это принадлежит человеку по прозвищу Червь. Где он?

Бугай выронил ложку и закашлялся — но уже через миг взял себя в руки.

— Ты, дед, видать, дверью ошибся, — насупился он, окидывая стоящего перед ним Рю тяжелым взглядом. — Хочешь червей — нырни в ближайшую выгребную яму и набери себе хоть полные карманы. Если брать что-то будешь — бери, нет — катись отсюда, пока цел.

— Просто передай Червю, что его ищет...

— Ты глухой али как?! — рявкнул верзила, чьи желваки заиграли под кожей. — Проваливай отсюда по-хорошему, иначе придется с тобой по-другому поговорить. Кыш!

Кенджи, наблюдая за этой картиной и прекрасно понимая, что терпение Рю не вечно, даже слегка посочувствовал толстяку. Но лишь слегка — грубияны никогда не вызывали у него теплых чувств.

— Так, дружок, — почти ласково сказал Рю, — или ты сейчас поднимаешь со стула свой жирный зад и ведешь нас к Червю, или же очень сильно пожалеешь о своих словах.

Загрибок здоровяк побагровел, а на лбу затрепетала голубая жилка. Грузно поднявшись со стула, он вытер руки о штаны и попытался было ухватить Рю за ворот — но уже через миг стоял на коленях, шипя от боли, покуда старик сжимал в кулаке три его пальца. Бугай оказался на свободе лишь после того, как отвел их в заднюю комнату и отпер крепкую дверь, скрытую за висящим на стене ковром. Спуск по длинной узкой лестнице — и вот они уже очутились в просторном прохладном зале, в котором витал едкий запах трав и каких-то химикатов.

Обстановка вокруг напомнила Кенджи лабораторию в замке, где скрывались Черепа. Всюду, куда ни кинь взгляд стояли какие-то колбочки, книги и алхимические инструменты, от простых ступ до невероятно сложных и громоздких конструкций, о чьем назначении можно было лишь догадываться. На одном из столов Кенджи заметил череп, что, судя по форме, при жизни принадлежал ему, а рядом с ним находилась большая запечатанная банка с мутной желтой жидкостью, в которой плавало существо, напоминающее помесь паука и скорпиона. Тут позади них раздалось тихое шарканье, а после кто-то негромко произнес:

— Неужто слухи действительно не врал и Рю из Сотни Проклятых жив-живехонек, а не гниет в земле неподалеку от Масавы?

Оглянувшись, Кенджи увидел невысокого человека в длинной черной мантии и каким-то тюком на спине, опирающегося на трость. Он скинул глубокий капюшон, зажег лампу, что держал в руках, и Кенджи невольно вздрогнул, так как незнакомец полностью оправдывал свое прозвище: к земле его придавливал большой горб — который Кенджи поначалу и принял за куль — расположившийся над левой лопаткой, в результате чего одно его плечо было заметно ниже второго. Крупный нос Червя был свернут набок, густые брови над глазами почти срослись воедино, а во рту торчали крупные кривые зубы. На лице Макото застыла брезгливость, смешанная с отвращением и лишь ни капли не смутившийся Рю шагнул к Червю, заключил его в крепкие объятия и рассмеялся:

— Я тоже рад видеть тебя в добром здравии, заумный ты недомерок.

— Насчет здравия ты, конечно, загнул, — ответил тот, кинул взгляд на Макото и покачал головой. — Как я понимаю, ты не счел нужным предупредить своих друзей насчет, скажем так, моего не слишком располагающего внешнего вида?

— Эти двое тоже рожами не вышли, — хмыкнул Рю. — Так ладно бы хоть вполовину твоих мозгов имели.

— Ладно, продолжим разговор в более уютном месте. Но молю: ничего не трогайте и если вдруг услышите громкий свист — падайте на пол и молитесь всем богам, которых вспомните.

Макото тут же положил обратно на место какую-то коробочку, что до того вертел в руках и смущенно откашлялся. Червь же, постукивая палочкой, повел их в дальний конец лаборатории.

— Так значит часы, да? — нарушил молчание Рю, не успели они дойти и до середины зала.

— Что-то не так? — сказал Червь, оглянувшись через плечо.

— Да нет, ничего. Просто, помнится, ты... м-м-м... предпочитал создавать механизмы несколько другого рода. Многие из которых, впрочем, тоже отмеривали людям время, если ты понимаешь, о чем я.

— У меня широкий круг интересов, — усмехнулся Червь. — К тому же мне всегда нравилось ковыряться со всякой мелочью, так что, когда подвернулась возможность стать совладельцем этой лавки, я не стал долго думать. Я собираю механизмы, господин Вон их продает, горожане получают возможность не опоздать на ужин или встречу — все довольны.

— Что-то твой партнер не очень дружелюбен, — заметил Кенджи.

— Сегодня у нас работает племянник Вона. Не шибко сообразительный парень, но исполнительный и не вороватый. Но твоя правда — иногда он действительно бывает несколько груб, особенно если вдруг посчитает, что у покупателя за душой и медяка нет. К слову, — Червь остановился и с подозрением взглянул на Рю, — надеюсь ты не...

— О, не беспокойся, — ответил тот. — У нас возникли небольшие недопонимания, но твой держиморда цел и здоров. Разве что в ближайшие пару дней могут наблюдаться небольшие проблемы с самолюбием.

— Ему полезно. А ты заметно подобрел с тех пор, когда я видел тебя в последний раз, — палочка Червя вновь застучала по полу, Макото же издал какой-то невразумительный звук. — Подозреваю, что случись это раньше и мне бы пришлось искать нового работника. Во всяком случае на время пока у бедолаги не срастется сломанная кость. Что ж, добро пожаловать в мой дом.

Небольшая комната резко контрастировала с основным залом — в лучшую сторону. Под ногами стелился мягкий ковер, на стенах висели довольно неплохие картины — судя по мольберту в углу, сверху донизу покрытым разноцветными красками, нарисованные самим хозяином — а приятный запах благовоний, идущий от нескольких горящих свечей, по сравнению с вонью химикатов казался божьим благословением. Хозяин предложил своим гостям низкие кресла и не успели они рассестись, как из-под аккуратно застеленной кровати вылез пушистый кот. Потянувшись, он тщательно обнюхал каждого из чужаков и, видимо, сделав свой выбор, прыгнул на колени Кенджи.

— Всегда любил всякую живность, — будто бы оправдываясь произнес Червь, суеотящийся вокруг; двигался он на удивление ловко для своих дефектов и уже вскоре на столе стояло четыре кубка и хрустальный графин, наполненный янтарной жидкостью. — Иной раз они были мне даже ближе родных братьев, хоть это и может звучать довольно странно. За добро кошки, в отличие от людей, всегда платят тем же, даже если ты выглядишь как...

Он цокнул языком и сделал большой глоток.

— Слушай, ты извини, если что, — сказал Макото, потянувшись к стакану. — Ну, я сначала действительно немного опешил... то есть... сам понимаешь.

— Понимаю, — усмехнулся Червь. — Пустяки, не бери в голову. Я видел и куда более бурную реакцию, так что я бы скорее удивился, если бы вы и бровью не повели. К тому же вы не закричали от ужаса и не стали тыкать в меня пальцами, чем уже показали себя куда воспитаннее многих.

— Если не секрет — откуда столь странное имя? — спросил Кенджи, поглаживая за ухом довольно урчащего кота.

— А ты как думаешь? — хмыкнул Червь. — Уж не помню, кто впервые нарек меня этим прозвищем, но прилипло оно прочно. Конечно, поначалу мне, еще мальчишке, было до слез

обидно, однако вскоре я понял, что чем больше злюсь, тем сильнее меня дразнят, поэтому сменил тактику и стал носить эту кличку напоказ, словно бросая вызов. Не скажу, что это избавило меня от издевок, но жить стало куда легче. Однако подозреваю, что вы искали со мной встречи явно не для того, чтобы выслушать историю моей жизни.

И то верно. Кенджи подробно рассказал Червью обо всем, что связано со Жнецом и сферами. Не забыл он упомянуть также о монете, которую ему передал Тсотуму и неожиданной встрече с самим якобы почившим трактирщиком. Червь, казалось, искренне заинтересовался всей этой историей. Слушал он очень внимательно, не перебивая, и лишь пару раз попросил Кенджи повторить сказанное.

— Очень... занимательно, — задумчиво произнес Червь и потер нос, когда тот наконец закончил. — И я бы даже сказал — просто невероятно. Если бы вдруг мне поведал о подобном кто-нибудь другой, я бы счел, что меня пытаются попросту разыграть.

— Увы, но все мною сказанное — чистая правда, — сказал Кенджи; а вот кота, похоже, не слишком впечатлил его рассказ, так как он широко зевнул, спрыгнул с его колен и направился в сторону кровати. — У меня не так много денег, но, если нужно — я раздобуду любую сумму. Только назови цену за свои услуги.

— Об этом и думать забудь — Рю столько раз спасал мою жалкую шкуру, что я с вас даже монетку постыжусь брать, — произнес Червь и поднялся на ноги, опираясь на трость. — Ждите здесь, я скоро вернусь.

— Интересные у тебя приятели, — тихо произнес Макото, когда тот скрылся за дверью.

— Самые занятные, увы, уже на том свете, — ответил Рю. — Например, знал я одного человека, который предпочитал спать на кровати, утыканной острыми иглами. И что самое интересное — вставал он наутро без единой царапинки.

— Он был монахом? — полюбопытствовал Кенджи, отхлебывая вино.

— Нет, сумасшедшим. Правда, в конце концов его самоуверенность в собственной неуязвимости сыграла с ним злую шутку. Как оказалось, против меча его дар не работал. И называл он его таким чудным словом... как же его, ловкий Каге...

В этот момент к ним вернулся Червь, осторожно неся с собой большую банку, наполненную водой. Поставив ее в центр стола, он откашлялся и начал:

— Итак, просто представьте, что в нашей вселенной могут существовать бесчисленное число миров, тысячелетиями плывущих в омуте мироздания. Количество их не поддается представлению и когда гаснет один из них — рождаются двое новых. Допустим, это — наше с вами родное пространство.

Достав из кармана куриное яйцо, он осторожно погрузил его в жидкость.

— А вот это — уже незнакомый нам мир, который, быть может, живет по совершенно другим законам, — рядом с первым яйцо плавало второе, а следом к ним присоединилось и третье. — Похож ли он на наш или нет? Безжизненен или населен диковинными созданиями, чей облик с трудом получится хотя бы представить? Разумны ли они или подобны диким зверям? Увы, ответы на все эти вопросы мы вряд ли когда-то узнаем. Надеюсь, аналогия вам понятна? — Червь обвел взглядом их троицу и, видимо сочтя дружное молчание за согласие, продолжил: — И вот мириады миров непрерывно бегут, плывут, парят — называйте их движение как угодно — в этом вареве первозданного хаоса. Но что если какие-то из них вдруг случайно столкнутся?

Достав из-за пазухи деревянную палочку, он погрузил ее в воду и осторожно подтолкнул одно яйцо к другому; легонько стукнувшись скорлупками, они отплыли к разным стенкам,

где и замерли.

— Возможно это вызовет масштабный катаклизм, в ходе которого оба мира погибнут вместе со всеми их обитателями. А быть может наоборот — столкновение пройдет без последствий, и никто его даже не почувствует. Однако — повторяюсь, это лишь теория, подкрепленная всего-навсего моими размышлениями — толчок вызовет удивительную реакцию и в результате некая часть одного измерения сумеет преодолеть барьер и остаться в другом.

Он умолк, а в комнате тем временем воцарилась тишина, которую нарушало лишь громкое урчание трущегося о шерстяное одеяло кота.

— Как обычно — заумно, запутанно и ни беса не понятно, — хмыкнул Рю. — Объясни мне, старому дураку, а то у меня похоже с годами мозги ссохлись — какое отношение все вот это, — он окинул рукой банку с плавающими яйцами, — имеет к сути дела?

— Возможно, Червь хочет сказать, — медленно произнес Кенджи и поднял на того взгляд, — что когда-то наш мир по тем или иным причинам соприкоснулся с другим, откуда и прибыли эти сферы?

— Верно, но я предполагаю, а не доказываю, — поправил тот. — Мой пример несколько грубоват и в реальности все происходило совсем по-иному — если моя гипотеза вообще верна, разумеется — но порядок событий не смогли бы воссоздать даже их очевидцы, если таковые были. В пользу моей версии могу привести такие явления как места силы — никто до сих пор так толком и не знает, почему в той или иной точке стихия просто бурлит, тогда как совсем рядом ведет себя как обычно. На мой сугубо дилетантский взгляд этому-то как раз и способствуют оставленные некогда прорехи в мироздании. Ведь как известно наиболее ценные и опасные кристаллы мощи находят именно там, тогда как самые умелые алхимики и чародеи лишь недавно научились создавать в своих мастерских их жалкое подобие.

— Яйцо — это мир, — протянул Макото; брови его были нахмурены, а лицо выражало предельную сосредоточенность, — но что тогда жидкость, в которой он плавает?

— Хороший вопрос, — похвалил его Червь. — Смотрите: нам известно пять школ, каждая из которых олицетворяет одну из стихий — опуская разложение, так как оно совершенно другая история. Земля, воздух, огонь, вода, тьма — но если происхождение первых четырех не требует особых разъяснений, то вокруг последней до сих пор разгораются яростные споры. Я бы предположил, что тьма как раз таки поступает откуда-то извне, а не принадлежит к нашему миру изначально. Именно поэтому ею владеют немногие избранные. В общем, — поспешно добавил он, заметив, что Макото открыл рот для нового вопроса, — управляя тьмой, ты берешь под контроль то чудное варево, в котором пребывают вселенные. Как-то так.

— Кристалл мощи — простой артефакт. Оружие без воли и разума, — сказал Кенджи. — Но как твоя теория объяснит голос, время от времени звучащий в моей голове? И те видения? Будто бы сущность в сфере была живой и имела свои воспоминания... во всяком случае когда-то.

— А вот здесь я вынужден признать поражение, — вздохнул Червь. — Не припомню даже упоминаний о том, что кому-либо из живущих удавалось создать филактерий — сосуд для хранения души. Те же, кто утверждали обратное, оказывались либо шарлатанами, либо полоумными. Что-то касаясь монеты мне тоже трудно сказать — возможно на ней и впрямь наложено сильное проклятие, заставившее того несчастного сойти с ума, но, чтобы сделать

хоть какие-то выводы, я должен тщательно осмотреть золотой, а на это уйдет время.

— Хорошо, — вздохнул Макото и откинулся на спинку, скрестив руки на груди. — Допустим, теперь мы все знаем, что сфера — это некий артефакт, прибывший из другого мира. Возможно. Но как это нам вообще поможет?

— Пока что никак, — сказал Червь. — Но когда вы добудете эту сферу и принесете ее мне — я попробую выяснить ее природу.

— Если бы мы еще знали, где ее искать, — хмыкнул Кенджи.

— А вот здесь у меня для вас хорошие новости, — глаза Червя хитро блеснули; после он достал из-за пазухи свернутый в трубку свиток, расстелил его на столе и придавил бокалом. — У меня в руках — опись наиболее ценных экземпляров, хранящихся в императорской сокровищнице. Лет пятнадцать назад представители Дома Волка в одном из своих походов в Пустоши случайно наткнулись на подземную усыпальницу, где в запечатанном саркофаге хранилось нечто, по описанию походившее на то, что вы ищете. Видимо, не найдя находке применения, они преподнесли ее в подарок господину Симада, который как раз праздновал покорение новой ступени сына...

— ... а значит, сфера должна храниться где-то в императорском дворце, — закончил за него Кенджи.

Он обменялся взглядами с Рю, которому, похоже, в голову пришла та же мысль что и ему. На какое-то время в комнате повисла тишина, которую прервал голос Макото, звучавший почти умоляюще:

— Я надеюсь, вы не хотите сказать, что мы собираемся ограбить самого императора?

На самом деле не сказать, чтобы и самому Кенджи так сильно нравилась эта затея — однако выбора у них все равно не было. Вряд ли у них получится вот так запросто заявиться на аудиенцию к императору и вежливо попросить отдать им таинственный магический артефакт из его сокровищницы; если, конечно, господин Симада еще не успел избавиться от сферы, что вполне вероятно. Так что забирать ее придется самим — и либо они сделают это первыми, либо она рано или поздно рискует оказаться в руках Жнеца. Кенджи не сомневался, что тот в конце концов сумеет найти способ пробраться даже в святая святых Каноку; неизвестно, не успел ли он уже завербовать кого-нибудь из слуг или даже придворных — поэтому действовать нужно было быстро.

Видимо, фортуна все же им благоволила, так как буквально со дня на день в императорском дворце должен был состояться праздничный пир, посвященный Турниру и его участникам, на который, разумеется, Кенджи и Макото уже получили приглашения. Рю предложил было воплотить их дерзкий план в тот же вечер, но Червь выступил решительно против. «Лезть туда без подготовки — чистой воды самоубийство, — твердил он, загибая пальцы и не обращая ни малейшего внимания на недовольную гримасу Рю. — Во-первых, мы знать не знаем, действительно ли сфера до сих пор хранится во дворце и если даже так, то где именно. Во-вторых, на каждой двери, отделяющей вас от хранилища, наверняка наложено столько защитных печатей и заклинаний, что обойти их будет само по себе непростой задачей. В-третьих, не стоит забывать о вымуштрованной страже, которая, не задумываясь, убьет на месте любого застуканного ею чужака вне зависимости от положения. В-четвертых...».

Рю держался довольно стойко и сломался лишь после девятого аргумента, пускай и нехотя, но признав правоту Червя. Предстоящая авантюра действительно была рискованной — и это еще очень мягко сказано — и, если их вдруг поймают за попыткой проникнуть в императорский кладезь, вряд ли кто-то даст наглецам шанс объясниться. Однако не успели они кое-как сойтись во мнении, как их тут же ждал новый виток спора, заключающийся в том, какую роль каждый из них будет играть в скором ограблении. Червь, правда, тактично называл их предприятие «приключением», но формулировка дела сути его не меняла.

После жарких прений они решили следующее: покуда Кенджи и Макото ведут себя на пиру ни в чем не бывало, смешавшись с остальными гостями — а между тем ищут малейшее слабое место в охране дворца — Червь продолжает искать сведения о сферах; заодно он пообещал подвергнуть монету всем возможным опытам и выяснить, наложены ли на ней какие-либо чары. Единственным оставшимся не у дел оказался Рю, так как, разумеется, пускать старика на праздник никто бы и не подумал, а его маскарад вряд ли бы смог сбить с толку зоркие глаза императорской гвардии. Рю наверняка был просто «счастлив» сидеть сложа руки, но он и виду не подал, заявив, что все равно собирался решить парочку личных дел, да и глазеть на парад «чванливых толстосумов» у него нет ни малейшего желания.

Договорившись, они разошлись и уже по дороге в поместье Змея Кенджи узнал от Макото, что на приеме ему — как и всем остальным участникам — придется не только демонстрировать свои манеры, но и поразить окружающих стихами собственного сочинения. На справедливый вопрос Кенджи а каким именно образом он, не сложивший за всю свою жизнь и строчки, за столь короткое время должен сочинить несколько вирш — а

лучше не меньше десятка — Макото только пожал плечами. А что ему оставалось?

Поэтому последние несколько дней Кенджи практически не вставал из-за письменного стола, пытаясь накарябать хоть что-нибудь приличное. Ну или во всяком случае то, что можно было произнести вслух и не сгореть со стыда прямо на месте. Голова его пухла от прочитанных трудов поэтов разной степени таланта и известности — что самое интересное, последнее зачастую совершенно не зависело от первого — а чернил, перьев и пергамента он извел столько, сколько не использовал за всю прожитую жизнь. Параллельно он изучал пергамент, на котором Червь грубо, но весьма понятно начертил план императорского дворца — они не стали уточнять, откуда у него вообще взялась подобная информация.

Уже накануне пира, поздним вечером, Кенджи, откинувшись на спинку стула, тер глаза и размышлял, какую рифму можно использовать к слову «сиятельство», когда позади раздался тихий шелест. Кенджи кинул быстрый взгляд на начищенный до блеска шлем, висевший подле двери, и негромко произнес:

— Не припомню, чтобы сегодня я ждал гостей.

— Как правило, наш визит становится неожиданностью. Для многих — последней в жизни.

Кенджи оглянулся и окинул взглядом стоявшего у раскрытого окна Проклятого, одетого точь-в-точь, как и те, с кем ему пришлось столкнуться несколькими ночами ранее. На первый взгляд он был безоружен, однако Кенджи, припоминая уроки Рю, знал, что нож или стилет можно спрятать даже будучи облаченным в одно исподнее; и при этом так, что достать оружие можно будет одним быстрым движением. При должной сноровке и упорных тренировках, разумеется.

— Можешь расслабиться, — сказал синоби, присаживаясь на подоконник и скрещивая руки на груди. — Меня отправили поговорить с тобой, а не драться.

— Предыдущая моя беседа с твоими друзьями довольно быстро перетекла в потасовку, — хмыкнул Кенджи.

— Обиды старые — как павший поздний снег, — вдруг нараспев произнес Проклятый; голос его был звонок и мелодичен, словно отзвон колокольчика, — коль не замерзнешь в них, лишь отвернись — сойдут на нет...

— ... Заройся же в него, свернись клубком — сам не заметишь, что проснешься мертвецом, — закончил за него Кенджи последние строфы известной поэмы Сиро Мыслителя. — Довольно странно слышать подобные слова от тех, кто готов годами преследовать бывшего соратника.

— Как раз об этом мы и хотели обсудить. Наверное, твой друг уже успел рассказать, что единственный способ покинуть Сотню Проклятых — смерть, и исключений из этого правила не бывает...

Он умолк.

— Но?.. — спустя несколько мгновений спросил Кенджи.

— Быть может, старейшины нашего клана согласятся отступить от старых устоев и закрыть глаза на проступок Рю. Тем более, что с тех пор действительно прошло уже немало лет. Однако, разумеется, не за просто так.

— И что же вы хотите? — поинтересовался Кенджи. — Золото?

— Жизнь за жизнь, — сказал Проклятый и в ответ на его недоуменный взгляд пояснил: — Одному из наших людей недавно заплатили за то, чтобы он достал кое-какие бумаги, хранящиеся в императорском магистрате. Но его поймали, — в голосе Проклятого звучала

как досада за незадачливого собрата, так и злость на его неудачу, бросившую тень на репутацию синоби, — и сейчас держат под усиленной охраной. Его голова еще на плечах, но только до тех пор, пока он будет молчать. Это может занять время — весьма и весьма продолжительное время — однако разговаривать можно любого. Вытащи его — и мы квиты.

— Ты хочешь, чтобы я постучал в двери магистрата и вежливо попросил их отпустить попавшегося шпиона? — хмыкнул Кенджи, прекрасно осознавая всю абсурдность данной просьбы; даже в теории она была до того неосуществима, что скорее походила на плохую шутку, нежели серьезное предложение.

— Нас не слишком интересует то, каким именно образом ты его освободишь, — произнес Проклятый, то ли не заметив насмешку в его голосе, то ли пропустив ее мимо ушей. — Выкради силой, договорись, обмани, выкупи. Метод не важен — только результат.

— Почему же вы сами этим не займетесь?

— Мы пытались, — нехотя признал Проклятый. — Однако у нас на пути встал один излишне честный мэцукэ по имени Нобу Хо. Кажется, вы знакомы.

Кенджи забарабанил пальцами по столу. Всего два слова — и ситуация из невозможной превратилась в... Он бы не смог даже подобрать наиболее подходящее название. Уговорить Нобу отпустить пойманного с поличным преступника — с тем же успехом Кенджи мог спрыгнуть со скалы и быстро-быстро махать руками, надеясь за несколько мгновений научиться летать. Да и то в этом случае шанс на успех был бы куда выше.

— В качестве жеста доброй воли мы готовы согласиться на временное перемирие, — видимо, Проклятый посчитал его молчание за согласие. — Скажем, на семь дней. Можешь передать Рю, что все это время он может не прятаться и свободно разгуливать по Каноку, не рискуя получить нож в спину.

— Интересно, что мешает вам нарушить обещание и таким образом получить свою месть, — произнес Кенджи.

— Ничего. Но Проклятые никогда, — его незванный гость заметно выделил это слово, — не нарушают условия сделки. Освободи одного из нас — и твой друг будет спать спокойно.

Кенджи очень сильно сомневался, что даже толпа вооруженных убийц, идущих по его следу, способна вызвать у Рю бессонницу, но он не стал высказывать свои мысли вслух и вместо этого, вдруг кое-что вспомнив, сказал:

— Где-то в Каноку должен быть человек по имени Белый Лис. Вы можете его найти?

— Проклятые могут все, — бросил синоби и Кенджи едва удержался от того, чтобы съязвить «Кроме как решить проблему с принципиально честным сановником». — Если он действительно живет в столице — рано или поздно мы об этом узнаем. Как я понимаю, мы договорились?

— Я попробую выяснить, что смогу сделать, — сдержанно ответил Кенджи. — Но не могу ничего обещать.

— Люблю людей, не спешащих давать пустые клятвы, — Проклятый поднялся. — Я вернусь через пару дней и расскажу все, что удалось узнать о твоём Белом Лисе. Прощай.

— Постой, — остановил его Кенджи, когда тот уже готовился выскользнуть обратно в ночь. — Я бы предпочел знать имя и лицо человека, с которым общаюсь.

— Имя нам — Сотня Проклятых, — оглянулся через плечо синоби. — А лицо наше — маска смерти. Но...

Он медленно стянул с себя маску и повернулся.

— Удивлен? — спустя несколько мгновений молчания спросил синоби.

— Да, — честно признался Кенджи, разглядывая худое девичье лицо со вздернутым носом и тонкой нитью губ; от левой брови ее до щеки спускался белесый шрам, а каштановые волосы были стянуты на затылке в тугой клубок. — А зовут тебя...

— Узнаешь в следующий раз. Может быть, — Проклятая надела маску обратно и скрылась за окном; сделала она это столь бесшумно, что движения ее можно было принять за шелест ветра.

Кенджи определенно не рассчитывал вступать в какие-то отношения с кланом синоби — тем более, что их просьбу он вряд ли сможет выполнить при всем желании — однако если они смогут разыскать какие-либо сведения о человеке, которого упомянул перед смертью отец, то уже сделают значительное одолжение. Кенджи пытался было разыскать Белого Лиса сам — но, увы, потерпел крах. Как оказалось, никто и слыхом не слыхивал подобного прозвища и максимум, что он нашел — упоминания о каком-то кабаке со схожим названием. Правда, он сгорел чуть больше десяти лет назад — так что толку от подобного знания было мало. Конечно, Кенджи мог еще поговорить с кем-нибудь из Листов — но те словно в воду канули, и он опасался, что до них мог добраться Жнец или кто-то из его приспешников.

И вот наконец наступил день пира, который ждали не только те, кому удостоилась честь посетить его лично, но и простые горожане — ведь для них на всех площадях были устроены праздничные ярмарки, на которых, по слухам, совершенно даром раздавали угощения. Кенджи не знал так ли это, но мог представить, какая там творилась давка. Однако и кварталы на подступах к императорскому дворцу полнились не меньшим количеством народа, жаждущего хоть глазком поглядеть на сильных мира сего. Впрочем, слишком близко они все же не приближались, справедливо опасаясь пик и обитых железом дубинок в руках не дремлющей стражи.

Не хуже них зевак держали на расстоянии огромные псы в шипастых ошейниках. Настоящие зверюги размером с теленка, чьи пасти напоминали капкан. Любое из этих чудовищ наверняка могло запросто перекусить человека пополам и непременно бы это сделало, не сдерживай их специально обученные люди, фактуре которых позавидовал бы и опытный борец. А помимо всего этого тут и там на крышах изредка мелькали кутавшиеся в плащи фигурки с мушкетами; и Кенджи был уверен, что среди них отыщется несколько колдунов высокого ранга.

Господина Симада трудно было упрекнуть в скромности и дворец его легко затмевал своим масштабом даже родовой замок семьи Такэга, который в свое время поразил Кенджи своей роскошью и великолепием. Императорские владения располагались на самом высоком холме, где к небу тянулась величественная тэнсю — главная башня. Но перед тем нужно было преодолеть две цепочки стен, меж которыми располагались казармы, конюшни, голубятни и прочие хозяйственные сооружения, подняться по нескольким длинным лестницам и пройти насквозь несколько садов и парков. А если учесть, что практически через шаг люди императора тщательно проверяли бумаги и печати у каждого гостя да обыскивали повозы, можно представить, через сколько времени Кенджи и другие приглашенные наконец попали вовнутрь.

Не успели они перевести дух, как тут же были подхвачены многочисленными слугами и препровождены в огромный зал, где и проводилось основное торжество. Столы уже ломились от питья и яств, лакеи мелькали тенями, заменяя кубки, стоило им только опустеть, а развлекали гостей жонглеры, фокусники, музыканты, играющие на различных

инструментах и прочие артисты; те же самые, что занимали зевак на Турнире. Правда, слово «играли» для той мешанины звуков, что они исполняли, было настоящей похвальбой и неудивительно, что вскоре пространство вокруг любимцев муз опустело.

— Боги всемогущие, у меня сейчас кровь из ушей польется, — поморщился стоявший рядом Макото. — Будто бы первых попавшихся бродяг с улицы понабрали и инструменты в руки всучили... Эй, осторожней!..

Он едва успел отпрыгнуть в сторону чтобы избежать неочищенного апельсина, вылетевшего из рук неуклюжего лицедея прямо ему в висок.

— Попади он мне в голову — и ты бы ее лишился, — проворчал Макото, на что лицедей лишь что-то пробурчал под своей маской и поспешил скрыться в толпе. — К слову, тебе не кажется, что эти... О, как я выгляжу?

Проследив за его взглядом, Кенджи увидел ту самую ненаглядную Май, которая со скучающим лицом слушала щебетание какого-то молодого дворянчика.

— Надеюсь, ты помнишь, зачем мы сюда пришли? — сказал Кенджи.

— Да-да, — кивнул Макото, пытаясь оттереть с рукава несуществующее пятно. — Просто дай мне пару мгновений, не больше.

Он поспешил в их сторону и вскоре ловко увел свою зазнобу от изрядно раздосадованного парня. Не сказать, чтобы Май с виду была так уж сильно рада сменой компании, но во всяком случае она не пыталась убить своего нового собеседника взглядом, что уже можно было считать неплохим достижением.

Кенджи же тем временем попытался чуть ослабить ворот рубахи, что стискивал горло не хуже петли. Правда, без особого на то успеха. Накануне вечером портные принесли ему в комнату новенький с иголки костюм, выполненный в присущих Дому черно-зеленых цветах; на рукавах же серебряными клубами вились змеи, а пояс усыпали драгоценные камни. Вот только хоть наряд, без сомнения, и стоил целое состояние, но особым удобством не отличался.

Впрочем, на это грех было жаловаться. А вот на что Кенджи с удовольствием бы пожаловался, если бы мог, так это на то, что вход с оружием в императорский дворец был строго-настрого запрещен, а без хотя бы кинжала чувствовал он себя равно что голым. Конечно, безоружны тут были все, но то служило малым утешением.

Завидев в противоположном конце зала семью Ямо, Кенджи было решил пойти поздороваться, но не успел он сделать и шаг, как его перехватил высокий мужчина с цепким взглядом и не менее цепким рукопожатием:

— Господин Кенджи из Дома Змея, как я полагаю? Мичи Саито из Дома Муравья. Вы наверняка слышаны о моей семье — в наши шелка одеваются все столичные франты и их прекрасные спутницы.

— Конечно, — и глазом не моргнув соврал тот. — Кто в Каноку не слышал о роде Саито и их знаменитых платьях? Прошу меня извинить, но...

— Рад, что вы не гнушаетесь высокой моды. Ваш наряд неплох — но не чета тем, что могут изготовить наши портные. К слову — для участников Турнира у нас действуют особые цены, — перебил его Мичи и хитро подмигнул, видимо, не заметив неприкрытый сарказм в тоне своего собеседника; возможно дело было в том, что язык его уже слегка заплетался. — Позвольте представить — моя младшая дочь Рей. Она так впечатлилась историей о вашей победе над Черепами, что непременно решила познакомиться с вами лично, но слишком скромна, чтобы подойти первой. Кроткая жена — счастливый муж, верно?..

Он коротко хохотнул и взмахнул кубком, пролив на пол несколько алых капель, а перед Кенджи тем временем предстала невысокая миловидная девушка, что застенчиво улыбалась из-под разукрашенного веера. Сам Мичи будто бы испарился — и Кенджи ничего не оставалось, кроме как вкратце рассказать Рей о походе в Одиннадцать Звезд. Хоть Кенджи и опустил практически все детали, девушка слушала его распахнув глаза и затаив дыхание — и не успел он закончить, как Рей практически волоком потащила его к своим подругам, которым он был вынужден повторить всю историю заново.

Кенджи едва-едва сумел раскланяться со своими новыми знакомыми, пообещав им при следующей встрече непременно вызвать теневого дракона, как уже в следующий миг оказался в компании лысеющего толстяка, представившемся как Юко Го из Дома Цапли, которому до ужаса хотелось узнать, какая из школ по мнению Кенджи имеет наибольшие перспективы и не померкнут ли все они перед неумолимым техническим прогрессом.

Вскоре к их разговору — а точнее монологу Юко, которого, похоже, этот вопрос искренне задевал за живое — присоединился его друг, после в спор ввязался какой-то случайный зевака и вот так незаметно сам для себя Кенджи очутился в людском водовороте; после десятого по счету знакомства он даже перестал пытаться запомнить все услышанные им за вечер имена и титулы и уже было решил, что весь их план пошел насмарку, как из-за спины вдруг послышался знакомый холодный голос:

— Разве не вы сами ратовали за увеличение пошлины на все товары, проходящие через столицу, господин Абэ?

Высокий жилистый мужчина, распинающийся о несовершенстве законов с таким пылом, точно их установил лично Кенджи, при виде Каташи только клацнул зубами, точно его окатили ведром ледяной воды:

— Безусловно! Но прошу заметить — лишь на часть. К примеру, на соль, древесину, серебро, уголь...

— Словом, все то, чем торгуют ваши кузены? — Каташи коротко улыбнулся уголками губ. — Интересный способ сплотить семейные узы, не спорю. Тем не менее, я встрял в ваш разговор не для того, чтобы учить вас торговле. Боюсь показаться грубым, но мне нужно кое-что обсудить с моим человеком.

Собеседник Кенджи только глубоко поклонился и оставил их наедине; впрочем, судя по всему, он не сильно расстроился и практически в тот же миг нашел себе нового собеседника в лице какого-то старика, который с радостью поддержал разговор и вскоре они уже наперебой кляли жадных чинуш.

— Не слишком выгодная пассия, — произнес вдруг Каташи, отпивая из бокала и, заметив недоуменный взгляд Кенджи, продолжил: — Я про твою новую знакомую Рей Саито. Милая, но не более. Если вдруг ты решил найти себе избранницу, могу предложить тебе куда более интересные варианты. Скажем, старшая дочь Сэдэо Шоку из Дома Цапли следующей весной вполне будет готова покинуть отчий дом. Неглупа, остра на язык, красива собой, а семья ее владеет несколькими оружейными дза.

— Мы просто поговорили, — чуть смутился Кенджи и отчего-то вдруг вспомнил Проклятую; интересно, а какое все же у нее имя?..

— Помнится, когда-то давно наши с супругой родители впервые представили нас друг дружке, — Каташи улыбнулся и улыбка это была не чета той, что он одарил господина Абэ; в ней чувствовалась искренняя теплота. — И поначалу мы тоже только говорили. Долго говорили... А не успел я оглянуться, как уже качал на руках своего первенца. Жаль, мне не

представился случай познакомить тебя с моей дорогой Масами. Она не любит покидать наш замок, особенно после того, как... — он тяжело вздохнул и, видимо, чтобы уйти от нахлынувших воспоминаний, вновь вернулся к приданому несостоявшейся невесты: — Да и насчет своего богатства Мичи заметно преувеличивает. Когда-то его дела действительно шли в гору — да так ловко, что позволили даже приобрести собственный Дом — но в последнее время накопления его семьи тают быстрее весеннего снега.

— Разве можно основать свой Дом за золото? — любопытно спросил Кенджи. — Я слышал, подобное право может даровать лишь император.

— Верно, — сказал Каташи и в голосе его зазвучало презрение. — Вот только господин Симада в силу пошатнувшегося здоровья передал большую часть обязанностей своим советникам, которые с радостью приняли бразды правления. Что удивительно — жалованье их осталось прежним, а вот накопления растут с каждым днем. Если ты понимаешь, о чем я.

Кенджи в ответ только кивнул. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что ушлые сановники быстро нашли способ обеспечить безбедную старость не только себе, но и своим правнукам. Интересно, знает ли о их манипуляциях господин Хицу, который, по сути, сейчас является правой рукой императора? С виду Чикара казался человеком приличным — или во всяком случае старающимся создать о своей персоне подобное впечатление — но вряд ли мимо глаз главного советника могли ускользнуть такие дерзкие махинации.

— Если ты знаешь кому и сколько заплатить — вопрос титула решается легко и быстро, — продолжил Каташи; в ходе разговора они прошли сквозь высокие двойные двери и очутились в большом саду. Прямо посреди него стояли деревянные подмости, а за ними — статуя в три человеческих роста, судя по виду отлитая из чистого золота и изображающая воина в полных доспехах с мечом наперевес. — И вот уже вчерашний торговец рыбой, которому просто повезло разбогатеть в неурожайный год, становится гордым аристократом, даже если все поколения его предков гнули спины в поле. К слову, ты ничего не замечаешь?

Кенджи огляделся и вначале не увидел ничего примечательного. И только спустя несколько мгновений он наконец понял, что гости вокруг то ли специально, то ли неосознанно разделились на две группы.

По левую руку пили вино и переговаривались члены Великих Домов и к ним причастные, а также представители наиболее старых и уважаемых семей. По правую же собрались столичные и приезжие богачи вместе с выходцами из Домов попроще. Между ними, разумеется, еще были жрецы, иностранные гости, государственные служащие или же те, кто по тем или иным причинам не желал выбирать чью-то сторону, однако разделение можно было обнаружить невооруженным взглядом.

— Старая кровь как может отторгает свежую, а та же в свою очередь стремится занять ее место, — продолжил Каташи и надолго припал к кубку.

— Вы хотите сказать, что... — начал было Кенджи, когда молчание уже изрядно затянулось, но Каташи оборвал его взмахом руки.

— Я имею в виду, что хорошие времена рожают слабых людей, которые впоследствии создают времена куда, куда более трудные для будущих потомков.

— Но в таком случае в трудные времена должны появляться сильные люди, — заметил Кенджи.

— Верно, — усмехнулся Каташи, но уже через миг лицо его вновь посерьезнело. — Однако застанем ли мы их?.. Вот в чем главный вопрос. Чем дольше длится затишье, тем

смертоноснее грядущий ураган, который покажет, сколь крепки стены нашего дома. В прямом и переносном смысле. И сдается мне, мушкетеры семьи Шоку не будут долго лежать без дела... Сын, — он вдруг повысил голос, — если ты решился подслушивать то, во-первых, постарайся не пыхтеть как кипящий на огне чайник, а во-вторых, в этом нет совершенно никакого смысла, так как наш разговор подошел к концу.

Произнеся это, Каташи отправился к прочим аристократам, а место его занял Макото, который до того прятался за скульптурой из живой травы в виде большой черепахи, скорчившись в три погребели.

— Ненавижу, когда он так делает, — буркнул Макото, разминая спину.

— Ловит тебя с поличным? — поинтересовался Кенджи.

— Очень смешно. Хотя это тоже. Но вообще я про все эти разговоры о наступающей на пятки буре и тому подобном. О, смотри-ка кто идет.

Не заметить Шуноморо, спешащего в их сторону, было довольно трудно. По пути он случайно задел локтем какого-то парня, вылившего содержимое бокала себе на туфли. Злобно цыкнув в сторону здоровяка, он уже было открыл рот — но, видимо, оказался все же достаточно трезв, чтобы трезво рассчитать силы и лишь что-то проворчал себе под нос, подзывая проходящего мимо слугу.

— Друзья, — подошедший Шу сложил перед собой ладони и склонил голову, — прошу прощения, что за все это время не послал вам и весточки. Я ни в коем разе не забыл о моем обещании помочь вам, но поймите сами — тренировки, тренировки, тренировки... К слову, Кенджи — великолепное выступление. Не знал, что Рю успел научить тебя вызывать теневых фантомов.

— Я тоже не знал, — усмехнулся Кенджи и добавил, видя, что с лица друга не сползает виноватая мина: — Не стоит оправдываться. Мы и сами-то пока толком ничего не добились. Разве что...

Кенджи вкратце пересказал все события предыдущих дней, опустив только визит Проклятой. Отчего-то их встречу он хотел сохранить в тайне и не делиться ею ни с кем — во всяком случае пока.

— Отвлечь внимание? Сделаю все, что в моих силах и в следующий раз непременно составлю вам компанию, — пообещал Шуноморо. — Судя по всему, этот ваш новый знакомый — весьма занятный человек.

— Это да. Быть может, даже чересчур, — заметил Макото. — Старикан все же умеет находить себе приключения на за...

Закончить мысль он так и не успел, поэтому на какое именно место Рю находит проблемы оставалось лишь догадываться. Взревели горны, застрекотали трещотки, загремели барабаны — разговоры вокруг тут же смолкли, а со сцены поспешили сойти артисты, до того разыгрывающие какие-то сценки на злобу дня.

Через несколько мгновений в сад дружным шагом прошли вооруженные воины из личной гвардии императора, образуя от арки до подмостков живой коридор. Спустя короткое время показался и сам Симада, которого осторожно вел под руку Чикара; позади же них шло несколько неприметных людей, чьи лица скрывали широкие капюшоны. Когда они проходили мимо, волоски на загривке Кенджи стали дыбом, а по всему телу пронеслись мурашки; даже отсюда можно было почувствовать, что воздух вокруг незнакомцев буквально дрожит от переполняющей их Воли, которую те готовы обрушить на голову любого, кто посмеет сделать хотя бы неосторожный шаг в сторону императора.

Тот же взобрался на помост — признаться, даже с помощью главного советника и нескольких слуг это заняло у него немало времени — и оглядел гостей, щуря глаза. Совет Домов прошел не так давно, но, казалось, с того момента Симада успел постареть еще как минимум лет на десять. Между тем Кенджи вдруг уловил сходство владыки со статуей позади него — возможно именно так император когда-то и выглядел. С полвека назад, не меньше.

— Рад видеть всех вас в добром здравии, — дребезжащий голос Симада звучал столь тихо, что слова его сложно было разобрать даже в полной тишине. — Надеюсь, земли ваши плодородны, леса полны дичи, а с близкими людьми вы чаще видите на свадьбах, чем похоронах. Тем более, не сегодня-завтра последние вновь соберут вас всех вместе — вот только, боюсь, мне придется принять горизонтальное положение.

Он хитро подмигнул и пригладил звенящую серебром бороду. Среди гостей послышались смешки, сам же Кенджи невольно проникся к императору уважением — возможно годы ослабили его тело, но не дух и чувство юмора.

— Однако не будем о грустном, ибо сегодня мы собрались здесь совсем по другому поводу, — продолжил Симада. — Как говаривал еще мой отец — хороший вечер нельзя представить без добрых друзей, вкусного вина и отличной поэзии. Друзей я вижу, вино я опробовал, так значит усладим наши уши стихами. Первый участник Турнира Домов, прошу — именно тебе выпадает честь начать бой не мечей, но рифм.

Гости рассыпались в вежливых аплодисментах, Симада же вместе со своим окружением покинул подмостки и занял большое кресло с высокой спинкой, что до того успела принести прислуга и поставить неподалеку от сцены. Вернувшийся на помост Чикара достал из-за пазухи свернутый в трубочку пергамент, развернул его, назвал имя — и через несколько мгновений на месте его уже стоял коренастый парень, который, краснея и запинаясь, декламировал нескладные куплеты, в которых воспевались величие и щедрость его императорского величества.

Слушая сбивчивую речь собрата по несчастью, Кенджи с облегчением подумал, что его творения будут звучать как минимум не хуже, да только вот беда — половина сочиненного уже успела благополучно вылететь у него из головы.

— Надо сказать, я ожидал худшего, — послышался тихий голос.

Кенджи удивился бы куда меньше, увидев рядом с собой одетого в парадное платье они, а не Ясу — одного из Листов, которые пришли им на выручку в Одиннадцати Звездах. С момента их прошлой встречи парень практически не изменился — разве что чуть отпустил волосы да сменил боевые доспехи на сдержанный, но добротный костюм из бирюзовой парчи.

— Ты? Что ты тут делаешь? — столь же негромко спросил Кенджи.

— То же, что и все остальные, — пожал плечами тот. — Раздариваю фальшивые улыбки и дежурные комплименты, вежливо выслушиваю людей, чьи имена забуду еще до конца сегодняшнего вечера, делаю вид, что мне интересны очередные сплетни... в общем, как могу подражаю аристократам. Попал же я сюда благодаря одному знакомому моей семьи — достаточно влиятельному купцу, которому не составило труда выпросить лишнее приглашение.

— Я думал, вы планировали со мной связаться.

— Ты прав, — Ясу поморщился. — Но мы потеряли слишком много соратников в монастыре. Из оставшихся людей еще несколько покинули наши ряды почти сразу же после

возвращения. Мой отец — сильный человек. Наверное, самый сильный из всех, кого я знаю. Однако он уже не молод, а поход и предательство тех, кого он называл братьями, попросту подкосили его. За несколько прошедших месяцев он постарел больше, чем за последние пять лет и сейчас практически не встает с постели. Я не могу с уверенностью сказать, что он успеет встретить следующую весну. Так что... как бы горько это не звучало, но Орден Листа практически уничтожен. Но есть и хорошие новости — я сумел выяснить, что одна из сфер находится где-то в Каноку.

— Скажу больше — она ближе, чем ты думаешь, — произнес Кенджи и в ответ на недоуменный взгляд Ясу быстро рассказал ему все, что знает; тем временем на сцену взошел Шуноморо и, к слову, выступал он довольно неплохо и даже пытался играть голосом. С переменным успехом.

— Как я понимаю, у вас есть план? — поинтересовался Ясу, когда Кенджи наконец закончил.

— Ну, как сказать, — произнес Кенджи. — Макото и Шу должны как-то отвлечь остальных гостей, а я — попытаться подобраться к сокровищнице как можно ближе и выяснить, где находится сфера. Вот только ума не приложу, как сделать это, не привлекая к себе лишнего внимания.

И Кенджи это самое внимание все-таки привлек, так как наступила его очередь поражать окружающих стихоплетством. Волновался он куда меньше, чем на ристалище в первый день Турнира — но все же спина его успела покрыться холодным липким потом. Кенджи отчитал вымученные им строки довольно бодро, пускай даже часть из них он так и не вспомнил, а несколько выдумал прямо на ходу и, получив свою долю оваций, вернулся обратно к друзьям.

— С нашими талантами впору бродячий театр открывать, — сказал Макото.

— Дельная мысль. Вот только это ни на ноготь не приблизит нас к сфере, — ответил Кенджи.

— Кажется, у меня есть кое-какая идея, — произнес Ясу и ткнул пальцем в сторону сцены, на которую как раз всходил Кента из Дома Цапли.

Позади помоста располагались довольно занятные телеги о двух колесах. На каждой из них был взгроможден вытянутый прямоугольный ящик, который держался на специальных стойках; а в нем уже словно иголки в подушечке торчали бамбуковые трубки. От совсем тонких, не толще руки ребенка, до вполне солидных, походивших на дула мушкетов. Из каждой почти до земли свисала бечевка — и Кенджи быстро понял, к чему клонит Ясу.

— После того, как последний участник закончит терзать наши уши, состоится праздничный салют, — сказал тот и усмехнулся. — Но что будет, если фейерверки вдруг вспыхнут чуть раньше и, скажем, устроят небольшой пожар?

— А я скажу, что будет — мой отец, узнав об этом, надерет мне задницу, — проворчал Макото. — Проверено на горьком опыте.

— Не самая большая плата, — заметил Шуноморо. — Но решать тебе.

— Ладно, — вздохнул Макото. — Другого плана у нас все равно нет и вряд ли будет. Надеюсь, что я никого не угроблю.

Он скользнул в тень и принялся подбираться поближе к салютам, благо что все внимание гостей было приковано к Кента, который под конец своего выступления ажно пустил слезу. Скромно выслушав вполне заслуженные аплодисменты, он спустился вниз и по пути столкнулся с тучным парнем из какого-то мелкого Дома. Отвесив ему короткий поклон

в качестве извинения, Кента хлопнул парня по плечу и направился к своим — тот же взобрался на подмости, потирая место хлопка и отчего-то морщась. Видимо, Кента случайно попал по незажившей ране или свежему синяку.

Кенджи кинул взгляд на притаившегося Макото — тот только кивнул и махнул рукой, давая знать, что готов. Что ж, была не была — Кенджи состряпал страдальческую физиономию, пробурчал для вида что-то про взбунтовавшийся желудок и не спеша направился в сторону зала. Но не успел он преодолеть и половину пути, как послышался громкий надрывный кашель.

Кенджи оглянулся через плечо. Стоявший на сцене парень покраснел до такой степени, что лицо его почти слилось с кроваво-алой туникой. С него просто градом стекал пот, сам же он то и дело поправлял ворот, кидая на окружающих умоляющие взгляды. Он открыл было рот — и задался в новом приступе. Попытался глотнуть вина из кубка, который поднес подоспевший слуга — но только облился им с ног до головы. Лицо его побагровело, глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит, из горла донесся протяжный хрип — через мгновение он выронил бокал, разбившийся на мелкие осколки, и рухнул на землю прямо под ноги ближайшим гостям. Какое-то время вокруг все еще стояла звенящая тишина — но уже через миг ее разорвал чей-то пронзительный визг.

И как будто всего этого было мало, в небо по дуге взвился голубой шар, разорвавшийся на сотни искр; следом за ним последовал еще один, еще и еще — и вот тихий спокойный вечер уже рокотал взрывами, разрывался воплями, гремел топотом ног и плачем. Гвардия императора вместе с колдунами спешила увести владыку, который, похоже, так и не понял, что произошло, в безопасное место, бесцеремонно отбрасывая в сторону всех попавшихся им на пути, невзирая на ранги и титулы, кто-то из гостей прорывался к выходу, другие напротив, высыпали в сад увидеть, в чем собственно причина такого шума — словом, как бы то ни было, отвлечь внимание у них получилось мастерски, пускай даже и с непрошенной помощью почившего бедолаги. Интересно, что с ним вообще произошло? На вид он не хворал, но кто его знает...

Впрочем, размышлять об этом не было времени. Смешавшись с встревоженной толпой, Кенджи смог улучшить момент и сумел незаметно прошмыгнуть в один из коридоров, ведущих во внутренние помещения дворца. Благо что все внимание стражи привлекла вспыхнувшая во время давки свара, которая, судя по накалу страстей, даже без мечей грозила закончиться парой-тройкой трупов. Кенджи же упорно шел вперед, считая повороты. После третьего ему нужно повернуть налево, потом направо, после еще раз налево и... Или наоборот?

Ориентироваться ему приходилось исключительно по собственной памяти, так что пару раз он уже было решил, что заблудился, когда наконец вышел на нужную развилку, которую отметил на карте Червь. Послышался быстро приближающийся топот — Кенджи вжался в стену, слившись с тенями, и затаил дыхание. К счастью, никто из пробегающих мимо стражников даже не взглянул в его сторону, так что, подождав, пока их шаги стихнут, Кенджи продолжил путь.

Похоже, суматоха снаружи стянула на себя практически всю охрану, так как более ему не встретилось ни души — ну или же никто даже и подумать не мог, что кому-то хватит наглости попытаться ограбить самого владыку. Пока все шло как по маслу, будто бы кто-то заранее расчистил им путь — и вот это беспокоило Кенджи больше всего. По идее он уже должен был вернуться назад к остальным гостям — а что если кто-либо заметит его отсутствие и что-то заподозрит? — но он, ведомый скорее предчувствием, нежели разумом,

упорно продвигался вперед.

Еще какое-то время Кенджи плутал по темным коридорам, которые освещали редкие факелы — и вот он уже стоял перед крепкими дверьми, что вели к сокровищнице. К его удивлению, створки их были чуть приоткрыты, замки — выломаны, а древесина едва ли не обуглилась; все указывало на то, что кто-то уже взломал магическую печать, причем довольно грубо. Неужели Братство Рока тоже решило добратся до сферы именно сегодня? Кенджи еще раз пожалел, что не смог прихватить с собой хотя бы нож и двинулся дальше.

Пройдя сквозь двери, Кенджи сбавил шаг, внимательно прислушиваясь к происходящему впереди — благо что фейерверки уже начали понемногу стихать. Обогнув очередной угол, он замер, увидев прямо перед собой высокую фигуру в доспехах, облокотившуюся на алебарду. Кенджи замер, опасаясь даже сделать лишний вздох — а потом, приглядевшись внимательней, приблизился и осторожно тронул стражника за плечо. К счастью, он успел подхватить остывшее тело до того, как оно с грохотом рухнет на пол — кем бы ни был хозяин стилета, чья рукоять торчала в горле мертвого воина, лучше ему не знать, что позади кто-то есть.

Вытащив кинжал и утерев лезвие о плащ несчастного, Кенджи медленно приблизился к закрытым дверям, которые тот охранял, и прислушался: изнутри доносилась какая-то возня и тихая ругань. Кенджи осторожно потянул за ручки — и очутился в огромной библиотеке, где легко бы могли проехать в ряд не меньше пяти запряженных экипажей. Разумеется, если бы до того отсюда убрали все шкафы, снизу донизу забитые книгами и свитками.

Около одного из них, сравнительно небольшого по сравнению с другими, суетилось с полдюжины теней. Судя по всему, они пытались отодвинуть стеллаж в сторону — сложно сказать с какой целью. Пока Кенджи размышлял, как ему лучше поступить, это уже решили за него. Один из чужаков, оглянувшись, выругался сквозь зубы — и полумрак библиотеки осветила зеленоватая вспышка.

Драка с бойцом, владеющим школой Разложения — кто бы мог придумать лучший апофеоз светского вечера.

Наверное, если бы ярко-зеленая молния ударила в Кенджи, участи его сложно было бы позавидовать. Об этом можно было понять, кинув взгляд на несчастный шкаф, что принял на себя заклинание — крепкая древесина, шипя, растворялась прямо на глазах, а толстые переплеты фолиантов, хранящихся на полках, плавилась в густое липкое месиво подобно куску масла, попавшего на раскаленную сковороду.

К счастью, Кенджи, ожидая чего-то подобного, успел уйти в сторону и одновременно с этим выкинул в сторону противников руку с кинжалом. Признаться, нож был настолько дрянной, что в любой другой ситуации он бы и сыр им не взялся резать — но, увы, выбирать не приходилось.

Под ноги ему попало тело второго стражника, из-за чего он остушился и едва не рухнул рядом; бросок вышел чуть неуклюжим и стилет ушел заметно ниже, но все же нашел свою цель. Один из чужаков схватился за живот и рухнул на пол — но на ногах осталось еще пятеро и как минимум двое из них владели Разложением. Зеленые плети ударили в Кенджи с двух сторон и увернуться от них было той еще задачей. С которой, впрочем, он справился только отчасти, так как задевшее его плечо заклинание обожгло кожу не хуже огня, заодно превратив в груды хлама еще один стеллаж.

Кенджи стиснул зубы от боли. Какие у него шансы выйти из этой схватки победителем? Один, без оружия, против пятерки хорошо обученных бойцов — а в том, что Жнец отправил на это задание лучших, он не сомневался — все факты говорили против него. Возможно, лучшим решением было бы попытаться сбежать и вернуться с подмогой — но на это уйдет время, за которое Братья вполне могут закончить начатое, выкрасть сферу и улизнуть. В том, что это были они, Кенджи практически не сомневался — вряд ли простые воришки осмелятся проникнуть в сокровищницу самого императора.

А значит, оставалось лишь драться. Через несколько мгновений кривой кинжал рассек воздух над головой Кенджи, а вот второй клинок, который до последнего момента противник скрывал под плащом, едва не вспорол его от пупа до шеи. Голень негодя хрустнула сухим деревцем — он взвыл от боли и рухнул на пол, мгновенно потеряв интерес к происходящему; Кенджи же, пропустив удар усыпанной шипами перчатки, отшатнулся, чувствуя во рту вкус собственной крови. Столп искр, взорвавшийся перед глазами, чуть не стоил ему жизни — однако он все же сумел пинком в живот отбросить противника в сторону, схватить с пола кинжал и отступить назад.

На какое-то время в библиотеке наступила тишина, прерываемая лишь стонами валяющегося на полу Брата, да тяжелым дыханием всех остальных. Противники меряли друг друга внимательными взглядами, но никто не решался нападать первым, прекрасно осознавая, что любое неверное движение в этом смертельном танце означает только одно — смерть.

— За твою голову обещали щедрую награду, — нарушил молчание один из Братьев.

— И сколько, если не секрет? — любопытно спросил Кенджи.

Не то чтобы он так сильно жаждал поддерживать дружеский разговор с этими людьми, но, во-первых, ему действительно стало интересно во сколько Жнец оценивает его жизнь, а во-вторых, он пытался потянуть время до прихода помощи. Не то, чтобы он так сильно на нее надеялся — судя по отдаленному грохоту, салют был в самом разгаре — но кто знает.

Услышав сумму, Кенджи поморщился:

— Маловато. Я бы запросил минимум вдвое больше.

— Нам хватит.

Произнеся это, Братья вновь бросились в бой. Наверное, в драке один на один Кенджи смог бы расправиться с любым из них без особых потерь. Кроме разве что тех двоих, орудующих Разложением. По технике они не уступали Проклятым и легко могли оказаться как магистрами, преодолевающими последние шаги ступени, так и теми, кто только-только взял ранг героя; как бы не смешно звучало последнее, учитывая нынешние обстоятельства.

Однако сейчас Кенджи был один против пятерых; при этом бились они довольно слаженно, то вместе атакуя, то прикрывая друг друга, давая возможность товарищу перевести дух и сменить позицию. Кенджи же, увы, был лишен подобной привилегии. К тому же движения ему сковывал неудобный костюм, тогда как каждый из его врагов носил под одеждой прочную кольчугу.

Спустя короткое время в зале вновь наступило затишье. Кенджи потерял кусок левого рукава и кусочек зуба, один из его противников — жизнь, остальные же отделались легкой кровью. Или во всяком случае не показывали вида.

Но особой разницы не было и Кенджи понял, что время сменить тактику, так как продолжи он вести бой лицом к лицу — и не ровен час один из вражеских клинков вместо воздуха рассечет его шею.

Поэтому вместо того, чтобы вновь пойти в наступление, Кенджи ушел в сторону, скрывшись между книжных шкафов, точно надеялся улизнуть; на деле же он сосредоточил Волю и выпустил ее в виде нескольких двойников.

Задуманный им трюк превзошел все ожидания. Противники, явно не ожидавшие подобного подвоха, чуть замешкались; но лишь на несколько мгновений, а после разделились. Двое, завидев, как один из фантомов несется к дверям, бросились наперерез, на ходу обрушивая на него весь свой арсенал приемов. Оставшиеся же действовали куда осторожнее и не стали сразу атаковать вторую тень. Вместо этого они довольно грамотно обошли ее с разных сторон и, не сговариваясь, кинулись в бой с явным намерением закончить его здесь и сейчас.

И сколь же велико было их разочарование, когда сталь прошла прямо сквозь лже-Кенджи. С тем же успехом они могли попытаться разрезать дым. Первый воин, владеющий Разложением, видимо, как более опытный, раскусил западню практически сразу и, не тратя время на лишние раздумья, благоразумно отступил назад. Но вот второй, вокруг меча которого вилось пламя, попытался ударить еще раз, чем и подписал себе смертный приговор.

Кенджи, притаившийся в тени, ударил в спину, метя локтем чуть ниже затылка. Оглушенный воин выронил клинок и упал на одно колено — и через пару мгновений сослужил Кенджи добрую службу, закрыв того своим телом от вражеского кинжала.

Разумеется, его приятель вряд ли владел Разложением на уровне Жнеца. Но даже его умений хватило на то, чтобы превратить простое железо в поистине ужасное орудие для убийства. Получивший лезвие в шею мужчина протяжно захрипел, лицо его почернело, изо рта потоком хлынула кровь, а волосы начали сходить с головы вместе с кусками кожи.

То, что Кенджи с отвращением отбросил в сторону, уже слабо напоминало человека — скорее тряпичную куклу, на которую кто-то шутки ради напялил одежду. Похоже, гибель товарища судя по всему не слишком огорчила второго Брата, так как уже спустя каких-то три

удара сердца он снова пошел в атаку.

Скорее всего, именно подобная поспешность и сыграла против него самого, ведь замах, метящий в сердце Кенджи, выдался уж очень неуклюжим и топорным. Тот уклонился от него без особых усилий, а следующий удар поймал на схваченный с ближайшей полки пухлый томик. Судя по золотому тиснению и корешку, вышитому серебряной нитью, стоять он должен целое состояние. Но только не после того, как его насквозь пронзил нож, вмиг превратив чью-то кропотливую работу в кучку рухляди.

Кенджи резко крутанул книгу, тем самым обезоружив противника — однако тот не растерялся и подсечкой сбил его с ног. Упав на спину, Кенджи преобразовал остатки Воли в Око Тьмы и выбросил то в сторону врага. Помнится, когда-то подобным приемом его самого пытался отправить на тот свет демон по имени Гуло. Тогда стихия Тьмы не помогла чудовищу одержать победу — увы, Кенджи постигла та же участь.

Не успел шар, размером с бычий пузырь и будто бы сотканный из бурлящей смолы, долететь до цели, как он точно наткнулся на какую-то невидимую преграду и лопнул. Залу осветила яркая вспышка, Брат отступил назад на пару шагов, но не более. Кенджи потерял несколько драгоценных мгновений, силясь понять, как заклинание, отнявшее у него столько сил, не заставило его противника даже поморщиться. И лишь когда на пол, звякнув, упало несколько костяных обломков, Кенджи все понял и беззвучно выругался.

Проклятье! Защитный амулет. Он уже успел и позабыть об их существовании. Редкая вещица и весьма дорогая. Немногие Дома могут позволить себе разбрасываться ими направо и налево и, как правило, берегут подобные артефакты для особых случаев. Интересно, откуда только Жнец берет такие баснословные деньги на снаряжение своих людей... Впрочем, размышлять об этом было некогда, так как преследующие первого фантома Братя уже поняли, что их надули, и кинулись на помощь соратнику.

Наверное, даже такой строгий и суровый наставник как Рю без сомнения гордился бы своим учеником, бьющимся почти на пределе возможностей. Кенджи, сумевший подобрать с пола меч, парировал удар еще до того, как успевал замечать лезвие вражеского клинка. Закрученные финты, что до того он мог оттачивать днями напролет, сливались в единые комбинации точно само собой; наверное, так поймавший вдохновение художник, проведя всю ночь за холстом, наутро с удивлением оглядывает свое творение — неужели кисть, создавшая это, вела его рука?

Вот только в отличие от живописцев, бойцы, кружащиеся по библиотеке, пачкали пол и стены вокруг отнюдь не краской. Как ни странно, тот таинственный голос ни разу не дал о себе знать. Возможно, дело было в том, что Кенджи ни на миг не терял головы; напротив, вместо слепой ярости действиями его руководил исключительно холодный разум.

Спустя время в зале осталось лишь двое. Чувствовал себя Кенджи преотвратно — кровь, стекавшая из рассеченной брови, застилала глаза, одно из ребер, похоже, было сломано, а после последнего пропущенного удара в ушах до сих пор стоял звон — да и выглядел наверняка того хуже, но и последний уцелевший противник имел настолько плачевный вид, что держался на ногах только каким-то чудом.

Брат, тяжело дыша, утер со лба пот и кинул быстрый взгляд в сторону двери.

— Я же говорил, что вы продешевили, — сказал Кенджи и невольно поморщился; каждое слово отдавало тупой болью.

— В конечном итоге ты все равно проиграешь, — ответил Брат, делая осторожный шаг в сторону дверей. — Не важно когда — сегодня, завтра или через несколько лет. Ты и понятия

не имеешь, каким силам пытаешься противостоять.

— Мы уже успели познакомиться.

— Наша смерть ничего не изменит, — упрямо продолжил Брат. — Убей одного — и его место тут же займут двое. Весь порядок, что так защищают ты и тебе подобные, успел прогнать насквозь. И хватит лишь одного толчка, чтобы он порушился, как карточный домик.

Произнеся это, он поддел мыском сапога лежавший на полу кинжал и пинком отправил его в сторону Кенджи — тот даже не пытался увернуться, прекрасно видя, что бросок был сделан скорее для отвлечения внимания, нежели ради попытки нанести ему хоть какой-то вред.

Не успел нож воткнуться в шкаф, как Брат уже выскочил в коридор. Кенджи не стал бросаться в погоню. Во-первых, у него банально не было сил на еще одну схватку. Во-вторых — фейерверк снаружи уже утих. В-третьих...

— Неплохо, неплохо, — послышался позади него чей-то вальяжный голос. — Признаться, я и не ожидал, что ты продержишься столько времени.

Кенджи мысленно выругался и медленно развернулся в сторону баса, гулким эхом отдававшегося под высоким потолком. Вначале в темноте вспыхнули два ярко-желтых глаза, напоминающие фонари; а следом на свет показался и их хозяин. Кенджи выругался снова — но сейчас вслух и не стесняясь в выражениях.

Они.

Да, Жнец явно подошел к делу основательно, раз отрядил со своими бойцами демона. С виду он напоминал Гуло — чудовище, что действовало заодно с Йоши и его головорезами — однако этот он хоть и был чуть ниже, но все равно возвышался над Кенджи на несколько голов. И если в Гуло с первого взгляда можно было угадать любителя запить целого поросенка галлоном вина, то мускулы этого демона походили на пушечные ядра.

Макушка его была гладко выбрита, ярко-красную кожу покрывали замысловатые татуировки в виде сплетающихся меж собой узоров, из одежды он носил только свободные холщовые штаны с широким поясом, а торчащие изо рта чуть загнутые клыки вкупе с квадратной мордой придавали ему сходство с вепрем.

Вот только встреча с последним сулит куда меньше неприятностей.

— Между прочим, это были лучшие из лучших, — цокнул языком демон, оглядывая лежащие вокруг тела. — Во всяком случае, они себя так называли.

— В следующий раз советую не верить подобным обещаниям на слово, — произнес Кенджи, судорожно размышляя, что ему предпринять; и, увы, ничего кроме как «рухнуть обессиленным на пол» на ум ничего не шло. — К слову, что же ты не пришел на выручку своим друзьям, раз видел, что они не справляются своими силами?

— «Друзьям»! — фыркнул демон, да так, что взметнувшаяся пыль взвилась почти под потолок. — Если я скажу, что мне просто стало любопытно, кто к концу схватки останется на своих двоих — ты мне поверишь?

— Нет, — покачал головой Кенджи; если честно, ему было совершенно плевать, чем руководствовалась эта тварь, он просто забалтывал ей зубы, чтобы перевести дух.

— И будешь абсолютно прав, — кивнул демон. — На самом деле, добравшись до нужной мне вещи, я бы перебил их собственными руками. Ты просто сэкономил мне чуток времени.

Что ж, определенные плюсы в этой неожиданной встрече все же были. Они

практически напрямую подтвердил догадку Червя по поводу того, где хранится сфера. Но минусы все же перевешивали — вполне может статься, что Кенджи попросту не успеет воспользоваться этими сведениями.

— Не думаю, что твой хозяин простит тебе предательство, — сказал Кенджи. — Уверен, он пустит по твою шкуру всех своих наемников.

— У Раша нет хозяина, слизняк, — рыкнул тот; видимо, слова Кенджи изрядно задели его самолюбие: ноздри демона раздулись от гнева, когтистые пальцы сжались в кулаки, а глаза превратились в узенькие щелочки. — А когда я получу то, за чем пришел, я сам приду к тому шуту в маске и вырву ему сердце голыми руками. И любому, кто попытается мне помешать.

— Знавал я одного хвастливого демона по имени Гуло, — произнес Кенджи. — Вот только ни к чему хорошему его это не привело.

— А, так это ты тот смертный, который прикончил Гуло? — Раш окинул Кенджи внимательным взглядом, точно увидев в нем что-то новое. — Жирдяй, конечно, давненько уже представлял угрозу разве что для бочонка с пивом, но когда-то «слава» о нем гремела по всему Вессу, — Раш хрустнул шеей и плотоядно улыбнулся. — Но я — не обрюзгший демон, гоняющий крестьян, а ты — всего лишь человек. Так что у тебя десять ударов сердца, прежде чем я разорву тебя на куски. Можешь использовать их, чтобы напоследок помолиться своим богам.

Увы, демон бахвалился не просто так и Кенджи пришлось познать это на горьком опыте. Первое время тот действительно даже не защищался, точно нарочно подставляя голову под удары и с каждым мгновением лишь шире растягивая жабий рот в ухмылке; у Кенджи же складывалось ощущение, что с тем же успехом он может молотить кусок камня.

Наконец, демон перестал поддаваться и выбросил вперед ладонь — на несколько мгновений Кенджи потерял сознание и очнулся лишь лежа на обломках низенького стеллажа. Собрав всю свою волю в кулак, он поднялся на ноги и вновь бросился в атаку. Уклонившись от взмаха когтистой лапы, Кенджи сделал вид, что пытается зайти демону за спину — но вместо этого, круто развернувшись, вложил все свои силы в один мощный удар, и...

Мысок его туфли застыл в каком-то ногте от морды демона, который одной лапой поймал его лодыжку, а второй вцепился в горло, сдавливая его так, что Кенджи практически потерял возможность дышать.

— И это все? — ощерился Раш, обдавая его зловонным дыханием. — Признаться, я ожидал большего. Видимо, под конец жизни Гуло размяк словно свежее тесто, раз дал убить себя такому неумехе как ты. Ладно, думаю, пора заканчивать это представление.

В следующий момент Кенджи взмыл в воздух — а после отправился в полет, который закончился в противоположном конце зала. Первой его мыслью было то, что с тем громким треском сломался его хребет. Второй — что лучше бы он сразу сломал шею, так как он бы не мог назвать хоть одну часть тела, которая не ныла от боли.

Кенджи с трудом поднялся на одно колено, глядя на неспешно приближающегося Раша. И думать не стоило о том, чтобы победить его в честном бою. Он двигался быстро — безумно быстро даже для демона — а уж силой и вовсе легко мог превзойти десяток рослых мужчин вместе взятых.

— Вы, люди — самые бестолковые и никчемные создания, которых только можно представить, — самодовольно сказал Раш, разминая костяшки. — Ни чешуи, ни крыльев, ни

кльков — просто удивительно, как вы до сих пор не передохли. Быть может, подашь своим сородичам пример и сделаешь это прямо сейчас?

Он глухо расхохотался, Кенджи же в ответ только стиснул зубы. Каковы вообще его шансы победить в этой битве? Раш куда сильнее его, быстрее, ловчее, реакции демона позавидует любой боец последних ступеней, вот только...

Конечно, этот они явно опаснее Гуло в прямом бою, но в отличие от своего почившего соплеменника вряд ли может похвастаться особой хитростью. Тот бы не смог столько времени успешно дергать за ниточки целую банду ронинов, уповая лишь на грубую силу и страх. Оставалось только сообразить, как можно использовать глупость и самоуверенность демона против него самого. И поживее — вряд ли он пожелает вести с Кенджи долгие беседы.

— Неплохо дерешься, — произнес Кенджи, поднимаясь на ноги.

— Неплохо? — Раш напряг руку и продемонстрировал вздувшуюся вену на бицепсе, что напоминала затаившегося под кожей червя. — Моим именем на севере матери пугали своих детей еще задолго до того, как ты появился на свет, слабак. Мнишь себя великим бойцом? Да я как-то раз провалился напрямиком в логово ледяных пауков и вышел оттуда только через три дня. Как ты думаешь, сколько этих тварей там осталось после моего визита?

— Осмелюсь предположить — ни одной.

— Вот именно, — кивнул Раш и осклабился: — А вот следующую берлогу я уже отыскал сам. Уж больно понравилось на вкус паучье мясо. Ноги — самая мерзость, точно сосульку грызешь. Но если добраться до внутренностей...

— А ты всегда думаешь на несколько шагов вперед, — перебил его Кенджи, старательно отгоняя картины жующего демона; лишь одна мысль об этом могла заставить желудок вывернуться наизнанку. — Надеюсь, к этому делу ты тоже подошел основательно и заблаговременно приготовил все необходимое для ритуала.

— Какого еще ритуала?.. — нахмурил брови Раш.

— Как, ты не знаешь? — деланно удивился Кенджи. — Или ты думаешь, что достаточно будет разбить сферу на куски, чтобы завладеть скрывающейся внутри нее силой? Я бы предложил поспрашивать у твоих «друзей», но, увы, вряд ли они теперь в состоянии отвечать на какие-либо вопросы.

Раш покосился на покойных Братьев. Его широкий лоб разрезали глубокие морщины, глаза превратились в щели, а на висках выступили капли пота. Да, вряд ли Жнец взял в услужение демона за его сообразительность.

— По-моему, ты пытаешься запудрить мне мозги, — наконец прорычал он; однако выглядел он уже не столь уверенно.

— Твое право, — пожал плечами Кенджи, еле сдержавшись от того, чтобы брякнуть, что пудрить-то там особо и нечего. — Как только заполучишь сферу — тут же расколоти ее ближайшим камнем на мелкие осколки. Вот и проверишь, врал я или нет.

— А ты, значится, готов поделиться со мной этим знанием взамен спасения собственной шкуры? — с подозрением произнес Раш; хоть он и попробовал на вкус столь простую наживку, но еще не проглотил ее целиком. — И откуда мне знать, что ты меня не обманешь? Вы, человечешки, те еще пройдохи.

— Мы можем провести ритуал прямо здесь, — предложил Кенджи. — Просто достань сферу, а я сделаю все остальное — и после разойдемся с миром.

Толстые губы Раша растянулись в ухмылке. Разумеется, Кенджи прекрасно понимал, что

получив желаемое, демон тут же попытается его прикончить. Но главное — добраться до сферы, а уже потом... Однако планам его не суждено было сбыться, так как в них вдруг вклинилось неожиданное обстоятельство. И имя ему было Кента Ива из Дома Цапли который, войдя в библиотеку, оглядел царивший в ней погром и медленно достал из-под плаща короткий меч.

— Ты еще кто и что тут делаешь?! — прорычал Раш, повернув к нему башку; если честно, последний вопрос его интересовал Кенджи не меньше.

— Зашел проверить, кто тут устроил такой шум, — сказал Кента и кинул на Кенджи быстрый взгляд. — Надеюсь, я не помешал?

— Отнюдь, — ответил тот. — Ты заскочил на самом интересном месте.

— Хватит трепать языками! — Раш оскалил клыки и снова принял боевую стойку. — Мне лишь достанется вдвое больше веселья. Несколько ударов сердца — и я закушу вашей печенкой, а потолок украсу гирляндами из ваших кишок.

Нежданное появление Кента заметно уравнило шансы. Несмотря на браваду, демон стал биться куда осторожнее, предпочитая защищаться, а не атаковать; он больше не тратил силы на подколки и усмешки, вместо этого тщательно контролируя свое дыхание и следя за тем, чтобы ни один из противников не зашел к нему за спину.

В пылу боя Кенджи невольно порадовался, что Кента дерется на его стороне. Удары его — отточенные, быстрые, очевидно выверенные не одной сотней тренировок — практически всегда находили цель, невзирая на то, что Раш сражался на пике своих возможностей. Кенджи не отставал, точно получив второе дыхание и спустя короткое время они вместе с неожиданным союзником двигались практически в унисон, найдя единый ритм.

Наконец, Раш, тяжело дыша, отшатнулся в сторону, прижавшись спиной к каменной колонне. Выглядел он весьма плачевно — заплывший глаз превратился в щелочку, один из клыков был обломан почти по корень, а кровь, стекавшая из порезов на теле, собиралась на полу в протяжные лужицы. Но расслабиться сейчас — сделать грубую ошибку, которая вполне может стоить жизни. Ведь даже раненый демон все равно остается смертельно опасной тварью.

— Бьете как малые детишки, — рыкнул Раш; однако Кенджи заметил, с каким трудом ему дается каждое слово, сопровождающееся протяжным хрипом.

— Кажется, кто-то предлагал перестать трепаться, — произнес Кента. Он тоже успел пропустить несколько замахов, левый рукав его намок от крови, однако он не подавал и вида, что полученная рана его хоть как-то беспокоит.

Издав громогласный вопль, раскатом прокатившийся по залу, Раш кинулся в атаку, вложив в нее последние силы и всю свою ярость. Однако с каждым мгновением становилось все более понятно, что участь его уже предрешена и он продолжал биться скорее от отчаяния, нежели всерьез надеясь одержать верх. Движения демона становились все более предсказуемые, кровь, бьющая из ран, залила весь пол и вот, наконец, Кенджи, уклонившись от когтистой лапы, ударом в голень уронил демона на пол.

Раш успел сгруппироваться, отшвырнуть его в сторону и даже подняться на ноги — пускай и пошатываясь, словно после пару бочонков вина, но в следующий миг меч Кента, вокруг лезвия которого отплясывали молнии, обрушился на его руку. Из кульги фонтаном брызнула кровь, в воздухе запахло паленым мясом, однако демон все же исхитрился вырвать у него оружие и даже чуть не отправил Кента на тот свет. Парня спасла лишь собственная реакция, да тот факт, что Раша держала на ногах исключительно его злоба.

Кажется, бой уже изрядно затянулся. Ухватив с пола клинок, Кенджи на ходу подрезал демону сухожилия на ногах. Тот взвыл от боли и рухнул на колени; Кенджи же, не теряя времени даром, по рукоять засадил меч в спину демона, ловко вскарабкался на ближайший шкаф и всем своим весом обрушился коленями на его затылок. Удар получился настолько мощным, что квадратная морда демона пробила каменную плитку. Несколько мгновений тело твари еще билось в агонии, точно отказываясь признать поражения, но вот, дернувшись в последний раз, они по имени Рац, гроза ледяных пауков, испустил дух.

Кенджи же перекатился на спину, тяжело дыша и пытаясь унять стучащее гонгом сердце. По ощущениям драка в библиотеке длилась практически до утра — но на деле, конечно же, заняла куда меньше времени.

— Так что ты тут делаешь? — спросил он, глядя на Кента, вытирающего кровь с меча об одежду одного из Братьев.

— Сказал же — зашел на шум, — пожал плечами тот.

Не успел Кенджи вымолвить и слово, как из коридора послышался топот разом пары десятков сапог — и в зал с мушкетами наперевес ворвалась дворцовая стража, к которой спустя несколько мгновений присоединился Чиکارа Хицу. К счастью, он не стал тратить время на лишние расспросы и сразу же повелел вызвать лекарей. После того, как Кенджи обработали раны, главный советник вызвал его на разговор, чтобы узнать его версию событий.

— Так значит, ты просто увидел нескольких подозрительных личностей и решил за ними проследить? — протянул Чиکارа; кабинет его по размеру вполне мог сравниться с библиотекой и только один резной стол из черного дерева наверняка стоил целое состояние.

— Да, господин, — ответил Кенджи. Настойки и мази знахарей притупили боль, однако он все равно старался лишний раз не делать слишком резких движений.

— Что ж, — вздохнул Чиکارа и наполнил кубок из хрустального графина; поставив его рядом с Кенджи, он наполнил свой бокал и сделал большой глоток. — Видимо, кто-то из гостей его величества слишком буквально воспринял предложение чувствовать себя как дома. Мы обязательно все проверим и найдем виноватых, но пока попрошу тебя не распространяться о случившемся. Не стоит дарить славу подобным негодяем, верно?

Кенджи кивнул, хотя на самом деле он считал, что Чиکارа хочет избежать огласки совсем по другой причине. Демон, подобравшийся к сокровищнице императора вместе с отрядом головорезов — и после этого императорская гвардия будет утверждать, что мимо нее не пролетит и муха? Однако Кенджи задал другой вопрос:

— Что случилось с тем пареньком, который упал во время своего выступления?

— Трагическая нелепость, — цокнул языком Чиکارа и нахмурился. — Подавился кусочком курицы и задохнулся. Во всяком случае, так говорят наши медики и у нас нет причины ставить их слова под сомнения — но, конечно, если оба этих события вдруг как-то связаны, мои люди докопаются до истины. Что ж, думаю, тебе следует хорошенько отдохнуть. Я прикажу доставить тебя в резиденцию Змея.

Скрипящая повозка действительно довезла Кенджи до самых ворот и, не успел он зайти в свои покои, как рухнул на постель и тут же уснул. Проснулся он незадолго до заката и, едва-едва успев перекусить холодным супом с лапшой, получил депешу от Нобу Хо, который предлагал ему встретиться в одной корчме неподалеку. Что ж, Кенджи и сам хотел в самое ближайшее время переговорить с мэцукэ, так что, переодевшись, он вышел на улицы столицы.

Гудящая словно улей таверна при всем желании не смогла бы отличаться от сотни таких же заведений, кои в Каноку встречались буквально на каждом углу. Низкий бревенчатый потолок, покрытый толстым слоем сажи, резкий запах лука и опилок, щедро рассыпанных по полу, непритязательная публика, спешащая потратить кровно заработанные на разбавленное пойло и миску худой похлебки.

Словом, сложно было представить лучшее место для разговора, не предназначенного для чужих ушей, ибо от гомона завсегдатаев дрожали стены и никто не обратил на вошедшего Кенджи ни малейшего внимания. Тем более, он специально оделся так, чтобы сойти за какого-нибудь случайного бродягу — и не прогадал. Даже кормчий, скользнув по нему ленивым взглядом, вернулся к разговору со своим помощником, видимо, не сочтя нового гостя за персону, у которой за душой может водиться хоть что-то кроме пары медяков.

Нобу ждал его в самом дальнем углу за низеньким столиком, сидя спиной к стене; он так сильно увлекся своим нехитрым ужином, состоящим из тарелки с тыквенной кашей, сдобренной куском масла, что заметил Кенджи только когда тот уселся напротив.

— Как я понимаю, праздник удался на славу? — спросил мэцукэ, откладывая ложку и оглядывая разбитое лицо Кенджи.

— Не то слово, — ответил он и поморщился; каждое неосторожное движение заставляло все его раны и синяки, что он щедро умудрялся собирать в последнее время, гореть огнем.

— Ох уж эти светские приемы, — хмыкнул Нобу и коротко усмехнулся; но уже через миг его лицо посерьезнело: — Однако, кажется, ты еще легко отделался, ведь на том же самом пиру был убит Изау Казе из Дома Ветра.

Лишь спустя несколько мгновений Кенджи понял, что Нобу имеет в виду того самого бедолагу, который свалился с помоста прямо во время своего выступления.

— Убит? Но я слышал, что...

— Да-да, — с раздражением перебил его Нобу. — Я уже успел ознакомиться с докладом императорских лекарей, в котором указано, что смерть Изау — пускай и трагическая, но все же случайность. Однако не кажется ли тебе странным, что крепкий пышущий здоровьем парень вдруг ни с того ни с сего начинает задыхаться, раздирая себе горло в кровь, а после падает замертво?

Кенджи промолчал. Если честно, смерть Изау, сколь таинственной она не была, вряд ли могла показаться хотя бы чуть более странной всего того, что происходило вокруг него в последнее время. Видимо, Нобу понял его молчание по-своему.

— Видишь? — спросил он. — Если хотя бы на миг задуматься о случившемся, появляется очень много неудобных вопросов.

— И зачем кому-то выставлять убийство Изау за несчастный случай? — сказал Кенджи.

— А вот это как раз весьма очевидно. Признаться в том, что во дворце императора произошло убийство — значит уронить тень на репутацию Симата, что и без того в последнее время не пользуется особой популярностью. Кто станет уважать владыку, который не в состоянии защитить собственных гостей?

Этот вопрос Кенджи тоже оставил без ответа, хотя он и не требовался. Думается, кончина одного из участников Турнира на посвященном им же вечере скажется на славе императора — и его страже, разумеется — мягко говоря, не лучшим образом, пускай даже Изау и действительно подавился кусочком пирога, а не был коварно убит... К слову, кто

вообще мог желать его гибели? Как оказалось, Нобу интересовало то же самое.

— Но кто и зачем убил Изау? — его пальцы застучали по столешнице. — Каков мотив? Месть? Личная неприязнь? Желание убрать конкурента? Ты один из участников — быть может у тебя есть хоть какие-нибудь догадки? Мне пригодится любая мелочь.

Увы, Кенджи при всем желании не смог бы помочь мэцукэ в его стремлении восстановить справедливость. Он мало что знал про семью Казе — разве только то, что род этот хоть и достаточно давно пустил свои корни, однако не мог похвастаться ни богатством, ни выдающимися представителями.

По сути, именно благодаря участию Изау в Турнире большинство вообще узнали о существовании фамилии Казе. Да и то — среди прочих бойцов многие небезосновательно считали его середнячком и пророчили, что дальше второго — в лучшем случае третьего — этапа он не пройдет. И оказались абсолютно правы — пускай почивший Изау сошел с дистанции и по несколько другой причине. Своими мыслями Кенджи поделился с Нобу, который лишь тяжело вздохнул:

— Так я и думал. По моим сведениям у семьи Казе не было явных врагов — однако их наследника убили точно напоказ. Но для чего? Дать какой-то знак? Посеять смуту? А может это была публичная пощечина императору? Свести личные счета можно и куда тише, без лишних свидетелей...

Нобу надолго умолк, погрузившись в тяжелые думы и устремив взгляд на соседний столик; излишне громкий разговор сидевшей за ним парочки мужчин с опухшими лицами как раз грозил перейти в потасовку, но вряд ли мэцукэ — впрочем, как и всем остальным, включая хозяина корчмы — было до того дело. Кенджи же, чуть поколебавшись, решил попробовать обсудить с Нобу просьбу Проклятых, пускай и заранее предрекая свою неудачу:

— Как я слышал, недавно силам магистрата удалось поймать синоби, который пытался проникнуть в ваши архивы?

— Да-да, — рассеянно ответил Нобу; один из спорщиков повалил второго на пол ударом в челюсть, тот умудрился ухватить его за ногу и через пару мгновений вокруг них уже улюлюкали восторженные зрители, подначивая драчунов. — Негодяй каким-то образом смог обойти несколько постов охраны и почти добрался до...

Он вдруг умолк, поднял глаза на Кенджи и с подозрением прищурился:

— Однако я не помню, чтобы рассказывал кому-либо об этом происшествии.

— У меня свои источники информации, — туманно произнес Кенджи. — Некоторые из них, скажем так, заинтересованы в том, чтобы этот человек сохранил жизнь. И готовы обсудить любые условия.

Нобу откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Выглядел он скорее удивленно, чем сердито:

— Признаюсь честно — никогда бы не подумал услышать подобное от тебя. Мне ты показался довольно честным человеком. Неужели Дом Змея так сильно нуждается в диверсантах и шпионах, что готов рисковать своей репутацией, ручаясь за одного из них?

— Мой Дом не имеет ко всему этому ни малейшего отношения, — ответил Кенджи. — Однако... — он на миг задумался, но потом все же решил играть в открытую: — Один из моих близких друзей, которому я обязан жизнью, когда-то принадлежал к клану синоби, называющих себя Сотня Проклятых. Давным-давно их дороги разошлись — но Проклятые готовы простить бывшего соратника только взамен свободы другого. А иначе...

— Предложение, от которого невозможно отказаться, — задумчиво произнес Нобу. —

Понимаю твое стремление помочь приятелю. Но пойми и ты — как я буду выглядеть, если вдруг отпущу пойманного преступника? По всему Каноку тут же поползут слухи о том, что я нечист на руку. И поверь — у меня достаточно недоброжелателей, которые не преминут этим воспользоваться.

— Что ж, раз это все... — Кенджи было поднялся со стула, однако Нобу взмахом руки заставил его сесть обратно. Задиры уже закончили обмениваться ударами и теперь, покачиваясь, сидели рядышком, обнявшись и по очереди отпивая из пузатой бутылки, так что зеваки разошлись по своим местам; мэцукэ же наклонился вперед и чуть понизил голос: — Я, конечно, не могу ничего гарантировать, но возможно у меня получится смягчить неудавшемуся вору наказание и вместо петли его будут ждать лишь палки и высылка из города. Такой вариант устроит твоих... знакомых?

— Думаю, я смогу с ними договориться. Но вряд ли ты сделаешь это в качестве жеста доброй воли, верно?

— Угадал. В ночь на празднество в трущобах было найдено тело, — лицо Нобу исказила гримаса отвращения. — Какого-то несчастного пропойцу будто бы разорвали на части дикие звери. Жестокое, беспощадное, а самое главное — абсолютно бессмысленное убийство. Тот, кто это сделал, не забрал даже пяток медяков, которые он прятал в башмаке — поверь, люди порой убивают друг друга и за куда меньшую сумму. И что интересно — раны у бедолаги точь-в-точь как у почившего Тсотуму.

— Ты хочешь, чтобы я помог тебе найти убийцу? — сказал Кенджи.

— Именно. А заодно попытался выяснить хоть что-нибудь насчет смерти Изау, — кивнул Нобу. — Ни один из участников пира, скорее всего, не пустит меня даже на порог, что весьма затрудняет мою работу.

Кенджи не стал тратить много времени на раздумья, тем более, что вряд ли у него был выбор.

— Сделаю все, что в моих силах.

Они скрепили сделку рукопожатием и еще какое-то время провели в праздной беседе о всяких пустяках. Следом Нобу отправился разнимать вновь вспыхнувшую драку, которая грозила перерасти в массовую свалку, Кенджи же поспешил на улицу. Холодный воздух действовал отрезвляюще, ускоряя не только шаг, но и мысли.

Похоже, Тсотуму — или существо, принявшее его облик — не остановится и продолжит убивать, пока... Пока что? Что им движет? Если бы он хотел добраться до Кенджи, то сделал бы это давным-давно и не стал бы с таким усердием улепетывать от него несколько дней назад. Однако если в городе действительно объявился оборотень, умеющий менять шкуру, отыскать его практически невозможно. Если, конечно, он сам этого не захочет. Оставалось только надеяться, что Червь сумеет разгадать тайну той монеты — быть может, чары, наложенные на золото, помогут им остановить череду убийств невинных жителей.

Убийство Изау тоже выглядело весьма мутным делом. Быть может, парень действительно перешел кому-либо дорогу; а может и вовсе стал случайной жертвой каких-то закулисных интриг между Домами. По поводу этого стоило уточнить у Макото — он имел весьма много знакомых среди знатной молодежи и поэтому был в курсе практически всех свежих сплетен.

Вернувшись домой, Кенджи, даже не отужинав, первым же делом попросил слуг наполнить ванну — и уже вскоре, свалив одежду бесформенной грудой прямо на полу, с блаженством вытягивал ноги в длинной деревянной бадье. Видимо, он задремал, так как

услышав над ухом чей-то тихий кашель, обнаружил, что за окном почти рассвело, а вода в ванне стала чуть теплой, не более.

— Мэцукэ согласился принять наше предложение? — без лишних слов спросила сидевшая на его кровати Проклятая, которая в этот раз была без маски.

— И тебе доброй ночи, — прокряхтел Кенджи и хотел было подняться на ноги, но на полпути вдруг вспомнил, что на нем нет даже исподнего, поэтому плюхнулся обратно, подняв тучу брызг и расплескав воду на пол.

— Доброй, — она тряхнула волосами и сложила нога на ногу. — Так что хочет господин Хо?

— Откуда ты знаешь, что он не послал меня ко всем демонам, только услышав мою просьбу? — задал встречный вопрос Кенджи.

— В этом случае ваш разговор вряд ли бы длился столько времени, — пожала плечами Проклятая.

Кенджи не стал уточнять, откуда его гостя знает такие подробности. Очевидно, что синоби следят за каждым его шагом и не преминут нанести удар, если вдруг подумают, что он пытается их обмануть. Поэтому Кенджи сказал:

— Нобу согласился смягчить наказание для твоего собрата и заменить повешение ссылкой из Каноку за мою помощь.

На какое-то время в комнате повисла тишина, которую нарушали лишь капающие на пол капли и звонкая трель птички за окном. Наконец Проклятая произнесла:

— Думаю, это вполне приемлемо, но у меня нет права принимать такие решения, поэтому последнее слово останется за нашими старейшинами. Сколько времени тебе нужно?

— Как минимум месяц, — немного поразмыслив ответил Кенджи; если честно, он не думал, что сумеет выполнить просьбу Нобу и за этот срок, но запроси он больше — и Проклятые вполне могут подумать, что он попросту тянет время.

— Хорошо, — кивнула Проклятая, поднимаясь на ноги. — Ты получишь ответ к завтрашнему утру, не позже. К слову, кажется, мы нашли того, кто тебе нужен. Человека по прозвищу Белый Лис иногда можно найти в купальне «Жемчуг и пламя», которая находится неподалеку от торговых кварталов.

— Спасибо, — искренне поблагодарил ее Кенджи, запоминая название. — Он бывает там в качестве гостя?

— Не имею ни малейшего представления. Подобные сведения в сделку не входили, — Кенджи показалось, что губы девушки чуть дрогнули, будто бы она силилась сдержать улыбку. — Приходить лично для меня слишком опасно. Если вдруг захочешь связаться с нами — найди на торговой площади рядом с фонтаном нищего без двух ног, кинь ему монетку и скажи, что Каге не забирает последнее. Он поймет.

— Подожди...

Проклятая, уже перекинув ногу за подоконник, оглянулась через плечо.

— Ты обещала сказать, как тебя зовут.

Какое-то время синоби молчала, закусив нижнюю губу. Кенджи уже было решил, что она так и выскользнет в ночь, растворившись тенью в предрассветном тумане, как она все же произнесла:

— Рэй.

— Красивое имя.

Эти два слова достались уже пустоте. Еще несколько мгновений Кенджи смотрел в

раскрытое окно, а после откинулся в ванной и запрокинул голову, размышляя о том, как бы все могло повернуться, встретиться они в любое другое время в других обстоятельствах. Если бы он не был единственным уцелевшим жителем одной маленькой деревушки, которого вела только месть за смерть своих близких, а она не принесла клятвы верности клану синоби, освободить от коей могла только сталь в сердце...

Спустя время, когда вода в бадье окончательно остыла, Кенджи вылез наружу, ежась от сквозняка, захлопнул ставни и переоделся в чистую одежду, аккуратно сложенную в изголовье кровати. Спать ему не хотелось, да и солнце уже щекотало черепицы первыми лучами и это значило, что до начала следующего этапа Турнира осталось всего ничего.

И отчего-то Кенджи был уверен, что это наименьшая его проблема.

Второе испытание Турнира — если не считать таковым светский прием у императора, конечно же, что весьма и весьма спорно — должно было проходить на том же самом ристалище рядом с Каноку. Путь до арены прошел без особых приключений и Кенджи сразу же бросилось в глаза, что зрителей стало чуть ли не вдвое больше. Городским властям даже пришлось в спешке выстроить еще несколько трибун, каждая из которых вмещала чуть ли не вдвое больше зевак, но и новые помосты едва ли не лопались от желающих поглазеть на сегодняшнее зрелище. И, что самое интересное, поприще отныне окружала высокая изгородь из заостренных столбов, каждый толщиной с молодое деревце; они были наполовину вкопаны в землю и соединены меж собой прочными цепями, превращая площадку в некое подобие огромной клетки.

При виде подобной конструкции Кенджи сразу же заподозрил что-то неладное, однако не успел он как следует поразмыслить об увиденном, как внимание его увлекло кое-что другое — большой знак около его шатра, представляющий из себя бревно с прибитой к нему фанерной доской, кривовато выведенные буквы на которой гласили, что «Самый перспективный и талантливый боец Турнира» предпочитает закупаться в лавке некоего господина Ямамото (а чуть ниже была намалевана довольно подробная карта, с чьей помощью оный магазинчик мог отыскать любой желающий).

— Не знал, что ты успел заделаться в заядлые модники, — хмыкнул Макото, с интересом разглядывая вывеску.

— Я тоже, — буркнул в ответ Кенджи и отодвинул полог.

На этом сюрпризы не закончились, ведь внутри помимо азартно перекидывающихся в кости хонгских лекарей и Рю — который вдобавок к своему обычному маскараду обзавелся нелепым остроконечным колпаком и с десятком браслетов, позвякивающих каждый раз, когда он кидал игральные кубики — находился тот чудак по имени Сол Йотоко, о существовании коего Кенджи успел и позабыть. Однако вот Сол при виде последнего перестал следить за игрой, вскочил с табурета и радостно возопил:

— Господин Кенджи, бесконечно рад вас видеть! Надеюсь, вы как следует выспались? Слышал, сегодняшнее испытание грозит стать одним из самых серьезных за последние несколько Турниров. Как прошло пиршество во дворце императора? Тот магистратский клещ больше вам не докучал? Если он все еще пытается спустить на вас всех собак за смерть какого-то бродяги — только скажите, у меня есть знакомый...

— Ты что тут вообще делаешь? — перебил его Кенджи, с трудом высвобождая ладонь из цепкого рукопожатия Сола.

— О, это довольно просто, — пухлые губы Сола растянулись в широкой улыбке, а в глазах загорелись хитрые огоньки. — Кто посмеет чинить препятствия официальному компаньону участника Турнира?

— Компаньону?.. — протянул Кенджи.

— Ну да, — Сол откашлялся и засунул большие пальцы за пояс. — Помнится, в последний наш разговор вы обронили, что подумаете над моим предложением. А так как за все эти дни я не услышал от вас слово «Нет»...

— Ровно как и «Да»!

— ... то понял, что вы просто-напросто слишком заняты, чтобы лично оповестить о

своим решением и осмелился взять инициативу в свои руки, — как ни в чем не бывало продолжил Сол. — К слову, я уже заключил довольно выгодную сделку от вашего имени — и будьте уверены, это только начало!

— Так вывеска снаружи — твоих рук дело? — спросил Кенджи.

— Именно! — просиял Сол, запустил руку за пазуху и достал оттуда брнчащий мешочек. — Господин Ямамото оказался тем еще скрягой, но узнав, о ком идет речь, сразу же пошел на уступки и согласился принять мое предложение. Воистину — ваша слава бежит впереди вас!

Поймав в воздухе мощну, Кенджи взвесил ее в воздухе, заглянул вовнутрь и невольно присвистнул. Уж если так раскошелится тот, кого называют скрягой... Может оно и к лучшему — лишние деньги никогда не помешают. Тем более, что они не требовали от него ни малейших усилий. Во всяком случае, пока.

— Впечатлены? — Сол подмигнул. — Поверьте моему опыту — еще до первого снега мы... то есть вы, конечно же, приумножите эту сумму в три, нет, пять, нет, десять раз! — произнеся это, он слегка замялся. — Не считите за наглость, но мне пришлось забрать свою долю без вашего позволения. Хозяйка «Трилистника» не поверила, что в скором времени я обязательно выплачу ей все долги и выгнала меня, даже не позволив забрать вещи. Сами понимаете, как сейчас тяжело выживать простому честному трудяге...

— Без проблем, — сказал Кенджи. — Но в следующий раз прежде чем заключать какие-либо сделки, сколько б выгодными они не казались, сначала посоветуйся со мной. По рукам?

— Раз уж здесь сегодня проводится праздник невиданной щедрости, мне бы тоже не помешало небольшое подспорье, — вклинился в разговор подошедший к ним Рю и цыкнул на галдящих хонгцев из-под густых бровей. — Менять ночлег каждую ночь — занятие мало того утомительное, так еще и довольно затратное. Да и то ли от меня сегодня Каге отвернулся, то ли эти заучки играть научились, поэтому раскошеливайся.

— К слову — насчет первого можешь не беспокоиться, — произнес Кенджи, кладя в карман заметно схуднувший кошель; да уж, в ставках Рю явно не мелочился. — Во всяком случае на время. Я сумел договориться с...

Он прикусил язык и кинул взгляд на стоявшего рядом Сола, размышляя, как бы повежливей спровадить его куда подальше. К чести коротышки он моментально понял намек и, откланявшись, выскользнул наружу.

— Кстати, совсем забыл спросить — она симпатичная? — задал неожиданный вопрос Макото, когда Кенджи закончил рассказ о том, что произошло в императорской библиотеке и последующей встрече с Проклятой.

— Кто?

— Демон, которого ты убил на пару с Кента, кто ж еще! — фыркнул Макото. — Та девчонка-синоби, конечно же.

— Настоятельно не советую крутить романы с подобными девицами, — протянул Рю, почесывая накладную бороду. — Как правило, это заканчивается тем, что один из любовничков просыпается с ножом в спине. Если не верите — могу показать шрам.

— Кажется, мы потеряли нить беседы, — буркнул Кенджи, чувствуя, что невольно краснеет. — Сейчас речь идет не о Проклятой, а о сфере. Уверен — после той кутерьмы возле сокровищницы выставят столько стражи, что туда и муха не пролетит. Так что о нашем плане можно позабыть.

— С другой стороны — Хлебопашец со своими дружками тоже остались с носом, —

заметил Макото. — И раз уж сфера пролетела мимо, помахав нам ручкой на прощание, на твоём месте я бы сейчас сосредоточился на Турнире.

В этот самый момент в шатер залетел парень, который, запинаясь и кланяясь при каждом слове, сообщил, что до начала испытания осталось всего ничего и всех участников просят собраться возле ристалища. Что они собственно говоря и сделали — и появление каждого бойца встречалось зрителями таким дружным ревом, что отголоски его, наверное, были слышны даже в самом Каноку.

Теперь рядом с Кенджи, помимо Макото, стояли также Рю и Сол. И если старик едва ли не зевал от скуки, не скрывая своего пренебрежения ко всему происходящему вокруг, то последний раздулся от важности чуть ли не вдвое, посматривая на всех остальных с таким видом, точно сам император объявил его своим наследником. Конечно, три человека — не весть что, особенно в сравнении с другими участниками, некоторых из коих окружала настоящая толпа, однако все же Кенджи чувствовал себя чуть уверенней, имея за спиной какую-никакую поддержку.

— Надеюсь, никто не станет попрекать меня, если я предложу начать сегодняшней день с того, чтобы почтить память Изау Казе из Дома Ветра, трагически скончавшегося на пиру в честь Турнира из-за нелепой случайности, — в этот раз Чикара даже пропустил свое до неприличия многословное вступление, но вряд ли кто-то был сильно против. — Его Сиятельство лично выражает глубочайшее сожаление всем родным и близким усопшего. От себя же могу добавить, что мы не оставим семью погибшего в их горе и, конечно же, оплатим все расходы на похоронную церемонию. Оставшимся же участникам я желаю удачи — и пусть победит сильнейший.

— Не хочешь дать мне какое-нибудь напутствие напоследок? — поинтересовался Кенджи у Рю. — Кажется, так иногда поступают настоящие наставники.

— Чти предков своих, ибо следят они за каждым твоим шагом, не посрами честь Дома своего и помни — у настоящего самурая нет цели, но есть путь, и путь этот — смерть, — отчеканил Рю с каменным лицом и громко фыркнул: — Во-первых, я не собираюсь принимать хоть какое-либо участие в этой ярмарке, во-вторых, я знать не знаю, чем сегодня вы будете развлекать всех этих идиотов, которым больше заняться нечем, кроме как заливать глотки и глазеть на то, как сынки богатеев гробят друг друга точно кабацкие задиры. Просто надери всем этим выскочкам задницы и постарайся сделать это побыстрее, так как я все же надеюсь отыгаться.

Что ж, вряд ли бы кто-то смог поддержать Кенджи так кратко и вместе с тем емко. Долго ждать не пришлось. Спустя короткое время слуги в окружении вооруженных воинов занесли и поставили на середину арены большой деревянный ящик, опоясанный несколькими толстыми цепями. Сбив замки, прислуга со стражей стремглав бросились наружу и причину подобной спешки можно было понять — когда на свет показался тот, кто был заточен в ларе, среди зрителей пронесся гул, да и бойцы заметно занервничали, обмениваясь косыми взглядами. Неужели им придется биться с этим?

Теперь по ристалищу расхаживало нуэ — существо размером с крупного теленка, обладающее подвижной и чуть приплюснутой мордой, напоминающую обезьянью, что обрамляла густая белая грива; тигриными лапами с острыми загнутыми когтями и толстым змеиным хвостом, удар которого наверняка мог бы легко сломать хребт рослому мужчине.

В отличие от многих других демонов, нуэ не обладает какими-либо магическими способностями, но сполна компенсирует это могучей силой, позволяющей ему в считанные

мгновения сломать добыче шею и унести в свое логово. Как правило, нуэ сторонятся людей и нередко предпочитают избежать встречи с ними, но в случае необходимости дерутся с воистину дикой яростью.

Однако это чудовище вело себя на удивление спокойно, не выказывая ни страха, ни злобы. Казалось, его не смущают ни громкие вопли сотен плоток, ни железные прутья вокруг. Потянувшись словно кошка, нуэ широко зевнуло и свернулось в клубок подле своего недавнего убежища, обхватив себя хвостом.

— Не бойтесь! — Чикара обратился к толпе, подняв перед собой ладони. — На этой твари особый амулет, который сдерживает ее звериную натуру, — присмотревшись, Кенджи действительно увидел, что на шее нуэ красуется широкий ошейник с поблескивающим в нем ярко-желтым камнем. — Пока чудовище находится под контролем одного из могущественных наших волшебников — оно смиренней слепого кутенка. Любой желающий может потрепать нуэ по гриве без риска быть разорванным в клочья. Ну же, найдется среди присутствующих хоть один смельчак? От меня лично я обещаю ему один серебряник прямо здесь и сейчас.

Он вытащил из кармана монету и продемонстрировал ее всем желающим. Ко всеобщему удивлению храбрец действительно нашелся и весьма скоро; более того — между желающими рискнуть даже возникла небольшая свалка. Но вот невысокий паренек из простолюдинов ловко пролез меж столбов и стал осторожно подбираться к задремавшему нуэ. В нерешительности остановившись в нескольких шагах от него, парень облизнул пересохшие губы и оглянулся на трибуны, точно ожидая совета.

Часть зрителей поддерживала бесшабашного собрата свистом и криками, некоторые умоляли вернуться обратно и не испытывать судьбу, особо впечатлительные и вовсе отвернулись или закрыли глаза. Признаться, и самому Кенджи стало не по себе — так беззащитно тот юноша выглядел рядом с чудовищем, коготь которого легко мог вспороть его от шеи до паха одним быстрым движением. Но вот Чикара, скрестивший руки на груди, был абсолютно спокоен. Наконец, решившийся паренек приблизился к нуэ, дотронулся до белой шерсти, отскочил назад и сжался, видимо, ожидая, что разъяренная тварь заставит его сполна заплатить за собственную дерзость. Однако оно и не пошевелилось — только захрапело пуце прежнего, недовольно дернув ушами.

Парень, получивший помимо всеобщего признания цельный серебряный пятак и незабываемые впечатления на всю оставшуюся жизнь, занял свое место. Чикара же, подождав, пока возбужденная толпа чуть стихнет, произнес:

— И в чем же состоит испытание, спросите меня вы, раз это кровожадное создание не разбудить даже выстрелом из пушки? Но стоит контролирующему его магу чуть ослабить Волю — и нуэ вновь превратится в разъяренного зверя. В том ящике лежат несколько разноцветных флажков — по одному на каждого из участников. Бойцам необходимо любым способом достать один из них и выйти на своих двоих за пределы арены — и при этом сохранить нуэ жизнь. У кого-нибудь есть вопросы?

— Надеюсь, вы запасли достаточно серебра! — выкрикнул Стервятник, чем вызвал громкий смех.

Который, впрочем, довольно быстро стих, ведь сегодня все они без шуток рисковали жизнями. Конечно, в любой момент можно было отказаться выполнять подобное задание и по собственному желанию выйти из Турнира — но несмываемый до конца жизни позор и «слава» труса многих страшили куда больше смерти.

Но далеко не всех — первый же боец, перед которым слуги раскрыли ворота, несколько мгновений в нерешительности топтался на месте, обливаясь потом; через мгновение он сплюнул на песок и отправился восвояси под неодобрительные выкрики зевак, упустивших возможность насладиться обещанным зрелищем, Чикара же, пожав плечами, озвучил имя следующего претендента.

Им оказалась Нэн Хисару из Дома Паука — довольно сильная призывательница, управляющая воздухом; одна из немногих девушек, участвующих в Турнире, и по мнению даже самых ярых ее злопыхателей — одна из главных фавориток на победу. Не успели за Нэн захлопнуться створки, дабы тварь в случае чего не вырвалась за пределы ристалища, как она, не сбавляя шага, двинулась прямо к нуэ. Похоже маг уже ослабил контроль, так как чудище, вмиг поднявшись, ощерила пасть и забила хвостом.

Нэн вскинула вверх руки одновременно с прыжком чудовищного зверя — и в морду ему прилетело целое облако песка и пыли, которые девушка подняла порывами ветра. Упав на землю, ослепленное нуэ, яростно чихая и рыча, принялось размахивать вокруг себя лапами — но Нэн уже спешила к ящику. Когда нуэ пришло в себя, Нэн стояла снаружи, сжимая в руке тряпку ярко-желтого цвета — толпа же встретила первого прошедшего в следующий этап бойца громогласным одобрительным ревом.

— Ловко, — одобрительно покачал головой Макото. — Эй, старикан, а что ты скажешь насчет романа с колдуньей?

— Звучит как название для очередной пошлой кабацкой песенки, — ответил Рю. — Но если ты серьезно — даже не вздумай. Влюбился я как-то раз в одну чародейку — к слову, как раз из Дома Паука — и что мне это дало, помимо нескольких незабываемых недель в ее постели? Толпу наемных убийц, вынюхивающих меня по всей империи, пару лет, потерянных в каком-то богами забытом захолустье и бесценное умение обжигать глину. Уж если так страстно желаешь обзавестись ярмом, ищи себе невесту среди тех, кто поскучнее — чтоб только пряла, ткала и жрать готовила, иначе проблем не оберешься. Хотя я бы на твоём месте сделал миру огромное одолжение и не стал обзаводиться потомством, так как ты на личном примере показал, сколь сильно тупеет с каждым коленом род Такэга, а идиотов на свете и без того достаточно.

Пока Макото и Рю тихо переругивались, Сол потянул Кенджи за рукав и прошептал:

— Господин, не затруднит ли вас попробовать выполнить одну мою ма-а-аленькую просьбу?

— Во всеуслышание похвалить лавку господина Ямамото? — усмехнулся тот.

— О, нет, это в нашу с ним сделку не входило. Точнее, я предлагал ему подобный вариант как один из возможных, но мы не сошлись в цене, — без тени иронии ответил Сол. — Просто я потратил почти все свои деньги, заключив пари, что вы завершите это испытание без единой царапинки. Вы уж берегите себя, хорошо?

— Постараюсь, — сдержанно ответил Кенджи; через несколько мгновений он решил было уточнить о какой сумме идет речь — так, чисто ради интереса — как от трибун раздались встревоженные выкрики и все его внимание приковало то, что творилось на ристалище.

Помимо Нэн свои флажки успели успешно вынести еще несколько воинов. Один из них в спешке подвернул ногу, другой едва не угодил в пасть зверя, излишне зазевавшись, но в целом все они достаточно легко отделались. Оставшиеся бойцы чуть расслабились и со Стервятником, который как раз добыл драгоценный флажок, его самоуверенность сыграла

злую шутку. Выстроив меж собой и нэу огненную стену, он повернулся к одной из трибун и отправил какой-то девушке воздушный поцелуй.

Услышав вопли зрителей, пытающихся предупредить его об опасности, Стервятник оглянулся, увидел прорвавшуюся через пламя тварь и предпринял единственное верное решение, которое и спасло ему жизнь. Ни на миг не задумавшись, он кувырком ушел в сторону — и просвистевшая в воздухе лапа оставила только глубокий порез на его спине, тотчас пропитавший одежду алым, а не снесла голову.

Стервятник, не вставая с земли, шваркнул прямо в морду нуэ сноп искр, а за ним еще один и еще, покуда тварь не отошла назад, злобно рыча и размахивая вокруг себя хвостом наподобие хлыста. Вскочив на ноги, Стервятник оказался перед нелегким выбором, от которого зависела не только его победа — жизнь.

Он бы мог попытаться рвануть до выхода из ристалища, надеясь опередить нуэ. Но это вряд ли — хоть между ним и воротами было едва ли с десятков шагов, тварь догнала бы его в два прыжка. Или же Стервятник мог попробовать принять бой и заставить нуэ отступить — однако если вдруг оно окажется сильнее...

Стервятник принял столь непростое решение едва ли за пару ударов сердца. Сделав вид, что хочет уйти влево, он бросился в противоположную сторону, выиграв тем самым несколько драгоценных мгновений. Челюсти нуэ клацнули буквально в волоске от Стервятника, однако он все же умудрился кубарем вылететь наружу. Еле сдерживая гримасу боли, он поднял ввысь фиолетовую тряпку — а после практически упал в руки подоспевших врачей, что тут же потащили его к себе в шатер.

— Везучий ублюдок, — протянул Макото, глядя на нуэ, что кругами ходило вокруг ящика, яростно размахивая хвостом и щеря пасть. Пролитая кровь заметно распалила чудовище и думается, сделала его еще злее. — Ты вообще как, уверен в своих силах?

Сейчас Кенджи не был уверен ни в чем, кроме того, что вряд ли сможет выполнить просьбу Сола. Однако вот Рю увиденное не слишком впечатлило.

— Двигается как пьяная улитка, — бурчал он, видимо, имея в виду Стервятника. — На кабацкую драку смотреть интересней. И чем так ценна победа, раз зверюшку сдерживает какой-то чароплет? Вот выпустили бы разом полдюжину демонов — возможно этот фарс и стал бы хоть чуточку интересней...

Впрочем, вряд ли среди зрителей хоть кто-то разделял его мнение, поэтому следующий боец вошел на арену практически в полдень, когда толпа хоть немного поуспокоилась. По идее, участники, выступающие последними, оказывались в куда более выигрышном положении по сравнению со своими предшественниками. Ведь тем приходилось вступать в борьбу с полным сил нуэ, тогда как их соперникам должно было достаться изрядно вымотанное чудовище.

Но зверюга, казалось, ни капельки не устала. Видимо, контролируя нуэ с помощью собственной Воли, колдун невольнo подпитывал ею тварь, позволяя той двигаться с прежней скоростью и нести смерть каждым взмахом широкой лапы. А быть может дело было исключительно в природной ярости нуэ — и Кенджи вряд ли мог с легкостью выбрать верную теорию.

Несмотря на то, что из всех предыдущих участников больше всех пострадал заигравшийся Стервятник — другие бойцы, впечатлившиеся его дурным примером, стали вести себя куда более осторожно и старались не рисковать понапрасну — Кенджи ступил на песок не без волнения. Конечно, с немалой поддержкой за спиной и каким-никаким опытом

держался он гораздо увереннее и осознание того, что за каждым его шагом наблюдают тысячи внимательных глаз давила уже не так, как прежде, но...

Все же демон оставался демоном, пускай даже его сдерживает опытный маг. Кенджи не спешил, внимательно следя за поведением нуэ. Оно же, учуяв запах очередного чужака, с шумом втянуло ноздрями воздух, повернуло в его сторону плоскую морду и прищурилось, так как Кенджи подступал к чудовище таким образом, чтобы солнце било прямо в глаза твари, ослепляя ее.

Когда между ними осталось локтей пятнадцать, не более, Кенджи остановился. Он уже успел подметить, на каком расстоянии волшебник ослабляет свою ментальную хватку, позволяя нуэ полностью отдаться своей природе. Отсюда Кенджи легко мог разглядеть каждую складку на роже демона, пыль на ворсинках его гривы, темный песок, на который из раскрытой пасти капала слюна чудовища.

Кенджи замер — не двигалось и нуэ; наверное, они напоминали две статуи, пытающихся расколоть друг друга взглядом. Наконец, нуэ тихо рыкнул, точно кидая Кенджи вызов — и он принял его в тот же миг под радостный гул толпы. Вот только поднырнув под тяжелым хвостом, он ринулся не к ящику с искомыми флажками, а напротив — совершенно в другую сторону.

Нуэ, явно не ожидавший подобного, слегка замешкалось. Зеваки же оживились как никогда. Распалюемые собственными воплями и пойллом, они, видимо, подумали, что Кенджи просто струсил и решил покинуть ристалище ни с чем; думается, никогда после он не получит на свою голову такого количества гневных воплей, оскорблений и проклятий.

Но Кенджи, мысли которого занимали совсем не сердитые выкрики, и не думал бежать. Повесив прямо перед собой завесу из тьмы, он нырнул в нее и принялся ждать, пока нуэ подберется поближе. Оно же ворвалось за ним ревушим комом ярости и, заведев во тьме какое-то движение, набросилось на него с явным намерением разорвать наглеца на куски.

В самый последний миг Кенджи упал на землю — нуэ же влетело прямо в ограду. Один из столбов чуть накренился, но выдержал. Ошеломленное чудовище не сразу поднялось на лапы, ожесточенно мотая башкой и издавая тихий удивленный рык. Кенджи же, не мешкая, со всей возможной скоростью побежал к искомому ящику.

Когда нуэ окончательно пришло в себя, Кенджи уже покинул арену и куда большей наградой ему стали не возгласы с трибун — особо впечатленные зрители чуть ли не клялись назвать будущих сыновей в его честь — а скупая похвала Рю.

— Что ж, — произнес он, подергивая себя за бороду. — Конечно, ты, как и все прочие участники этого балагана, совершенно бездарно тратишь собственное мастерство на потеху всем этим болванам, но хотя бы пытаешься делать это красиво.

— Вот старикан все брюзжит, а когда за тобой зверюга гналась, он себе цельный клочок волос чуть от волнения не выдрал, — шепнул Макото на ухо Кенджи. — Я уж думал еще немного — и он сам туда полезет. Ох и не позавидовал бы я тогда твари — этот зануда ее б до смерти заболтал...

— Если что — со слухом у меня все в порядке, — проворчал Рю, у которого слегка покраснела шея.

Кенджи оставил их спор за спиной и направился к тихо переговаривающимся судьям.

— Поздравляю. Прекрасное выступление, — произнес Чикара, принимая из рук Кенджи флажок; после же главный советник повернул голову к Ичиро, что стоял от него по правую руку и сказал: — Боец вашего Дома пускай и не столь опытен, но пока что показывает

отличные результаты. Не даром многие пророчат ему победу в Турнире.

— Гордыня что камень на шею — легко взять, но трудно не сломиться под тяжестью, — заметил тот, однако все же холодно улыбнулся и наградил Кенджи коротким кивком; и если верить словам Макото, даже такая скромная похвала от его старшего брата была на вес золота.

— А еще говорят, что излишняя ворчливость — признак скорой старости, — хмыкнула Кин. — Ичиро, на мой взгляд ты излишне стараешься походить на своего отца — возможно ты уже и не помнишь, но в твои годы он еще не был таким занудой.

— Я просто пытаюсь быть непредвзятым, тету... госпожа Кумо, — слегка смущенно ответил тот и откашлялся в кулак. — Многие и без того считают, что мы подыгрываем бойцам наших Домов — так зачем же давать злым языкам лишний повод для сплетен?

— Люди здравые о таких глупостях и не задумываются, пустобрехов же ты не убедишь даже поклявшись могилами собственных предков, — отмахнулась Кин. — Поэтому не стоит тратить на них... Господин Хицу, кажется, у нас возникли кое-какие непредвиденные проблемы.

Кенджи оглянулся. От очередного участника удача не то, что отвернулась — закрыла глаза и ушла куда подальше. Молодой мужчина, кажется, из Дома Тигра, лежал на песке, стискивая зубы от боли. Из правой ноги его торчал обломок кости, песок вокруг вымок от крови, а на груди его зияла глубокая царапина. Сейчас нуэ сдерживали только несколько земляных элементалей, не дающих чудовищу приблизиться к хозяину, но тот, казалось, вот-вот потеряет сознание — и тогда тварь расправится с ним в считанные мгновения.

К чести Чикара, он не стал рисковать жизнью бойца, дабы потешить его самолюбие и потешить толпу. Несколько быстрых приказов — слуги открыли ворота и на ристалище высыпали стражники, вооруженные сетями, трещотками, мушкетами и кама-яри — длинными копьями, которые, помимо острия, имели также лезвия по бокам от него. Воины выученно выстроились полукругом и принялись медленно подбираться к стонавшему бойцу. Нуэ же лишь бешено размахивало хвостом, с каждым ударом по земле поднимая клубы пыли.

Но вот оно вдруг резко сорвалось с места, легко уклонила от оставшихся элементалей и ринулось прямо на стражу. Те подняли перед собой копья, грянули трещотки, которые должны были сбить зверя с толку, раздались выстрелы — но если пули и настигли цель, то не нанесли ей совершенно никакого урона. Нуэ, оттолкнувшись от земли мощными лапами, взмыло в воздух под испуганные крики толпы — и, грузно приземлившись, в тот же миг помчалось в сторону раскрытых настезь ворот.

Слуги попытались было захлопнуть их прямо перед мордой твари — но куда там; через мгновение они бросились врассыпную, чтобы не угодить в лапы зверя. При виде вырвавшегося на волю чудовища на трибунах началась настоящая паника. Нуэ же, ни на мгновение не задумавшись, огромными скачками понеслось прямо в сторону Чикара.

Кенджи и сам не успел понять, как и когда он успел вызвать теневого фантома. Казалось бы еще миг — и императору пришлось бы искать себе нового главного советника, так как то, что осталось от Хицу, с легкостью бы поместилось в ладони. Но двойник Кенджи, сотканный им из Тьмы, буквально на одно мгновение, но все же успел опередить нуэ, уже метящего в горло Чикара — и они оба покатались по земле.

Чудовище было подобралось для второго рывка — но выросшая прямо перед его носом земляная стена загородила Чикара от опасности; то на помощь подоспели императорские чаровники, а следом нуэ окружили стражники, что оглушили тварь древками копий и

накинули на нее прочные сети. Кенджи же бросился проверить Чиکارа — к счастью, тот оказался невредим, пускай и до смерти напуган.

— Кажется, я обязан вам жизнью, — дрожащим голосом произнес Чиکارа, отряхивая одежды от пыли. — Если бы не вы, я... — он содрогнулся, видимо, представив себя в когтях нуэ.

— Похоже тварь каким-то образом смогла избавиться от контролирующего ее ошейника, — произнес Кенджи и указал на лежавший в песке кожаный ремешок с поблескивающим камнем. — Вот только странно, что она выбрала в качестве жертвы именно вас.

— Не зря среди простого народа ходит поговорка, что при виде чиновника киснут не только торговцы, но и молоко в кувшинах, — выдавил слабую улыбку Чиکارа.

Зрители не без причины чествовали Кенджи, точно он уже одержал победу в Турнире. С не меньшим восторгом его встретили Сол и Макото — и радость первого во многом подогревало выигранное им пари. И только Рю выглядел скорее озадаченно и молча о чем-то размышлял, покусывая искусственный ус.

— Как тебе это удалось? — наконец сказал он, когда они все вновь вернулись в шатер.

— Что именно? — спросил Кенджи, наполняя кубок вином.

— Еще совсем недавно ты едва-едва мог призвать хотя бы одного двойника — теперь же делаешь это практически не раздумывая. Мало того — в последний раз ты сотворил не просто эфемерную иллюзию. Иначе как бы она смогла оттолкнуть в сторону того чинушу?

Кенджи в ответ лишь пожал плечами и сделал большой глоток. На этот вопрос он бы не смог ответить при всем желании, так как действовал скорее подсознательно, нежели осознанно. Оставалось лишь надеяться, что Червь преуспел в своих поисках и смог раздобыть хоть что-нибудь про эти сферы — Кенджи подозревал, что все дело именно в них.

К приятелю Рю они направились на следующий же день ближе к вечеру, заодно прихватив с собой Шуноморо. Часовая лавка ничуть не изменилась с прошлого раза. Разве что при виде уже знакомых лиц племянник господина Вона без лишних слов оторвался от трапезы и поспешил проводить их до скрытого прохода в подвал — пускай и бросая на Рю неприязненные взгляды, которые, впрочем, тот оставил без внимания.

— Не слишком дружелюбный малый, — заметил Шуноморо, следуя за друзьями; спуск по лестнице стал для него настоящим испытанием, так как даже согнувшись в три погибели он все равно то и делом бился лбом.

— Естественно, после того-то, как ему старикан чуть палец не оторвал, — произнес Макото, осторожно шагая по узким ступеням.

Шуноморо хмыкнул, но не стал задавать лишних вопросов. К тому же, только-только попав в зал, они сразу же увидели Червя, который сосредоточенно возился с какими-то колбами.

— Друзья, одно мгновение! — подождав, пока жидкость в узком сосуде не сменит темно-желтый цвет на зеленый, он задул под ним огонь и препроводил их в жилую комнату, где прямо посреди стола пузом кверху дрых тот же самый кот, который, казалось, за столь небольшой срок успел стать еще толще. После того, как они представили Шуноморо и Червя друг другу и разместились, последний произнес: — Как прошел вечер во дворце императора?

— Отвратительно, — признался Кенджи.

Выслушав его рассказ, Червь тяжело вздохнул и забарабанил пальцами по столешнице.

— Это весьма и весьма усложняет дело. Значит, нам нужен новый план — но сколько на него уйдет времени... Однако не спешите расстраиваться — я припас для вас новости получше. Во-первых, кажется, я сумел разгадать тайну той монеты, пускай и практически случайно. А во-вторых, у меня есть идея о том, как нам узнать побольше об этих сферах и силе, что в них скрывается.

Произнеся это, он достал из кармана круглые серебряные часы на тонкой цепочке.

— Помнится, ты упоминал некий голос, звучащий в твоей голове, — обратился Червь к Кенджи. — Что если я попробую достучаться до него и поговорить с ним? Когда-то давным-давно я знал одного монаха, который научил меня весьма любопытной технике гипноза. Это не магия — но и он может творить не меньшие чудеса.

Кенджи переглянулся с друзьями. Выражение лица Макото без лишних слов показывало его отношение к предложению Червя, Шуноморо, нахмутив брови, задумчиво потирал подбородок да и Рю не сказать чтобы выглядел сильно воодушевленным.

— Клянусь, это нисколько тебе не повредит, — сказал Червь. — Но выбор, разумеется, остается только за тобой.

Тяжело вздохнув, Кенджи кивнул. Как бы то ни было, что он теряет? Если же Червь окажется прав, они хотя бы узнают, кто так настойчиво пытается влезть в его разум. Приказав ему полностью очистить голову от лишних мыслей и не отрывать взгляда от часов, Червь принялся медленно раскачивать их на цепочке, с каждым мгновением делая это все быстрее и быстрее. Вместе с этим он тихо, но вкрадчиво вел с Кенджи неспешный разговор о каких-то пустяках; как то царившая за окном погода или городские сплетни.

Поначалу Кенджи следовал его словам едва ли не зевая от скуки. Но когда он уже решил было прервать этот эксперимент, посчитав его неудачным, он вдруг понял, что тело его живет точно отдельно от сознания, не слушаясь его приказов; и через несколько мгновений он перенесся из тесной комнаты в совершенно другое место...

Тянущиеся ввысь исполинские плиты, гладкие, без единого шва или неровности, почти упирались в небо. Они стояли бок о бок, плотными рядами, образуя замысловатый лабиринт. Кенджи поднимался вверх стоя на широкой платформе, что скользила вдоль спины одного из гигантов; делала она это столь бесшумно и до того быстро, что подобное было под силу лишь магии.

Кенджи огляделся. Непонятные сооружения, как и пространство между ними, то и дело вспыхивали разноцветными огоньками: зелеными, красными, ярко-голубыми, фиолетовыми. Иной раз их становилось столь много, что они невольно складывались в самые разнообразные фигуры — от совсем незамысловатых, до весьма сложных. Кто-то по-дружески похлопал Кенджи по плечу. Он повернул голову и...

Предстал перед огромными воротами, столь величавыми, что при одном взгляде на них захватывало дух. Створок не было: вместо них меж двух огромных колонн, испещренных замысловатыми символами, прямо в воздухе висела черная гладь, походившая на зеркало. Один за другим соратники Кенджи ступали сквозь нее, оставляя после себя лишь легкую рябь. Когда наступил его черед, он оглянулся, чтобы в последний раз увидеть родной мир и сделал шаг...

... вылетевший из посоха кроваво-алый луч срезал крыло твари почти под корень. Взревев от боли, она, успевши взлететь едва ли на десять локтей, рухнула наземь — и огромная туша, покрытая прочной словно броня чешуей, содрогнулась в последний раз, когда ее череп разбил огромный молот. Стальной гигант перехватил свое могучее оружие и бросился обратно в схватку, Кенджи же кинул взгляд на кристалл в набалдашнике. Некогда ослепительно яркий, сейчас он представлял собой жалкое зрелище — весь потрескавшийся и почти потухший, казалось, готовый распасться на куски в любой момент.

Отбросив в сторону скипетр, ставший бесполезной дубиной, Кенджи окинул взглядом поле боя и стиснул зубы от злости. Широкое плато, испещренное пылающими кратерами и глубокими бороздами, было просто усеяно останками летающих огнедышащих чудовищ. Но что толку? Можно было уничтожить сотни, нет, наверное, даже тысячи этих тварей, однако место падшей тут же занимало двое ее сородичей.

Они обрушивали на противников огненный дождь, выжигали их кислотой, разворачивали землю, обрушивая в бездну сделанных на скорую руку железных гигантов, которые, увы, были слишком тупы, чтобы суметь предвидеть и избежать столь очевидную ловушку. Ревущие ледяные бури превращали плоть в кусок льда, а огромные волны, пронесшись по суше, не оставляли за собой ничего, кроме разрушений.

Вряд ли бы хоть кто-то смог вспомнить, кто начал эту войну, но вполне могло стать, что победителей в ней не будет... Плевать. Кенджи уже давным-давно смирился с неизбежным поражением, и единственное, что его волновало — забрать с собой как можно больше этих уродливых созданий, чья цивилизация, невзирая на разум, повадками своими и образом жизни походила скорее на зверей.

Кенджи при всем бы желании не смог сказать, сколько длилась эта бойня, охватившая весь материк. Когда они ступили на эту землю? Месяц тому назад? Год? Два? Три? Время здесь тянулось бесконечно медленно и он бы не удивился, узнав, что прошли десятки, если не сотни веков.

Размышляя об этом, он ступал по длинному коридору, уходя все глубже под землю. Кенджи столько раз проделывал этот путь, что ноги несли его сами; на очередной развилке он не раздумывая выбирал верный путь, а оказавшись перед нужными дверьми машинально приложил ладонь к гладкой пластине на стене.

Большой вытянутый зал встретил его холодной тишиной. Лишь только мерно гудел под потолком тусклый светильник, освещая останки железных гигантов, которых, быть может, еще удастся вернуть в строй, однако Кенджи... Уже подойдя к крепкому столу, он замер — почему он вообще называет себя этим странным именем? Его же зовут...

В этот самый момент он вдруг ощутил чье-то присутствие. Он резко обернулся — но, разумеется, в зале кроме него не было ни души. Тем не менее он взял стоявший у ближайшей колонны скипетр и заученным движением привел его в боевую готовность. Не доведенное до ума оружие, конечно же, могло сыграть с хозяином злую шутку, разнеся все вокруг в пыль — но лучше так, чем встречать противника с голыми руками.

— Кто ты? — послышался чей-то незнакомый голос.

— Могу задать тебе тот же самый вопрос, — процедил Кенджи, силясь понять, где находится чужак; казалось, голос, тихий, будто шелест, разносится со всех сторон, отдаваясь эхом от стен и потолка.

— Кто ты? Как тебе зовут? — продолжил допытываться незнакомец. Кенджи невольно покачнулся, опершись на скипетр, точно на клюку. Странное и весьма неприятное ощущение. словно бы некто залез прямо ему в голову, рассматривая, слушая, наблюдая. Как червь прогрызающий себе дорогу; и с каждым мгновением ощущение это только усиливалось, вскоре став воистину невыносимым.

— Покажись! — рыкнул Кенджи. Его череп словно стискивали щипцами, в ушах зазвенело, а ослабевшие пальцы едва-едва удерживали оружие. Он знал, что эти твари могли общаться с помощью мыслей, не прибегая к звукам или жестам. Но пробиться в спрятанное глубоко под землей убежище, каждое помещение в котором было отделано особым материалом, пока что не удалось ни одной. Неужто они нашли способ каким-либо образом обойти защиту?... Немыслимо...

— Назови мне свое имя! — голос перерос в крик, что отбросил Кенджи на пол, словно удар. Перепонки его, казалось, вот-вот лопнут и он не мог думать ни о чем другом, кроме этой боли, вспышками пронзающей каждую частичку его тела.

— Имя!

Кенджи взвыл и, ощутив под рукой ребристую рукоять, ухватил посох и направил его в потолок. Он был готов обрушить его себе на голову или же и вовсе приставить скипетр к виску и отправиться к праотцам. Все что угодно, только бы прекратить эту пытку.

Перед глазами вдруг одна за другой начали мелькать картины из прошлого.

Гигантские плиты, горящие сотнями огней, первый шаг на незнакомую землю, проклятье, как же больно, огромная крылатая тень, накрывшая их лагерь спустя несколько дней, всевышние, помогите, струя огня, заживо зажарившего одного из них, на скорую руку выстроенные бастионы, осыпающиеся пеплом под градом заклинаний, вопль боли, сотрясший воздух, когда одну из тварей пронзили снаряды десятка орудий, их ряды тают, оставшиеся уходят все глубже и глубже на север, где возводят последний бастион защиты...

Кенджи глубоко вдохнул и задался в приступе кашля, когда в ноздри и рот ему вместо воздуха вдруг хлынула вода, пронзая легкие сотнями ледяных иголок. Отплевавшись, он вытер губы тыльной стороной ладони и, оглядевшись, сразу и не понял, где он находится.

Казалось, еще мгновение назад он стоит посреди огромной залы, сжимая в руках странное оружие. Чей-то знакомый голос, всепоглощающая боль и жалкие обрывки воспоминаний, сменяющих друг друга так быстро, что он забывал их еще до того, как успевал осознать, что именно он увидел.

И еще он хорошо запомнил ярость, клокочущую у него внутри, которая готова была вырваться наружу в любой миг и обрушиться на каждого, кому не посчастливится оказаться у него на пути. Чьи-то сильные руки осторожно подняли его на ноги, усадили в кресло и вручили бокал, который Кенджи осушил практически залпом. И лишь после третьего, когда по нутру его разлилось приятное тепло, а в голове слегка зашумело, он вспомнил, кто он и зачем сюда пришел.

— Я сразу сказал: твоя идея — дрянь, — заявил Рю. — Хорошо еще, что он очухался, а не копыта откинул. Ты представляешь, чего бы нам стоило избавиться от тела?

Сложно было сказать, шутит он или говорит всерьез. Однако у Кенджи действительно было такое ощущение, что он чуть не отправился к праотцам.

— Тем не менее, отчасти она сработала, — возразил Червь, пускай и порядком смущенный; усевшись напротив, он кинул на Кенджи внимательный взгляд: — Кто бы это ни был, мы смогли поговорить с ним. Пускай и совсем немного. Как ты себя чувствуешь?

— Отвратительно, — признался Кенджи и сделал большой глоток. Наверное, напиваться сейчас — не лучшая идея, однако вино хоть немного привело его в чувство. — Что вообще произошло? Я потерял сознание?

— Не совсем, — встрял в разговор Макото. — Поначалу ты просто пялился на те часы, словно на чудо чудное. Видел бы ты себя со стороны — глаза лупишь, что лягушка, рот раскрыт, разве что слюну не пускаешь. А потом ты вдруг на пол повалился. Хорошо, что здоровяк тебя подхватить успел, иначе ты бы непременно башку разбил. После...

— Началось как раз самое интересное, — перебил его Червь. И надо сказать, он точно нарочно выбрал наиболее неподходящее слово для того, что произошло с Кенджи. — Ты — хотя скорее всего это был тот, чей голос ты иногда слышишь — бормотал о каком-то потерянном доме, летающих чудовищах, сеющих смерть с небес и осыпал проклятиями неких старейшин. Уж не знаю чем они тебе так насолили, но в выражениях ты не скупился. Я попытался было выйти на связь с этим существом, однако оно перешло на язык, которого, увы, я не понимаю.

— Жуткое зрелище, — сказал Макото. — В тебя словно разом тысяча бесов вселилась. Ты что, вообще ничего не помнишь?

— Я... — перед Кенджи вновь промелькнули все те картины и его опять замутило. — Нет. То есть да, но... Давай лучше вернемся к той монете. Тебе удалось что-нибудь разузнать?

Казалось, Червь остался слегка разочарован, однако спорить не стал. Вместо этого он сходил за шкатулкой, поставил ее на стол и аккуратно приподнял крышку.

— Надо сказать, задача выдалась не из легких и разгадал я ее практически случайно. Весьма и весьма древняя ворожба, повторить которую сегодня не смогли бы, наверное, и лучшие колдуны Дома Паука. По сути это просто чары для слежки — но нанесенные на золото столь умело, что обнаружить их, не зная об этом, почти невозможно. Когда-то наиболее могущественные Дома использовали их для защиты сокровищ. С помощью этого колдовства можно легко отыскать воришку и предать его заслуженной каре.

— То есть ты хочешь сказать, — задумчиво произнес Кенджи, глядя на монету,

покоящуюся на бархате, — что тот, кто передал золотой, с его помощью надеялся выследить меня?

— Скорее всего, — ответил Червь. — Во всяком случае, каких-либо других версий у меня нет.

Что ж, это имело смысл. Возможно Жнец, пославший по душу Кенджи нечто, принявшее облик Тсотуму, решил использовать монету в качестве приманки. Именно поэтому несчастный трактирщик стал невольной жертвой чудовища — ведь именно он какое-то время носил золото с собой. Вот только почему тогда это существо до сих пор не явило себя? Как оказалось, этот вопрос пришел в голову не ему одному.

— Если все так, то почему тогда оборотень еще не завалился в гости к кому-нибудь из нас? — сказал Макото. — Как никак монета была у нас какое-то время.

— Видимо, Ловушка Сеноби блокирует действия чар, — пожал плечами Червь. — Так что если вы хотите найти это... создание — просто выньте монету из шкатулки, положите в карман и немного подождите. Уверен, встреча не заставит себя ждать.

Кенджи от всей души поблагодарил его за проделанную работу. Червь лишил их как минимум одной головной боли, так как разыскивать по всему Каноку существо, умеющего принимать чужой облик — непосильная задача. Признаться, у Кенджи возник соблазн решить этот вопрос прямо сегодня, но хорошенько подумав, он решил повременить. Во-первых, он уже успел схлестнуться с этой тварью и хоть она явно избегала схватки, тем не менее, ему чуть не переломали кости. Что же будет, коли это создание станет драться в полную силу? Поэтому следовало тщательно обдумать место для засады и хорошенько подготовиться. Во-вторых, прежде чем устраивать бойню в городе, следовало предупредить Нобу. Тем более, что Кенджи обещал ему найти убийцу Тсотуму. И вряд ли Хо поверит в его рассказ, не увидев это создание воочию.

Да, спешить не следовало, однако лишний день промедления мог стоить еще одной невинной жизни, так что и откладывать встречу с оборотнем не стоило. Своими размышлениями Кенджи поделился с прочими и вот тут мнения разделились. Шуноморо и Макото готовы были принять бой хоть здесь и сейчас. Червь не слишком разделял их энтузиазм, справедливо заметив, что они практически ничего не знают ни об этой твари, ни о том, что она из себя представляет. Он не мог припомнить создание, способное так легко перевоплощаться в чужую шкуру, поэтому пообещал поискать информацию в собственных архивах. Однако и это займет время. Рю же и вовсе заявил, что лучше всего утопить эту монету в ближайшей сточной канаве и позабыть о ней как о страшном сне, ибо проблем у них и без того навалом.

И надо сказать, каждый из них был по-своему прав.

Солнце уже зашло, погрузив город в сумерки, так что они распрощались с Червем и вышли на улицу, где спустя пару кварталов пути их разошлись. Макото, случайно повстречав каких-то дружков, направился с ними в ближайший кабак. Он был позвал друзей с собой, но у Шуноморо нашлись свои планы, у Кенджи участвовать в попойке не было ни сил, ни желания, Рю же и вовсе просто-напросто проигнорировал его предложение. Впрочем, вряд ли тот остался сильно расстроен. Так что уже вскоре Кенджи и Рю вышагивали вдвоем, вдыхая хладный ночной воздух. Узнав, что старик ночует в какой-то очередной дыре, Кенджи предложил было ему остановиться в резиденции Змея — вряд ли старший Такэга откажет ему в гостеприимстве — однако тот ответил решительным отказом.

— Не думаю, что Каташи сильно обрадуется моей компании, — хмыкнул Рю. — Так что

не будем проверять его терпение лишний раз. Тем более, с подобным наследником оно ему еще ой как понадобится.

— Чем тебе так не угодил отец Макото? — полубопытствовал Кенджи. — Мне Каташи кажется вполне порядочным человеком.

— Порядочность и честь — любимые предлоги, чтобы спрятать за ними истинное лицо, — усмехнулся Рю. — Я не хочу бередить старые обиды, но сажать в одну банку змею и скорпиона — весьма дурная идея. Лучше скажи, тебе случайно не знакомы те любезные господины, что идут за нами аж от лавки Червя?

Кенджи, сделав вид, что споткнулся, успел на миг оглянуться. И действительно — за ними по улице скользили четыре тени, явно не желающие, чтобы их обнаружили. Обменявшись быстрыми взглядами, Кенджи и Рю нырнули в ближайший проулок и запетляли по задворкам, дабы сбить след, но погоня не отставала. Напротив — вскоре до них явственно донесся топот тяжелых сапог.

— Настырные попались ребята, — пробурчал Рю. — Быть может, подождем их и поинтересуемся, чем заслужили такое внимание?

Кенджи не успел ответить, как в воздухе над его головой просвистели стальные звездочки, с хрустом воткнувшись в чьи-то запертые ставни. Кенджи и Рю, не сговариваясь, отпрыгнули в разные стороны и притаились; однако их преследователи не спешили нападать, явно выжидая наилучший момент. Какое-то время над квадратным двориком, где они спрятались, висела звенящая тишина, прерываемая лишь чьим-то отдаленным нестройным хмельным пением, но потом раздался короткий крик — и незнакомцы ринулись в атаку.

Кенджи не успел сделать и шага, как навстречу им вылетел Рю. При этом вылетел в буквально смысле этого слова — ловко уйдя в сторону от нескольких выпущенных в его сторону сюрикенов, он взмыл в воздух и коленями ударил в грудь первого противника, отлетевшего назад на добрую дюжину локтей. Второму повезло немногим больше — с легкостью увернувшись от взмаха меча, Рю чередой быстрых ударов отправил его к приятелю.

Двое других преследователей в нерешительности застыли на месте, не зная, что предпринять. С одной стороны напротив них вроде бы стоял тщедушный старик, ростом приходящийся каждому из них едва ли по плечо. С другой же он только что отправил в отключку двух верзил, весящих вдвое больше него и даже не запыхался. Но вот наконец один из них выбросил в сторону Рю руку — тот сделал едва уловимое взгляду движение, внимательно осмотрел пойманную им железную звезду и вопросительно поднял бровь.

Трезво оценив свои силы, чужаки подняли на ноги стонущих приятелей и скрылись столь же быстро, как и появились. Интересно, размышлял Кенджи, настанет ли тот миг, когда они смогут просто прогуляться по городу или, не рискуя нарваться на наемных убийц или очередного демона? С их тенденций влипнуть во все новые неприятности — вряд ли. Но и со скуки им помереть явно не суждено...

— Не слишком-то они и настырные, — хмыкнул Кенджи, подходя к Рю. — Ты как, цел?

— Видишь? — буркнул тот, не ответив на вопрос, и показал ему сюрикен; приглядевшись, Кенджи увидел, что каждый «луч» его был испещрен множеством зазубрин. — Такие «сувениры» любят преподносить Проклятые.

Кенджи на миг представил, как один из этих «подарочков» вонзается в его тело и с шумом сплотнул. В лучшем случае ты отделаешься уродливым шрамом, в худшем же... И

только сейчас до Кенджи дошел истинный смысл слов Рю.

— Не может быть, — нахмурился Кенджи. — Синоби лично пообещали мне мир и срок еще не истек. Ты точно уверен, что подобным оружием не может пользоваться кто-либо другой?

— Абсолютно. Это, скажем так, одна из наших... то есть их отличительных «подписей». Так что одно из двух: либо же Проклятые перестали держать данное ими же слово, — сказал Рю, — либо же кто-то пытается водить нас за нос.

— Думаю, есть лишь один способ это выяснить, — произнес Кенджи. — Найти того нищего калеку и попросить его отвести нас на встречу с Проклятыми.

— Неплохое предложение, — кивнул Рю. — Займемся этим завтра. Жду тебя ровно в полдень на торговой площади. Не опаздывай.

С этими словами, даже не попрощавшись, он скрылся за углом. Кенджи же было отправился спать, ибо после произошедшего у Червя чувствовал он себя препаршиво и буквально валился с ног от усталости, но... Ноги сами понесли его в сторону купальни, где, если верить Проклятым, он мог найти того таинственного Белого Лиса, о котором перед смертью упомянул его отец. Интересно, кто он? Старый друг или новый враг? Выяснить это можно было лишь при встрече.

«Жемчуг и пламя» входил в то редкое число заведений, где с одинаковой вероятностью можно было как встретить любовь всей своей жизни, так и получить нож под ребра. С одной стороны, побрякушкам и нарядам некоторых из гостей могли позавидовать самые известные столичные модники. С другой — обстановка внутри явно оставляла желать лучшего, так что было непонятно, отчего все эти богатеи не выбрали себе кабак получше. В одном углу гудела компания, состоящая из членов Великих Домов, купцов и чиновников, а в соседнем шушукались весьма подозрительные личности, кидающие на всех вокруг цепкие взгляды, не предвещающие ничего хорошего тем, кому они предназначались.

Однако Кенджи пришел сюда с вполне конкретной целью. Поймав за рукав пробежавшего мимо слугу, несущего поднос с пустой посудой, он спросил:

— Эй, где я могу найти здесь человека по имени Белый Лис?

— Кого? — чересчур наигранно произнес паренек, покуда глаза его метались туда-сюда как испуганные мыши. — Тут таких не водится, господин. Прошу прощения.

Вывернувшись из его пальцев, он поспешил убраться восвояси. Следующий слуга сбежал от него еще раньше, третий и вовсе не стал с ним разговаривать, так что Кенджи, уже потеряв надежду, направился к выходу, когда его остановил чей-то свистящий шепот:

— А тебе видно жизнь не мила, раз ходишь тут и такими вопросами налево и направо раскидываешься?

Кенджи оглядел незнакомца, который стоял прислонившись спиной к толстой деревянной балке. Фигура и голос его показались Кенджи до боли знакомыми, но вот лицо обратившегося к нему скрывал широкий капюшон.

— Видишь вон тех парней? — чужак кивнул в сторону стола, за которым сидела троица крепко сбитых мужчин, играющих в кости. Они будто бы были целиком и полностью заняты игрой, но нет-нет да поглядывали в их сторону, обмениваясь быстрыми фразами. — Местные вышибалы. И сдается мне, твое настойчивое любопытство не слишком-то им понравилось.

— Я переживу, — ответил Кенджи. — Мы знакомы? Если нет — откуда такая забота?

Поколебавшись несколько ударов сердца, незнакомец на короткий миг снял капюшон

— и после накинул его вновь.

— Уверен, что ты переживешь обиду этих ублюдков, — сказал Стервятник. — И точно также уверен, что ее вряд ли переживут они, когда попытаются вызнать, зачем тебе вдруг понадобится лучший боец госпожи Шикучи и откуда ты вообще узнал это имя. Однако не думаю, что тебе, как участнику Турнира и члену Дома Змея, принесет пользу подобная шумиха. Уж поверь моему горькому опыту.

— Боец? — наострил уши Кенджи. — Ты что-то знаешь о Белом Лисе?

— Не слишком многое, но явно больше, чем ты, — Стервятник отлип от балки. — На твоём месте я бы воспользоваться выходом для слуг. Он находится в соседнем зале. И поспеши, пока тут не стало жарковато.

Произнеся это, он скользнул сквозь толпу и скрылся из вида. Кенджи же поспешил воспользоваться его советом, как та самая тройца, позабыв про кости, уже направлялась к нему, расталкивая локтями других гостей. Незамеченным пройдя сквозь неприметную дверку, Кенджи выскочил на задний двор и уже было поспешил убратсья подальше, как вдруг совсем неподалеку раздался душераздирающий вопль, громкая ругань и звуки ударов. Вряд ли в этой части Каноку такое в диковинку, так что Кенджи бы не обратил на шум внимания, если бы не знакомый голос, выкрикивающий мольбы о пощаде. Тяжело вздохнув, Кенджи направился в сторону потасовки, понимая, что, скорее всего, ему еще придется горько пожалеть о своем решении.

Что удивительно, он оказался и прав, и не прав одновременно.

В замызганном тупичке Кенджи обнаружил четырех мужчин. А точнее сказать — трех с половиной, ибо одним из них был его «партнер» по имени Сол Йотоко собственной персоной. Пуча глаза, он бешено дрыгал ногами и задавался громкими воплями, покуда его за шкуру придерживал в воздухе бугай с квадратной челюстью, словно бы вытесанной из камня. Второй здоровяк — похожий на своего приятеля как две капли воды — в этот самый момент рылся в сумке коротышки. Третьим был худощавый сгорбленный мужчина лет сорока, с длинным носом и тонкими усиками, которые, вкупе с привычкой то и дело с шумом принюхиваться, делали его похожим на крысу.

Завидев Кенджи Сол возопил еще громче — но теперь в голосе его звучала искренняя радость и облегчение:

— Господин Кенджи, хвала богам! Эти негодяи пытаются огра...

— Заткни пасть! — рявкнул держащий его за ворот здоровяк и хорошенько встряхнул.

— Что здесь происходит? — спросил Кенджи, предчувствуя неладное; и, увы, как обычно оказался прав.

— Не твоего ума дела, франтик, — сплюнул на землю крысopodobный, пред тем окинув его долгим взглядом и, видимо, не посчитавший проходившего мимо свидетеля за угрозу. — Как топал себе мимо, так и топай. Целее останешься. Эй, ты чего там возишься?! — прикрикнул он на верзилу, что копошился в вещах Сола. — Как я слышал, этот прощельга за последнее время успел обзавестись деньжатами, да неплохими. Вытряхивай все на землю и дело с концом.

— Позволю заметить, что господин Сол знаком с магистратским мэцукэ Нобу Хо, которому вряд ли понравится, что на улицах его города грабят честных граждан, — Кенджи попытался решить дело миром, воззвав к благоразумию негодяев, но потерпел крах.

— Позволю отметить, что мэцукэ со своим магистратом могут поцеловать меня в задницу, — лишь фыркнул тот. — В последний раз предупреждаю: вали отсюда и поживее, покуда на своих двоих это делать можешь. Иначе мои ребятки быстро научат тебя не влезать в чужие разборки.

— Слухай, Двухпалый, — с сомнением протянул бугай, держащий Сола. — А это случайно не тот самый выскочка, который расправился с Йоши и Черепами?

— Послушайте своего подручного! — поддакнул ему коротышка, дергая ногами с такой скоростью, точно он пытался пробежать по воздуху. — Господин Кенджи — весьма и весьма солидный человек, и я, как представляющий его интересы, имею полную неприко...

— Умолкни, — цыкнул Двухпалый. Бугай еще раз хорошенько встряхнул Сола, да с такой силой, что бедолага невольно клацнул зубами, его командир же смерил Кенджи еще одним долгим взглядом, но теперь куда более заинтересованным, оценивающим. — Так это и вправду ты? Странно, я думал человек, отправивший на тот свет Дробителя, выглядит чуть посolidней. Быть может, вправду говорят, что Йоши прикончили его же люди, а какой-то хитрец умело прибрал к рукам чужую славу...

— Один из моих друзей, который помог мне разбить Черепов, забрал себе молот Йоши, — невозмутимо ответил Кенджи. — Другой же забрал себе его пистолеты. Сразу же после того, как мы с ним отправили на тот свет они по имени Гуло и подняли на воздух его логово. Если хочешь — они любезно продемонстрируют свои приобретения на деле.

— А тебе, стало быть, трофеев не досталось? — ехидно поинтересовался Двухпальный, но выглядел он уже куда менее уверенно, да и у его здоровяков заметно поубавилось прыти. Один из них нервно теребил пальцами рукоять дубинки, что висела у него на поясе, другой же соизволил опустить Сола на землю, к пущей радости последнего.

— Мне вполне хватает кулаков, — ответил Кенджи.

На какое-то время в проулке повисла тишина. Обидчики Сола явно не хотели драться, да оно и понятно. Одно дело — трясти и запугивать безобидного толстячка и совсем другое — выступать против кого-то, кто может дать сдачи. Неизвестно, чем бы закончилась эта немая сцена, так как раздался громкий топот — и из-за угла выскочили те самые угрюмые парни, что следили за Кенджи в купальне. Судя по всему, они были знакомы с Двухпальным и его прихвостнями, причем неплохо, так как один из них сразу же его окликнул:

— Эй! Ты знаешь этого сопляка? Он тут ходит вынюхивает про Белого Лиса.

— Нет, но сейчас узнаем, — усмехнулся тот и кинул: — Взять его. Живым, но не обязательно целым.

Нежданное подкрепление явно вернуло задирам их былую решительность, так что бугай, шагнувший к Кенджи, даже и не пытался снять с пояса свою дубину. Зря — не успел он протянуть к нему руку, как тут же отправился в короткий полет, закончившийся ближайшей стеной. Двигался здоровяк столь вяло и медленно, что Кенджи наверное смог бы проделать это с закрытыми глазами; сам же он вновь принял прежнюю невозмутимую позу еще до того, как верзила осел на землю.

Какие-то мгновения все прочие чужаки в удивлении смотрели на павшего приятеля, точно решив, что он решил их разыграть. А потом бросились в атаку. Без единого звука, молча, намеренно беря Кенджи в кольцо и отрезая ему малейший путь к отступлению. Сложно спорить — наверняка каждый из них был настоящим ветераном уличных драк и кабацких побоищ, и оставил позади немало выбитых зубов и сломанных пальцев, вот только вряд ли даже самый талантливый задира сможет помериться силами с мало-мальски опытным воином.

Коварные удары, метящие в кадык, локоть, колено или пах Кенджи отбивал почти что играючи. Численное преимущество противников сыграло с ними злую шутку. Явно не привыкшие работать в команде, они скорее толкались и мешали друг другу, нежели помогали. Каждое же движение Кенджи, выверенное, четкое, хладнокровное, являло собой отточенное па смертельного танца, в конце которого на ногах должен был остаться только один.

Спустя короткое время в пыли и грязи лежало уже трое бандитов, постанывающих от боли. Оставшиеся изрядно поумерили пыл. И если в начале схватки они старались покончить с дерзкие выскочкой, посмевающим бросить им вызов, как можно быстрее, то теперь они скорее защищались, а не нападали, внимательно следя за Кенджи и держа безопасную дистанцию.

— Олухи! — рявкнул Двухпальный, завидев, как еще один верзила падает наземь без сознания. — Вы что, не в состоянии справиться с одним недоноском?! Смотрите и учитесь!

Произнеся это, он выхватил из-за пояса кривой нож и бросился на Кенджи. Оставшиеся на ногах головорезы, внимательно следившие за происходящим, действительно получили разом несколько важных уроков. Первый: горсть песка, коварно кинутая в глаза противника перед атакой, может сработать против ничего не ожидающего человека, но не тренированного бойца, которому достаточно лишь наклонить голову и сделать шаг в

сторону. Второй: во время схватки лучше беречь дыхание, а не тратить его на всевозможные ругательства. И третий, последний, но не менее важный — всегда стоит адекватно оценивать свои силы, дабы не оказаться лицом в пыли с заломанной рукой.

Незнакомцы быстро учились — и вот в улочке остался лишь Кенджи, верещащий от боли Двухпалый и задыхающийся от восторга Сол, который к тому времени успел собрать все свои пожитки.

— Господин Кенджи! — толстячок едва ли не подпрыгивал на месте от возбуждения. — Это было... было... было... вы просто обязаны научить хотя бы парочке приемов!

— Я познакомлю тебя с человеком, который умеет куда больше, — ответил Кенджи и не сдержал усмешку, представив себе Рю, гонящего Сола по тренировочному двору.

— Звучит заманчиво! Жду не дождусь. Как бы то ни было — я ваш вечный должник. Что же касается вас, господин Двухпалый, — Сол кинул опасливый взгляд на барахтающегося на земле бандита. — Как видите, я не врал, когда говорил, что у меня появились о-о-чень серьезные друзья. Верно ли я полагаю, что на этом наше, скажем так, «сотрудничество» можно считать закрытым без каких-то взаимных расчетов?

— Да я тебя из-под земли достану, ты... — прорычал было тот, но когда Кенджи чуть сильнее вывернул его кисть, мигом сменил тон: — Ладно, ладно! Катись к бесу, ты мне ничего не должен. Клянусь могилой папаши, хоть я его ни разу и не видел.

Поправив ремень сумки, Сол растворился в ближайшем проулке. Кенджи же решил воспользоваться ситуацией и получить ответы на интересующие его вопросы:

— Ты знаешь госпожу Шикучи?

— Издеваешься? Здесь ее любая псина знает, — огрызнулся Двухпалый. — Спросил бы еще, как нашего императора зовут.

— А я — не псина, — с угрозой произнес Кенджи. — Так что если хочешь получить свою руку в целости и невредимости, постарайся отвечать поподробнее.

— Шикучи — владелица «Жемчуг и пламя», — затараторил Двухпалый. — А также еще нескольких купален и игорных домов. Родители отдали ее в гейши почти ребенком за несколько пригоршней риса и уже к семнадцати годам она дослужилась до главной, а еще через пару лет стала любовницей Шена из Предгорья — когда-то в Каноку он был крупным воротилой. После смерти Шена Шикучи прибрала к рукам все его делишки, и не только не разорила, но приумножила в несколько раз. Умная баба, ничего не скажешь, — в его словах зазвучало неподдельное уважение.

— Местные бандиты стали слушаться женщину? — хмыкнул Кенджи. — Да еще бывшую гейшу?

— Не сразу, конечно, но в конце концов пусть со скрипом, но признали. А те, кто нет, как-то очень быстро закончились, если ты понимаешь, о чем я.

— Белый Лис — один из ее головорезов? — спросил Кенджи.

— Не, — ответил Двухпалый. — В «Жемчуге и пламени» иногда проводятся подпольные бои и Белый Лис считается их негласным чемпионом. Сорок девять драк и ни одного поражения — старый хрыч уже, а крепкий, хоть гвозди делай. Слушай, может ты уже меня отпустишь? Дружка твоего ни я, ни мои ребята и пальцем не тронут, я пускай и вор, но вор честный, если слово дал — держу.

— Отпущу, — кивнул Кенджи. — Но только после того, как ты приведешь меня к госпоже Шикучи.

— Ты сдурел?! — Двухпалый кое-как вывернул шею и взглянул на Кенджи словно на

полоумного. — К таким людям без приглашения являться — смерти подобно. Сначала с тебя шкуру сдерут, а потом и с меня за компанию. Не-е-е-т, брат все что хочешь проси, только не это.

— Увы, ничего более мне не нужно, — Кенджи слегка надавил на вывернутую руку Двухпалого, отчего тот тихо зашипел и заерзал на земле. — Так что я готов рискнуть.

— Ладно, хочешь в канаве с перерезанным горлом к утру плавать — твоя воля, — буркнул Двухпалый и, получив желанную свободу, принялся растирать больную конечность. — Следуй за мной.

Они вернулись в «Жемчуг и пламя». Увидев Кенджи в компании Двухпалого, на того со всего зала устремились десятки взглядов — но тот, показав тремя пальцами круг, видимо, дал знак, что все в порядке, так как интерес к ним тут же угас. Двухпалый уверенно двинулся в самый дальний и темный угол, где находилась крепкая дверь с небольшим вертикальным окошечком. Двухпалый постучал два раза, немного подождал и ударил кулаком еще три раза. Пластина отодвинулась в сторону.

— Мой приятель из Дома Змея нижейше просит аудиенции госпожи Шикучи, — произнес Двухпалый еще до того, как прозвучал вопрос.

Окошечко вновь закрылось и они принялись терпеливо ждать.

— Мне не хотелось бы втягивать в личные дела свой Дом, — нарушил молчание Кенджи.

— Уже втянул, — буркнул Двухпалый и широко зевнул. — К тому же, так у тебя хоть какой-то шанс добиться встречи. Иначе никто бы и слушать не стал, чего ты там хочешь.

Наконец дверь растворилась и крепкий парень с дубинкой на поясе повел их вниз по крутой лестнице — но пред тем заперев замок и всучив Кенджи в руки деревянную маску в виде обезьяньей морды.

— Тут частенько проводят время разные чинуши, которые тщательно скрывают свои излюбленные увеселения, — пояснил Двухпалый, заметив, как Кенджи в недоумении вертит в руках поделку. — Лицами светить им тут опасно для репутации, так что «Жемчуг и пламя» всеми силами пытается сберечь богатеньких придур... то бишь гостей, хе-хе.

Что ж, вполне разумная идея, так что Кенджи на всякий случай надел маску. Их провожатый за все время не произнес ни слова, ведя их длинными темными коридорами. И вот они очутились в большом зале, где на изящном кресле с высокой спинкой сидела хрупкая женщина лет тридцати, не больше: с большим пучком на затылке, из которого торчали две иглы и в длинном, почти до пят, платье. На первый взгляд могло показаться, что здесь кроме их троих никого нет — их неразговорчивый проводник покинул их практически сразу — но спустя мгновение Кенджи заметил вооруженного взведенным арбалетом человека; и он был уверен, что тот здесь не один.

Сделав несколько шагов к «трону», Двухпалый бухнулся на колени и уткнулся лбом в пушистый ковер:

— Госпожа Шикучи! — взвыл он, да так, что Кенджи невольно вздрогнул от неожиданности. — О красоте твоей слагают песни, смекалке позавидует даже леса, а ум твой острее любого меча. Талия твоя подобна веточке, а ноги...

— Довольно, — произнесла Шикучи и Двухпалый тут же умолк. — Языком ты владеть умеешь, это ни для кого не секрет. А кто же твой друг? Кажется, я его раньше здесь не видела.

— Меня зовут Кенджи из... не важно, госпожа, — тот слегка замялся, не желая сходу

выдавать себя и склонил голову; не слишком низко, чтобы лишь выразить почтение, не более.

— Никогда не слышала о городе или деревне под названием «Не важно», — Шикучи усмехнулась. — Наверное, красивое место.

— Оно весьма неплохо для того, чтобы его упомянуть, но не слишком для того, чтобы докучать вам рассказами о нем.

Откинув голову назад, Шикучи звонко рассмеялась и смех ее серебряным звоном отозвался от стен и потолка. Напряжение в воздухе заметно спало и даже Двухпалый осмелился подняться на ноги.

— Во всяком случае, манерам там учат, — Шикучи закинула одну ногу на другую. — Что ж, Кенджи из Не важно, вряд ли ты пожаловал ко мне только чтобы позабавить беседой.

— Это так, — сказал он. — Я слышал, что в «Жемчуге и пламени» проводятся бои, в которых иногда принимает участие человек, известный под именем Белый Лис. Я хочу встретиться с ним и поговорить.

После его слов в зале наступила звенящая тишина. Шикучи, подперев подбородок кулаком, смотрела на него внимательным оценивающим взглядом сквозь полуприкрытые веки, Двухпалый же, судя по виду, хотел только одного — оказаться как можно дальше отсюда.

— Многие лишались головы и за меньшее, — проворчал кто-то позади Кенджи. — Этот сопляк то ли слишком тупой, то ли чересчур храбрый.

— Похрабрее того, кто предпочитает оскорблять людей, укрывшись темнотой, — спокойно произнес тот, даже не оглянувшись.

— Ты совсем что ли ошалевший, сучье вымя?! — рявкнул тот же голос. — Вперед, парни, покажем ему, как разговаривать надо! А заодно этому болвану Двухпалому бока намнем — давненько мне уже кажется, что он в кости мухлюет!

— Мухлюю?! Я?! — взвился в ответ тот. — Да ты хоть раз попробуй за стол садиться до того, как глаза зальешь и...

— Хватит.

Голос Шикучи словно бы окатил всех ведром ледяной воды, вмиг потушив так и не успевшую разгореться свару.

— В этих стенах не оскорбляют гостей и уж тем более не провоцируют их на драку. Оставьте нас. Живо!

Со всех сторон послышался дружный топот — Кенджи явно недооценил количество охраны; на слух, припоминая уроки Рю, он бы различил не менее двух дюжин пар ног — и вот в зале остались лишь они трое.

— Вина?

Шикучи открыла платяной шкаф и достала оттуда поднос с тремя изысканными бокалами из тончайшего хрусталя и графин, наполненной алой жидкостью. Отказываться от гостеприимства никто не стал, тем более, что выпивка оказалась просто превосходной.

— Позволь спросить — зачем ты ищешь встречи с Белым Лисом? — полюбопытствовала Шикучи, пригубив напиток.

— Мной движут личные мотивы, — ответил Кенджи. — Я хочу лишь поговорить с ним с глазу на глаз. Когда-то он был знаком с моим отцом. Его, как и моего брата убили, и я надеюсь, что Белый Лис поможет мне свершить правосудие.

— Правосудие или месть?.. — подняла бровь Шикучи и не успел тот открыть рот, как

она продолжила: — Впрочем, не мне читать тебе нотации. Что ж, я могу помочь тебе — но взамен ты выполнишь одну мою просьбу...

— И какую же?

— Один бой, — сказала Шикучи и на недоуменный взгляд Кенджи пояснила: — Сегодня у нас должен был состояться важный поединок, на который пришло посмотреть множество влиятельных людей. Однако один из бойцов как назло вчера упал с лошади и сломал себе руку, так что теперь мероприятие под угрозой срыва.

— Разве у вас нет в запасе других воинов? — спросил Кенджи.

— Есть, — Шикучи поджала губы. — Однако ни один из них не соглашается выходить драться против нашего фаворита, лучшего из лучших, настоящего чемпиона. И вот уж удивительное совпадение — это как раз тот, кого ты ищешь. Выстой против Белого Лиса — и потом, будь уверен, я организую вам встречу.

— Какие правила? — спросил Кенджи, одним махом допивая вино.

— Ты согласен? — казалось, Шикучи была искренне удивлена.

— А у меня есть выбор?

— Правила весьма просты, — ввязался в разговор слегка охмелевший Двухпалый, до того хранивший молчание. — Не выдавливай глаза, не выкручивай яйца и не используй Волю — только кулаки и мышцы. Побеждает тот, кто в конечном итоге покинет арену на своих двоих.

— Лучше и не скажешь, — кивнула Шикучи и кликнула слуг. — Что ж, раз мы пришли к соглашению, поторопимся, господа — если бы все прошло гладко, бой уже должен был давно закончиться.

Схватки проходили в огромном зале, сверху донизу наполненным переговаривающимся народом. Большинство гостей тоже скрывали свои лица за масками зверей или демонов, но некоторые — как правило, угрюмые типы откровенно бандитской наружности — и не думали таиться. Двухпалый тут же присоединился к одной из таких компаний, где его встретили как старого приятеля и без лишних слов поставили на стол еще один бокал.

Госпожа Шикучи же заняла почетное место посередине большой трибуны, возвышающейся над остальными столами. Похоже здесь сидели самые почетные и богатые гости. Было их не столь много, но зато каждого окружало как минимум с полдюжину телохранителей. Коренастая фигура одного незнакомца сразу же привлекла внимание Кенджи — кажется, где-то он его уже видел... И заметив на его руку черную перчатку, сжимающую стакан, он тут же вспомнил — Исаро Ода из Дома Змея, глава своего рода, который когда-то пытался обмануть отца Каташи, за что и поплатился собственным пальцем. Любопытно, кого еще из присутствующих он бы смог опознать...

Впрочем, думать об этом было некогда, так как бой уже должен был начаться и воздух вокруг дрожал от возбуждения, почуяв скорую кровь. Перед схваткой Кенджи отвели в небольшую каморку, где он переоделся — бойцы бились босиком и оголившись по пояс, оставляя на себе только подпоясанные холщовые штаны. Маску обезьяны сменила повязка, закрывающая половину лица, а молчаливый пожилой слуга помог Кенджи туго перемотать кулаки полосками ткани, дабы случайно не выбить костяшку.

Арена представляла собой площадку, стоявшую на подпорках, чтобы никто из гостей не смог пропустить зрелище. Под ногами стелился песок, покрытый засохшими бурыми пятнами, а над головой светило несколько крупных ламп. Не успел Кенджи подняться на ристалище, как посреди него тут же возник долговязый мужчина в роскошном наряде.

— Господа! — произнес он хорошо поставленным голосом, подняв руки ввысь. — Сегодня здесь наконец произойдет то, чего мы все так долго ждали. Непобедимый Белый Лис, заслуженный чемпион сорока девяти схваток, сегодня проведет свой последний юбилейный бой, после которого, по его словам, он желает уйти на покой. Противостоять ветерану будет новичок наших состязаний — но тоже опытнейший воин, пожелавший остаться неизвестным. Не смотрите на возраст этого юноши — кулаки его несут смерть, а движения столь же неуловимы как ветер. Хочу напомнить, что желающие еще могут сделать ставку, пока бойцы не обменялись первыми ударами. Итак — пусть победит сильнейший!

Глашатай поспешил сойти в зал. Напротив Кенджи же сейчас стоял широкоплечий старик с длинной седой косой, свисающей почти до пояса и короткой квадратной бородкой. Несмотря на возраст, мышцам его мог бы позавидовать любой ярмарочный силач. Прошло несколько мгновений. В зале наступила звенящая тишина, словно бы зрители боялись испортить поединок случайным словом. За все это время Белый Лис даже не шелохнулся — не двигался и Кенджи.

Он уже было решил напасть первым, когда Белый Лис вдруг сорвался с места. Огромный кулак просвистел ногте от лица Кенджи — тот увернулся и заблокировал последующий удар, но вот тот, что следовал за вторым, выбил у него искры из глаз. Мощная подсечка уронила его на пол — ухватив ступню старика, намеревавшегося раздавить его голову, Кенджи резко крутанул ее и ударил Белого Лиса в лодыжку, повалив рядом с собой. Правда, мгновение спустя тот уже вновь стоял в противоположном углу, меряя Кенджи оценивающим взглядом.

Каждый взмах сопровождался настоящим воем доброй сотни зрителей и если поначалу симпатии их были целиком и полностью на стороне Белого Лиса, стремящегося вырвать из рук противника пятидесятую победу, то вскоре часть собравшихся начала искренне поддерживать Кенджи, посмеявшего бросить вызов действующему чемпиону, то ли искренне желая победы дерзкому новичку, то ли попросту рискнув поставить на него своим монеты.

Белый Лис был старше Кенджи едва ли не в три раза и годился ему в дедушки, но ничуть не уступал ему как скоростью, так и реакцией. Что уж говорить о силе: схватка длилась всего ничего и Кенджи успел пропустить лишь пару-тройку ударов — признаться, было это нелегко — но каждый из них вполне мог выбить дух из менее подготовленного бойца. Кенджи дрался на пределе своих возможностей, используя все возможные приемы, которыми владел, однако задел старика всего один раз да и то по касательной.

— Где ты учился драться? — с любопытством спросил Белый Лис, когда они вновь застыли друг напротив друга, переводя дыхание.

— В Тихом Потоке, — ответил Кенджи. — Кажется, ты знал кое-кого из той деревни. Его звали Акайо.

Глаза Белого Лиса удивленно расширились — а потом сузились в две щели.

— Врешь! — прорычал он, сжимая огромные кулаки. — Я не слышал этого имени много лет...

— Придется поверить мне на слово, — сказал Кенджи. — Это был мой...

Он не успел закончить, так как Белый Лис снова бросился в атаку. Проведя сокрушительную комбинацию, он вывернул руку Кенджи и прошипел ему на ухо:

— Так ты работаешь на того ублюдка в маске?! Что случилось с Акайо, ты...

Из цепкого словно капкан захвата Кенджи вырвался прямо по урокам Рю — хлопнув свободной ладонью старика по уху, он закрепил прием ударом в подбородок и пнул того в

могучую грудь. В полсилы, чтобы тот хоть на несколько мгновений потерял возможность сражаться, но мог разговаривать.

— Я — его сын, — произнес Кенджи, глядя прямо в глаза старика.

Тот, уже готовый вновь броситься в атаку, обомлел и замер. После он вновь оглядел Кенджи с головы до пят — внимательно, цепко, словно пытаюсь понять, не врет ли он.

— Единственный сын моего старого друга сумел найти меня в Каноку? Удивительно, — покачал головой Белый Лис. Толпа же вокруг, жаждущая увидеть битву, уже начала недовольно гудеть.

— Не единственный. У меня еще был старший брат Тэмо, — ответил Кенджи. — Этого достаточно для проверки или спросишь что-то еще?

Взгляд старика смягчился, а морщины на лице разгладились.

— Эти люди пришли сюда за кровью, парень, — произнес он, оглядывая беснующуюся толпу. — И без нее они отсюда не уйдут. Что ж, они хотят зрелища — они его получают. Всегда было любопытно, переймут ли сыновья Акайо таланты отца.

Усмехнувшись, Белый Лис поднял кулаки и Кенджи последовал его примеру. Было видно, что старик скорее испытывает его, нежели действительно желает отправить на пол. Белый Лис то нарочно открывался, заманивая Кенджи в ловушку, то наоборот, стремительно атаковал. И если поначалу Кенджи вряд ли бы мог быть уверенным в своей победе, то со временем, приноровившись к темпу старика, он начал биться с ним практически на равных. Пропустив очередной удар, Белый Лис покачнулся, смахнул со лба пот и встал на одно колено, признавая поражение. Зал взревел — кто от восторга, кто от досады — а следом на арене вновь вырос глашатай.

— Это! Было! Незабываемо! — прокричал он дрожащим от возбуждения голосом, подняв вверх одну руку Кенджи. — Непобедимый Белый Лис таки столкнулся с равным соперником! Поприветствуем нашего сегодняшнего победителя!

Уходя с арены, Кенджи буквально спиной ощущал на себе десятки злобных взглядов — видимо, принадлежали они тем, кто намеревался сорвать быстрый куш, поставив очевидного фаворита. Предчувствия его не обманули — не успел он переодеться, как в комнату вошла Шикучи в окружении охраны и слуг.

— Отличный бой, — улыбнулась она, но потом вновь посерьезнела: — Однако многие считают иначе. Некоторые думают, что вы с Белым Лисом вступили в сговор, чтобы надурить людей, ставивших на его победу.

— Вздор, — фыркнул Кенджи, поправляя ворот. — Сегодня я увидел его в первый раз в жизни.

— Верю, но не могу сказать то же самое об остальных, — покачала головой Шикучи. — Постоянным гостям в качестве исключения я возьму потери из личного кармана, но кто-то слишком ранимый может попытаться поквитаться с тобой. Знаю, знаю, сегодня ты на деле показал, что не страшишься угроз, — произнесла она, завидев, что Кенджи уже открыл рот. — Однако вряд ли кто-то будет вызывать тебя на честный бой, а нож в спину погубил не одного чересчур уверенного в себе воина. Так что какое-то время советую тебе держаться подальше от этого квартала, пока все не уляжется.

— Благодарю, — кивнул Кенджи.

— Тебе спасибо за спасенный вечер, — Шикучи окинула его странным взглядом. — Мои люди проводят тебя до Белого Лиса — сейчас он живет в одной из гостевых комнат — а потом помогут тебе незаметно покинуть «Жемчуг и пламя». Так, на всякий случай.

— Всего доброго, госпожа, — Кенджи учтиво поклонился.

— И тебе, Кенджи из Не важно, — Шикучи отвесила ему ответный поклон и усмехнулась. — Удачи в... скажем так, другом твоём соревновании. Если ты понимаешь, о чем я.

Кенджи понял, но отчего-то был уверен, что она никому не выдаст, кто этой ночью дрался на её арене. Покои Белого Лиса выглядели довольно скромно: пузатый сундук, низкая кровать с тоненьким покрывалом, стол, на котором стоял графин с парой стаканов, стул и стойка с невероятно широким и, судя по виду, довольно тяжелым мечом. Слуги остались ждать в коридоре — старик же при виде Кенджи расплылся в широкой улыбке и наполнил бокалы:

— Неплохо ты мне вмазал, — Белый Лис осторожно дотронулся до рассеченной брови. — Жалко нашей драки не видел твой отец — уверен, он бы тобой гордился.

— Мне показалось, или ты бился не в полную силу? — спросил Кенджи, присаживаясь на стул. Старик же занял место на кровати.

— Не показалось, — усмехнулся он. — Я поставил все свои сбережения на собственное поражение. Не смотри на меня с таким удивлением — мне совершенно наплевать, что подумают обо мне все те отбросы, а я теперь смогу покинуть этот гадюшник и не выбивать дерьмо из всяких сопляков за лишнюю монету. Ладно, поговорим о куда более приятных вещах. Как там Акайо?

— Мертв.

Какое-то время Белый Лис молчал, а потом тяжело вздохнул и сделал большой глоток.

— Понятно. Так значит вы с братом решили перебраться в...

— Тэмо погиб вместе с ним, — перебил его Кенджи. — Их обоих убил Жнец.

Старик вздрогнул как от удара.

— Я знаю все, — тем временем продолжил Кенджи. — И про сферы, и про Орден. Которого, к слову, уже практически не существует. Тору при смерти, большинство его людей мертвы или сбежали и теперь остановить Жнеца с Братством Рока можем только мы. Перед смертью отец велел мне найти тебя. Он сказал, ты знаешь, что нужно сделать.

— Как я и боялся, — гулко произнес Белый Лис, глядя куда-то за плечо Кенджи. — Этот подонок сумел выследить одну из наших общин. Я тоже когда-то был в Ордене Листа вместе с твоим отцом. Узнав, что Жнец охотится за сферами, я предложил Акайо и нескольким другим нашим самым верным соратникам — включая Тору — найти их первыми и спрятать в надежном месте. Твой отец справился со своей задачей. За что и поплатился собственной жизнью. И жизнью родного сына...

— Одна из сфер сейчас находится в сокровищнице императора, — сказал Кенджи.

— Серьезно? — спросил Белый Лис. — Удивительно. Еще ближе, чем я думал.

— Мы пытались проникнуть туда, но нас опередило Братство и сорвало наши планы. К счастью, сфера не досталась никому — пока. Погоди, так ты не знал, где хранится сфера?

— Я... — старика опустил взгляд. — Нет.

— Но как тогда ты собирался препятать ее? — в недоумении спросил Кенджи.

Белый Лис хранил угрюмое молчание и лицо его, разрезанное морщинами, точно стало еще старше.

— Так ты и не пытался достать сферу, — догадался Кенджи.

— И каким же образом я должен был это сделать, позволь спросить?! — вдруг рявкнул Белый Лис, поднявшись на ноги; трясущимися руками залив в себя вино, он вновь наполнил

стакан и рухнул обратно. — Взять штурмом дворец Симада?! Тем более, когда я узнал, что среди Ордена завелся предатель, который рассказал Жнецу о всех наших планах и том, где находятся наши общины. А потом один за другим члены Ордена перестали выходить со мной на связь. Я было поначалу подумал, что они попросту затаились, но теперь...

— Пстой, — прервал его Кенджи. — Так ты знал, что Жнец может напасть на нас? Знал, но не предупредил? Почему?

Белый лис только отвел взгляд.

— Ты испугался, — сам ответил на свой вопрос Кенджи. — Испугался того, что...

— Да, я боялся! — Белый Лис швырнул стакан в стену. — Я был один, совершенно один — без союзников, готовых прикрыть мне спину. Я боялся засыпать и бодрствовал по несколько дней, я боялся лишней раз показаться на рынке, я боялся любого незнакомца, задержавшего на мне взгляд дольше нескольких мгновений. Я не выполнил свое обещание и попросту залег на дно. И теперь я тут — хлещу дешевое вино и избиваю головорезов, пока что-то из этих двух вещей не отправит меня на тот свет. Все мои друзья — мертвы, мои клятвы осыпались в пепел, мой Орден уничтожен, а я — всего лишь жалкий трус. Я сказал это вслух, ты доволен?!

Закончив свою тираду, он кинул взгляд на глиняные осколки, взял в руки графин и надолго припал к нему. Сейчас он выглядел жалко — и если на арене перед Кенджи стоял пусть и состарившийся, но воин, то теперь на кровати сидел дряхлый старик, чьи кисти покрывали желтые пятна, мешки под глазами были чернее ночи. Поняв, что вряд ли он добьется здесь еще чего-то путного, Кенджи отставил бокал и поднялся на ноги.

— Пстой, — услышал он, уже взявшись за дверную ручку. — Что ты собираешься делать?

— Забрать сферу, пока этого не сделал Жнец, — ответил Кенджи, оглянувшись через плечо. — Потом найти его и отомстить. И убить всех, кто встанет у меня на пути.

— Твой отец, — голос Белого Лиса чуть дрогнул. — Акайо... когда-то я считал его братом.

— И поэтому ты позволил ему умереть, — произнес Кенджи и вышел наружу.

Сказать, что он остался разочарован, значило бы не сказать ничего. Не так, совсем не так он представлял себе Белого Лиса. Хотя... а чего он вообще ожидал от человека, про которого слышал только один раз в жизни? Что тот покажет ему пальцем на логово Жнеца? Расскажет, кто он, бес побери, такой и чего вообще хочет? Преподнесет Кенджи сферу на блюдечке? По правде говоря, ожидал он чего угодно, только не того, что успел увидеть. Да, возможно движения старика все также быстры, а удары могучи, вот только дух его подломлен и это много, много хуже. Время может исцелить телесные раны, но увечья душевные, увы, иной раз остаются с тобой несмотря ни на что. Кенджи познал это на собственном горьком опыте.

Его провожатые куда-то исчезли — то ли испугавшись, что внутри комнаты завязалась драка, то ли решив, что разговор их явно не для чужих ушей — так что Кенджи по памяти направился в сторону выхода. Но уже довольно скоро понял, что заплутал. Немудрено — ему то и дело встречались развилки, а каждый новый коридор был похож на предыдущий как две капли воды. Судя по всему, он забрел в ту часть купальни, где проводились утехы, не предназначенные для чужих глаз. Из-за каждой второй комнаты доносились крики и стоны, женский смех и звон бокалов; на пути же ему то и дело попадались почти нагие девушки, чья кожа блестела от масла. Опустив взгляд, они стремились побыстрее разминуться с Кенджи

до того, как он успевал спросить дорогу.

Он проходил мимо чуть раскрытой двери, когда из-за нее вдруг донеслись знакомые голоса.

— ... жалкие ворюги! — негодовал кто-то; осторожно присев у замочной скважины, Кенджи заглянул вовнутрь и увидел того, кого успел заприметить во время боя. Прямо посреди комнаты на мягком диване развалился Исаро Ода с бокалом вина. Сейчас он был без маски. Спинай же к Кенджи, опершись плечо о балку, стоял какой-то мужчина, поигрывающий монеткой.

— Тебе этот боец не показался знакомым? — задумчиво протянул он. — Где-то я его уже видел... Да и приемы эти я точно узнал. Вот только не могу припомнить где именно...

— Да срать я хотел, кто он! — рявкнул Исаро и одним махом осушил бокал. — И этот ублюдок, и ваш хваленый Белый Лис устроили сговор прямо посреди боя. Видел, как они славно поболтали перед тем, как старик упал?! Не сомневаюсь, что здесь замешана эта шлюха Шикучи!

— Которая пообещала тебе вернуть все деньги до последнего медяка? — хмыкнул незнакомец. — И к слову — на твоём месте я бы поостерегся использовать в этих стенах подобные выражения. Если их услышат не те уши ты можешь покинуть сие чудное заведение без своего языка. В лучшем случае. И не поможет даже вмешательство Такэга.

— Ко всем демонам Такэга с его змеенышами! И суку Шикучи вместе с ними! — несмотря на браваду, явно приданную не одним кувшином сакэ, Исаро заметно сбавил тон. — Совсем скоро я... то есть мы, разумеется, — поправил он сам себя, — получим в свои руки силы столь невиданной мощи, что сможем сравнять с землей всех, кто стоит на нашем пути!

— Звучит неплохо, — его собеседник, казалось, вряд ли остался впечатлен столь громкими словами. — Вот только вряд ли осуществимо. В прошлый раз нас чуть не поймали за руку...

— Тебя! Тебя, тупой сукин ты сын, чуть не поймали за руку, — произнес Исаро, делая глоток; несколько капель вина упали ему на рубаху, оставив бордовые пятна.

— Следи за языком, старик, — процедил незнакомец; Исаро покраснел и нахмурился, но смолчал. — Все бы прошло как по маслу, если бы нам не помешали.

— Один единственный ублюдок отправил псу под хвост весь наш план... — проворчал он.

— Один единственный ублюдок голыми руками отправил на свет «лучших бойцов», которых отправил тот шут в маске, и в придачу одного демона, получив пару синяков и несколько царапин, — огрызнулся незнакомец. — Не думай, что у нас выдалась легкая прогулка. Я выполнял всю работу, рискуя головой, покуда ты набивал брюхо и заливал глотку, так что прояви побольше уважения.

Кенджи наострил уши. Очевидно, что тем самым ублюдком был как раз он и речь шла о попытке украсть сферу из сокровищницы императора. Так значит, в этом был замешан глава рода Ода, который каким-либо образом связан со Жнецом и Братством Рока. Нужно будет немедленно предупредить Каташи — но до того попытаться подслушать что-либо еще.

— Ладно, не будем ссориться по пустякам, — Исаро в примирении поднял перед собой бокал и потом с шумом отхлебнул. — После той ночи Симада повелел усилить охрану, но наш общий знакомый сумел уговорить старика перевезти самые ценные артефакты в другое место.

— О котором он нам любезно сообщит, не так ли?..

— Именно, — Исаро усмехнулся. — А так как перевозить сокровища будут втайне, сопровождающих будет немного, чтобы не привлекать лишнее внимание. Как только мы узнаем маршрут, сумеет забрать то, что нужно, одним ударом.

— Что это вообще за сфера, за которой вы все так гоняетесь? — с любопытством спросил незнакомец; Кенджи же затаил дыхание. — Что она может? Какова ее мощь?

— О, ты даже не представляешь, — туманно ответил Исаро, который, похоже, и сам имел об этом весьма и весьма смутное представление. — Пределы ее силы если и не безграничны, то, как минимум, близки к этому. Вряд ли бы наш «друг», — произнеся это слово, он ажно скривился, — стал бы тратить столько сил ради какого-то пустяка.

— И ты планируешь вот так запросто подарить ему сферу? — хмыкнул незнакомец.

— Разумеется нет, — фыркнул Исаро. — Как только получим ее в свои руки — избавимся от наших приятелей, дабы не сболтнули лишнего, как следует изучим трофей и с его помощью поквитаемся со всеми, кто смел переступить нам дорогу. Так выпьем же за это! — он заглянул в бокал, потом потянулся к графину, стоявшему рядом на тумбе, и, убедившись, что он пуст, грязно выругался. — Ну и где этот недоносок с обещанным вином?! У меня уже в горле пересохло! Его только что за смертью посылать.

В этот самый момент раздались чьи-то шаги. Кенджи бесшумно отпрянул от замочной скважины, делая вид, что просто шел по коридору... А потом замер на месте, увидав, что из-за угла прямо ему навстречу вышел тот самый негодяй, сбежавший от него в ночь нападения на сокровищницу императора. При виде Кенджи он тоже застыл, как пораженный — а после швырнул в него кувшин, который нес в руках, и бросился прочь.

Промчавшись мимо стайки испуганных девиц, которые, прижавшись к стене, все как одна закрыли размалеванные лица веерами, Кенджи чуть было не пропустил нужный поворот. К счастью, он успел краем глаза заметить скрывающуюся за ним спину беглеца — и вновь пустился в погоню.

Дело усложняло то, что Брат, судя по всему, довольно-таки неплохо ориентировался в хитросплетенном лабиринте, который представлял собой внутренности купальни, тогда как Кенджи мог полагаться только на свое чутье.

В конечном итоге, преодолев очередную дверь, он оказался в том самом зале, где не так давно бился с Белым Лисом. Народу здесь не поубавилось, напротив — людей стало как минимум вдвое больше и как бы Кенджи не выглядывал беглеца, он, увы, уже успел бесследно раствориться в толпе. Между тем некоторые из присутствующих обратили внимание на самого Кенджи — и судя по кислым минам, некоторым из них он успел опустошить карманы своей нежданной победой.

— Какие люди! — рядом с ним вдруг возник Двухпалый, от которого несло, словно из бочонка с вином; и вот он-то похоже со ставкой угадал, так как по дружески похлопал Кенджи по плечу, точно это не он недавно чуть не сломал ему руку. — Дружище, ты сделал меня богачом! Я знал, что если ты справился с моими ребятами, то этого старого пердуна ты сделаешь просто одной левой. И не прогадал! Выпьем?

— В другой раз, — произнес Кенджи, внимательно следя за верзилой, который прятал что-то в рукаве и не спускал с него тяжелого взгляда. — Ты сможешь незаметно вывести меня отсюда?

Двухпалый в ответ только громко фыркнул и потащил его за собой. И вот вскоре они уже очутились на свежем воздухе, который после спертой атмосферы купальни казался сущим блаженством.

— Ладно, брат, бывай, — Двухпалый допил вино, ничтожно сумняшеся бросил стакан прямо через плечо и громко рыгнул. — Надеюсь, без обид?

— Без обид, — согласился Кенджи. — Однако у меня будет к тебе еще одна просьба.

— Какая ж? — с подозрением протянул Двухпалый.

— Следующей ночью мне понадобится тихое укромное место, куда случайно не заглянет какой-нибудь прохожий. Есть что-нибудь на примете?

— Слушай, брат, — потер шею Двухпалый. — Ты, конечно, дерешься как демон и все такое, но ты сам говорил, что якшаешься с мэцукэ. Боюсь, на улицах могут слегка неверно понять мою помощь друзьям магистрата. Сам понимаешь — репутация строится долго, а теряется за один миг...

Кенджи молча отсчитал ему несколько серебряных монет. Немного подумав, добавил еще столько же.

— Впрочем, не их собачье дело, кому я помогаю и зачем, — деньги вмиг исчезли за пазухой у Двухпалого и его язык даже перестал так сильно заплетаться. — А если начнут сильно языками чесать — подрежу. В портовом квартале есть заброшенный склад, где мы раньше хранили краденые... в общем, кое-какие вещички. Он пока пустует, так что пользуйся им сколько влезет. Только как закончишь, — Двухпалый подмигнул, — прибери за собой, если ты понимаешь, о чем я. Так, на всякий случай.

Двухпалый подробно объяснил Кенджи, как найти нужную улицу и поблагодарив своего нового знакомого, тот отправился на торговую площадь, где через несколько часов у него должна была состояться встреча с Рю. Старика на месте не оказалось, но вот нужного калеку Кенджи нашел без труда.

— Каге никогда не забирает последнее, — произнес он и кинул монетку нищему.

Медный кругляшок исчез в недрах вонючей хламиды столь быстро, что Кенджи не успел и заметить, как это произошло. Перестав причитать о злодейке-судьбе, калека оглядел его с головы до ног долгим придирчивым взглядом, а потом молча ткнул грязным надкусанным ногтем в стороне неприметного заведеньица, чьи хозяева не озаботились даже самой простецкой вывеской. О том, что внутри можно набить живот, намекал лишь душистый запах какой-то похлебки, от которого рот тут же наполнялся слюной.

Внутри тоже ничего не говорило о том, что именно это место по какой-то лишь им ведомой причине облюбовали синоби. Замызганные столы, закопченный потолок, тощие псины, рвущие друг у друга кость, и не слишком изыскательная публика, которой все вышеперечисленное явно не мешало получать удовольствие от простой, но горячей еды и дешевого поила. К удивлению Кенджи, среди последних оказался и Рю, сидящий в самом дальнем углу и с аппетитом уминающий рисовые лепешки.

— А ты не слишком-то торопился, — пробурчал он с набитым ртом, когда Кенджи уселся напротив.

— Прости, меня немного задержали, — ответил тот и огляделся. — Ты уверен, что мы пришли по адресу?

— Более чем, — хмыкнул тот. — Присмотрись к здешним. Тебе не кажется, что они не похожи на обычных забулдыг?

Кенджи прислушался к совету старика. И действительно: местные посетители движениями своими походили скорее на воинов, нежели пьяниц. Под плащами у каждого виднелись очертания ножен с ножами и кинжалами, внимательные цепкие взгляды следили за любым движением незваных гостей, а хмельные разговоры были слишком наиграны, чтобы быть реальными. Хотя исполнялись роли великолепно и вряд ли бы случайный человек, вдруг забредший сюда с улицы, почувял бы подвох.

— Если честно, не ожидала вас здесь увидеть так рано.

Рядом с Кенджи уселась невысокая фигурка, скрывающая лицо в глубоком капюшоне, но он без труда узнал голос Рэй.

— Наш человек получит свободу? — продолжила она.

— Пока еще нет, — произнес Рю еще до того, как Кенджи успел вымолвить и слово; через мгновение на стол перед девушкой легла стальная звездочка. — А вот мы совсем недавно чуть не получили пару подарочков. Узнаешь?

— Похож на те, что используем мы, — задумчиво протянула Рэй, взяв сюрикен в руки. Поднеся его к глазам, она провела подушечкой большого пальца по одному из зубцов и положила сюрикен обратно. — Однако сделано любителем, не профессионалам. Для любого из наших бойцов использовать такое оружие — не уважать самого себя.

— А может то тонкий расчет — усыпить нашу бдительность бредовым договором, послать по нашу душу парочку идиотов, вооружить их ржавым железом и в случае неудачи прикрыться последним? — прищурил глаза Рю.

— Проклятые всегда держат данное ими слово, — голос Рэй звенел как натянутая тетива; Кенджи же тем временем подметил, что некоторые «гуляки» прекратили разговоры

и внимательно следят за ходом их беседы, которая стала приобретать не слишком дружелюбный характер.

— Когда-то действительно было так, — а вот Рю, похоже, то ли не заметил, как изменилась атмосфера вокруг них, то ли попросту плевать хотел. — Однако в последнее время я уже ни в чем не могу быть уверен.

Вокруг наступила звенящая тишина. Даже возящиеся в углу псины притихли, точно ожидая развязки. Кенджи не сомневался, что в случае возможной драки выбраться наружу невредимыми у них мало шансов и мог понадеяться лишь на то, что синоби не захотят устраивать свару прямо посреди белого дня.

— Мое имя Рэй, — произнесла вдруг девушка, скинула капюшон и тряхнула распущенными волосами, — и это мое настоящее имя, Каге мне свидетель. Поясню для нашего общего друга: открыть свое лицо и назваться для Проклятого — высшая степень доверия. Зачастую мы не знаем, как выглядят без масок наши собратья. Что уж говорить о стороннем человеке.

— О, — Рю, изрядно смущенный, откашлялся в кулак и уткнулся в стакан. — Что ж... Возможно я действительно слегка погорячился. Сама понимаешь — времена сейчас, увы, беспокойные и доверять нельзя почти никому.

— Понимаю, — кивнула Рэй, подала знак прочим «гостям» и вновь накинула капюшон. Зал тут же вновь наполнился лаем, болтовней и руганью, как ни в чем не бывало. — Видимо, вы успели перейти дорогу кому-то еще. Кто мог бы желать вашей смерти?

— Их список полнится с каждым днем, — усмехнулся Кенджи. — Однако сегодня мы планируем чуть поубавить их количество.

Он вкратце объяснил им то, что задумал.

— Ты слишком много общаешься с Такэга и это не идет на пользу твоим умственным способностям, — в своей привычной манере заявил Рю. — План — идиотский.

— Но другого у нас нет, — возразил Кенджи. — Тем более, поймать убийцу — в твоих же интересах.

— Соглашусь с вами обоими, — сказала Рэй. — Не могу обещать вам помощь от нашего клана, однако сделаю все, что в моих силах. Есть еще что-нибудь, что бы вы хотели обсудить?

Признаться, Кенджи бы хотел — но не в подобном месте и при сторонних людях. Прощаясь, Рэй будто бы невзначай легонько сжала ему ладонь — и отчего-то этот простой и ни к чему не обязывающий жест заставил его врасплох не хуже пропущенного удара.

— Плохая идея, — буркнул Рю, когда они направлялись в сторону поместья, занимаемого Домом Змея; хоть старик и упирался как баран, но все же согласился дожидаться ночи в комфортных условиях. Тем более, что Каташи, насколько знал Кенджи, отлучился по делам и должен был вернуться не раньше завтрашнего вечера.

— Ты о чем?.. — спросил Кенджи, выпав из собственных дум.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я, — зыркнул на него Рю. — И думать не смей пытаться заводить отношения с Проклятой — это все очень плохо кончится для вас обоих.

— Мы видели друг друга всего пару раз, — дернул плечом Кенджи, чувствуя, как невольно краснеет.

— И тем не менее смотрели друг на друга как два туповатых голубка по весне, — неумолимо продолжал Рю. — Попомни мои слова — расплачиваться за глупость придется дорого. И вот в этой конуре живет Каташи?!

К счастью, разговор закончился, стоило им очутиться на нужной улице. Они успели слегка отдохнуть, перекусить, рассказать о произошедших событиях Макото, встретиться с Шуноморо и послать весточку Нобу. И вот уже когда солнце закатилось за горизонт, все четверо стояли неподалеку от нужного места.

— Никогда мне не нравилась эта лицемерная мразь Исаро, — сплюнул Макото, услышав рассказ Кенджи о том, что он успел увидеть и услышать в купальне. — Как только покончим с тварью — немедленно предупрежу отца.

— А ты не сомневаешься в своих силах, — будто бы невзначай заметил Рю и Кенджи, уже успевших схлестнуться с чудовищем один на один, вполне разделял его скептический тон.

— Мы прогулялись до Одиннадцати Звезд и вернулись обратно, — хмыкнул Макото. — Вы и впрямь думаете, что нас остановит какая-то неведомая зверушка, питающаяся крестьянами?

В этот самый момент из темноты донеслись быстрые шаги — и через миг перед ними выросла невысокая тень.

— Рад встрече, — Нобу Хо снял капюшон и склонил голову. — Вам в самом деле удалось найти злодея? Кто он? Как его зовут? Почему мы встречаемся здесь, а не у его дома? Предлагаю позвать стражников и...

— Не так быстро, — прервал поток вопросов Кенджи. — Кажется, мы нашли способ поймать то, что ты ищешь, но нужно действовать осторожно. Та тварь умеет не только притворяться человеком, но и имитировать его голос, а значит, она разумна — и от того еще более опасна.

— Тварь?.. — с сомнением в голосе произнес Нобу. — Так значит вы считаете, что в городе действует... демон? Быть может, следует найти того, кто в них разбирается?

— Ты их уже нашел, — заверил его Макото. — Поверь, лучших специалистов по всякого рода нечисти ты вряд ли отыщешь, даю правую руку на отсечение.

Судя по выражению лица мэцукэ, вряд ли его сильно убедили слова Макото. Однако выбора у него по сути-то и не было.

— Ладно, и какой у нас план? — произнес Нобу, который, видимо, и сам это прекрасно понимал.

— Чудовище выслеживает обладателя этой монеты, — Кенджи продемонстрировал ему золотой и после спрятал обратно в карман. — Не спрашивай, как это работает — если честно, мы и сами до конца не знаем. Однако суть такова: вы спрячетесь на этом складе, а я поброжу по городу и как только столкнусь с оборотнем — заманю его прямо в западню.

— Звучит довольно... рискованно, — покачал головой Нобу. — Вы уверены, что это работает?

— Нет, — ответил Кенджи. — Но у тебя есть идея получше?

Таковой у мэцукэ не оказалось, так что он дал свое согласие. И пока его друзья занимали удобные места для засады, Кенджи отправился прогуливаться по трущобам. Хотя то сложно было назвать прогулкой, ибо он напряженно вслушивался в ночной город, ожидая услышать за спиной быстрые шаги. Кенджи намеренно выбирал самые немногочисленные проулки и тихие улицы, чтобы спровоцировать тварь напасть. Однако за все время он успел встретить лишь пару случайных зевак, которые старались как можно быстрее проскользнуть мимо.

Кенджи не мог бы сказать, сколько времени он месил сапогами грязные бульвары. Он

успел заметно продрогнуть и проголодаться. А что если оборотень, не найдя хозяина монеты, и вовсе покинул Каноку? Однако не успел в его голове мелькнуть эта мысль, как Кенджи буквально спиной почувствовал, что за ним следят. Не ускоряя шаг, он свернул за угол и не спеша направился в сторону склада — и тут над ним вдруг с одной крыши на другую пролетела чья-то тень.

Кенджи пустился в бег и спустя короткое время добрался до места засады. Не успел он ввалиться на заброшенный склад и закрыть за собой тяжелую дверь, как из ближайшего угла послышалась какая-то возня, звонкий хлопок и шипение Рю:

— Прежде чем за свои пистолеты хватиться, посмотри, в кого собрался стрелять, олух!

— Да вижу я, старикан! Хватит руки распускать, — проворчал в ответ Макото.

— Тихо! Оно идет за мной, — шикнул Кенджи, чем и прекратил их спор.

Заняв место за большим ящиком, он облизнул губы и положи ладонь на рукоять меча. Последующие мгновения ожидания превратились в настоящую пытку. Быть может, оборотень понял, что его заманивают в западню и не проглотил приманку? В таком случае, весь их план летит в бездну — но вот наконец снаружи кто-то заскребся. Протяжный скрип — и в дверном проеме показалась невысокая фигура. Оглядевшись и с шумом втянув ноздрями воздух, чужак сделал шаг вовнутрь — и в тот же миг раздался оглушительный грохот.

— Есть! — радостно воскликнул Макото, сжимающий дымящиеся пистолеты. — Как я и говорил — все оказалось куда проще, чем мы думали. А вы еще сомневались, сможем ли... Какого?..

Ликование в его голосе сменилось удивлением — и немудрено. Оборотень, на этот раз принявший облик сухого старика с большой плешью, медленно поднялся на ноги — и прямо у них на глазах зияющие раны на его груди стали затягиваться как по волшебству. Тварь бросилась вперед с небывалой скоростью и отбросила Макото словно пушинку еще до того, как он успел пошевелиться.

В этот самый момент в бой вступил Шуноморо. Вряд ли какой-либо другой человек его размеров мог двигаться также легко и свободно, полностью управляя своим телом. Однако создание, с которым они сражались, на голову превосходило возможностями любого воина. Да, несколько ударов здоровяка, которые он обрушил на врага, все же достигли цели — но оборотень, казалось, их даже не заметил. Взамен же он перехватил руку Шу, отшвырнул его в сторону и не медля бросился на Кенджи.

Пускай тот и был готов к такому повороту событий, но кулак оборотня пролетел едва ли в ногте от его лица, в щепки сокрушив толстую деревянную балку. Наученный горьким опытом, Кенджи понимал, что мериться силами с созданием бесполезно — и поэтому решил взять вверх хитростью. Он резко ушел в сторону, оставив на своем месте теневого двойника. Взгляд твари заметался между двумя противниками, похожими друг на друга как две капли воды, на короткий миг она замешкалась, явно не понимая, кого следует опасаться — и Кенджи с блеском воспользовался представленной возможностью.

Просвистевший в воздухе меч рассек бок оборотня, нанеся глубокую рваную рану. Чудище рыкнуло и отпрыгнуло назад. Не минул и один удар сердца, как плоть начала срастаться — не мешкая Кенджи вновь ринулся в атаку, дабы закрепить успех, и на помощь ему пришел Нобу. Сомнительно, что за годы службы в столице мэцукэ доводилось схлестнуться лицом к лицу с демоном, но то его не остановило. Оборотень ловко увернулся от клинка Кенджи, но вот короткий меч Нобу вошел в спину твари почти по рукоять.

Издав громкий визг, она резко обернулась, лишив мэцукэ оружия, и уже было приготовилась к броску, когда Кенджи мощным взмахом рубанул ей по сухожилиям и довершил начатое Оком Тьмы, отбросившим оборотня на добрый десяток шагов. Поднявшийся на ноги оборотень выглядел довольно плачевно. С трудом вытащив меч, он переломил сталь о колено словно веточку и бросил две половины на пол.

Рана, нанесенная Нобу, вновь начала затягиваться словно сама собой — но куда медленнее. Судя по всему, способности создания к регенерации ран были пускай и весьма высоки, но далеко не безграничны. И это успел понять не только Кенджи, так как рядом с ним встали его друзья, успевшие прийти в себя; лишь только Рю как обычно таился где-то в тени, ожидая возможности нанести один решающий удар в наиболее подходящий момент.

— Крепкая оказалась скотина, — произнес Макото, проверяя пистолеты.

— Полностью согласен, друг мой, — сказал Шуноморо, между ладоней которого заплясал поток воды. — Но мастер Вэн говорил, что нет большей награды для настоящего воина, чем бой с достойным противником.

— Вэн — идиот, — раздался откуда-то с потолка голос Рю.

— Сегодня одной мразью в моем городе станет меньше, — решительно добавил Нобу, который за неимением любого другого достойного оружия обзавелся ржавой кочергой.

Кенджи не знал, каким интеллектом обладает стоящая перед ними тварь, но сообразительности ей явно хватило на то, чтобы понять, что драться разом с пятью противниками — не лучшее решение. Тем более, то были не простые крестьяне, а умелые воины. Метнувшись к ближайшей стене, оборотень ловко вскарабкался наверх и исчез сквозь дыру в крыше.

Кенджи бросился на улицу, прекрасно понимая, что упустить тварь сейчас нельзя ни в коем случае. Наученная сегодняшним опытом, она спрячется в какой-нибудь норе, залижет раны и рано или поздно нанесет еще один удар. И найти оборотня будет безумно трудно, учитывая его умение принимать облик любого человека.

Чудовище в облике старика передвигалась по крышам большими скачками. Кенджи с друзьями преследовали его по темным улицам, стараясь не упустить из виду. На очередном перекрестке Кенджи, сумев улучшить момент, взобрался по полуразрушенной стене на один из домов, остальные же разделились: Шуноморо и Нобу побежали влево, Макото же с Рю свернули направо, таким образом беря оборотня в клещи и не давая ему и малейшего шанса уйти от расплаты.

Он вдруг неожиданно спрыгнул вниз — Кенджи совершил тот же маневр. Тварь шмыгнула в ближайший проулок, надеясь оторваться — тот последовал за ней. В конце концов, погоня привела их в тупик — совсем как в первую их встречу — вот только похоже сейчас оборотень и не собирался отступать, пускай и раны его так до конца не затянулись. Сложно сказать, было ли то его осознанное решение или он не мог противиться действиям чар, да, впрочем, оно и не важно.

Важно было лишь то, кто выйдет отсюда на своих двоих. И, положив руку на сердце, Кенджи вряд ли бы смог с уверенностью ответить на этот вопрос. Но времени на размышления не было. Оттолкнувшись от земли, оборотень взмыл ввысь, метя прямо в глаза противнику — Кенджи сумел увернуться, однако последующий удар выбил воздух из его легких, а тот, что шел за ним, отшвырнул в ближайшую стену.

Тварь подняла его в воздух одной рукой словно тряпичную куклу, сжимая горло мертвой хваткой. Кенджи безуспешно пытался высвободиться, глядя прямо в холодные и

безжизненные глаза чудовища, в которых плясала лишь одна смерть. Как назло, остальные то ли потеряли их из виду, то ли попросту запаздывали, так что надеяться можно было лишь на самого себя. Перестав тратить силы понапрасну, Кенджи сфокусировался на том, чтобы собрать воедино свою Волю — и вот уже позади оборотня возникла тень.

Кенджи не стал посылать ее в атаку, прекрасно понимая, что взять вверх в схватке грубой силой будет невыносимо трудно, если и вообще возможно. Вместо этого он кое-как изловчился достать из кармана ту самую злополучную монету и перебросил ее своему двойнику, что поймал золотой на лету.

Оборотень с шумом втянул ноздрями воздух — а после отпустил Кенджи и резко обернулся. Создав еще одну тень, Кенджи заставил первую перекинуть ей монету, а после создал третьего близнеца, который также принял участие в «забаве».

Вряд ли бы Кенджи смог воплотить более трех теней — не говоря уж о том, чтобы управлять ими — но на то и не было надобности. Покуда двойники перебрасывались монеткой, а оборотень неуверенно метался между ними по переулку, не зная, на кого напасть, Кенджи сумел немного отдышаться и поднять выпавший меч.

Его лезвие вошло в живот твари почти наполовину. Оборотень издал глухой рык и вдруг тело его начало меняться. Морщины на лице точно разгладили ладонью, на месте редких седых пучков выросла густая шевелюра, сам же он заметно прибавил в росте. Несколько мгновений — и перед Кенджи уже стоял не сухой старик, а какой-то бугай с перекошенной физиономией.

Увиденное зрелище заставило Кенджи замешкаться на удар сердца, не более; но даже столь незначительное промедление едва не стоило ему жизни. Оборотень мотнул его лбом прямо в нос — наверное, даже заправский скакун не смог бы лягнуть с такой силой. Раздался мерзкий хруст, перед глазами россыпью раскинулись кавалькады звезд, небо и земля поменялись местами. Оборотень же, вытащив клинок, взвесил его в руке, осторожно разрезал воздух, словно примериваясь, а после перехватил оружие двумя руками и занес его над головой.

Раздался резкий свист — и тонкая цепь охватила ноги чудовища. Нежданный союзник одним резким рывком уронил тварь на землю и следом послышался знакомый голос:

— Добей его! Живо!

Кенджи не нужно было уговаривать дважды. Оборотень едва-едва успел подняться на одно колено, как тот, разбежавшись, ударил ему в грудь разом двумя ногами. Не став останавливаться на достигнутом, Кенджи, действуя скорее по наитию, нежели осознанно, призвал к себе все свои три тени, до того безропотно ожидающих приказа, и бросился в атаку.

Удивительное дело. Кенджи и его двойники двигались в унисон, точно репетировали свои движения не один месяц. Они были как детали единого механизма: ни единое движение одного из них не мешало другим. Все четверо слаженно атаковали и без малейшего промедления прикрывали спину открывшемуся под удар союзнику. Скорее всего, оборотень один на один легко бы мог справиться с бойцом, который вдвое превосходил Кенджи по навыкам, но даже чудовище не могло противостоять четырем парам рук, которые действовали как одно целое.

Мощный удар расплющил нос твари, принявшей облик верзилы и Кенджи с радостью увидел, что хлещущая кровь, бьющая ручьем — темно-зеленого, почти черного цвета — и не думает останавливаться, орошая грязную землю. Кулак, обьятый тeneвым пламенем,

прилетел оборотню прямо под ребра, что хрустнули, подобной сухой ветви. Оборотень более не атаковал, лишь защищался и то и дело пытался каким-либо обманным приемом уйти в сторону, дабы скрыться.

Один раз ему это чуть не удалось. Издав утробный рык, он чуть дернулся назад, а потом вдруг рванул прямо на Кенджи, видимо, надеясь застать его врасплох. Возможно, план твари бы удался, если бы не сюрикены Рэй. Просвистевшие в воздухе стальные звездочки, несущие смерть, вонзились в спину оборотня, остановив его и заставив взреветь от боли. И именно сейчас Кенджи понял, что настала пора заканчивать.

Четыре последовательных удара слились в один, ломая кости, сминая плоть и рвя сухожилия. Чудище отшатнулось в сторону, едва устояв на ногах. Выглядело оно преотвратно. В попытке перевоплотиться еще раз — то ли для устрашения, то ли понадеявшись сбить противников с толка — оборотень так и не завершил начатое и теперь перед Кенджи находилось уродливое создание, точно бы сшитое разом из нескольких людей; в том числе среди изуродованных черт лица проглядывал лик бедолаги Тсотуму, которому просто не посчастливилось повстречать на пути одного психопата, скрывающегося за маской.

Что ж, когда-нибудь, возмездие настигнет и его.

Кенджи в этом не сомневался.

А пока что он собирался отправить на тот свет его ручную зверушку.

Рукоять меча легла в ладонь как влитая; одно быстрое, но плавное движение и сталь, будто бы ставшая продолжением руки, перебила позвоночник. Оборотень рухнул на землю как подкошенный, все еще продолжая безуспешные попытки отползти в сторону и спасти свою жалкую жизнь. В последний раз взглянув в пылающие ненавистью глаза, Кенджи занес клинок над головой — и через мгновение все было кончено.

После смерти оборотень все же принял свой естественный облик. Теперь перед Кенджи лежало нечто, напоминающее не то осьминога, не то медузу. Головы у создания и круглая пасть, усеянная мелкими клыками, располагалась прямо на груди; чуть выше блестели четыре пары мелких глазенок, помимо двух крупных конечностей оно обладало двумя щупальцами, заканчивающимися присосками, кожа же у него была бледнее мела.

— Оно... мертво?

Рэй возникла возле него бесшумно, словно тень, с отвращением разглядывая тело твари.

— Да, — утерев кровь, Кенджи спрятал оружие обратно в ножны. — Во всяком случае, я на это надеюсь.

— Никогда в жизни не видела ничего подобного.

— Я тоже, — ответил Кенджи. — И надеюсь больше не увидеть.

Его передернуло, стоило только представить, что когда-то подобные твари населяли этот мир наравне с людьми. В этот самый момент раздался громкий топот — и в переулок, запыхавшись, ворвались Макото, Нобу и Шуноморо. Следом за ними шел Рю — не спеша, прогулочным шагом.

— Это... это еще что за каракатица? — протянул Макото, склоняясь над бездыханным телом.

— Именно оно убило Тсотуму и еще нескольких человек, — сказал Кенджи, обращаясь к Нобу. — Но больше оно никому не причинит вреда.

— Мы спешили как могли, но встреченный по пути отряд стражи не слишком благодушно отнесся к вооруженным людям, которые явно кого-то преследуют, — слегка

виновато сказал Шу. — Господину Хо понадобилось какое-то время, чтобы все уладить. Рад, что ты цел и не вредим, друг мой.

— Я... я даже не знаю, как вас отблагодарить, — мэцукэ хоть и был заметно бледен, но голос его был ровен. — Вряд ли бы хоть кто-то из моих людей смог бы остановить... это. Но что нам сделать с телом? Сжечь? Разрубить на части? Утопить в море?

— У меня есть идея получше, — произнес Рю, подергивая себя за бородку. — Если Червь узнает, что мы порубили такую любопытную особь на фарш, он со мной до конца жизни разговаривать не будет.

— Червь?.. — в недоумении переспросил Нобу.

— Расскажем по дороге, — вздохнул Кенджи.

— Это Стервятник, — заявил Макото, покуда Рю помогал Кенджи обматывать руки тряпками. — Готов поспорить на что угодно, попомните мои слова.

— Ты о чем? — спросил последний. Несколько раз сжав и разжав кулаки, он принялся проверять, надежно ли закреплены наручи и поножи.

— А сам как думаешь? — сказал Макото; перестав пялиться наружу, он задернул полог турнирного шатра, бухнулся на низенькую табуретку и потянулся к графину с вином. — Про того ублюдка, который в сговоре с Исаро и был с ним в купальне в тот самый вечер. Не зря ты встретил его чуть раньше. Вряд ли это простое совпадение... Боги, старик, ты опять выдул все до капли?!

— Нечего глазами хлопать и выглядывать свою недотрогу, которая все равно смотрит на тебя как на кусок прилипшего к подошве кизяка, — ответил Рю; Макото в ответ фыркнул и закатил глаза, но все же слегка покраснел. — Пей пока предлагают или не ной. Что же касается этого вашего Стервятника: если он из Братства Рока, зачем ему помогать Кенджи?

— Откуда я знаю, — буркнул Макото, видимо, понимая, что его теория мало-помалу начинает разваливаться. — Может решил, что Белый Лис управится с Кенджи, а может просто брякнул что-то не подумав.

— Кого-то это мне напоминает, — задумчиво протянул Рю, при этом даже не глядя в его сторону.

— Как бы то ни было, сейчас у нас — а точнее сказать у меня — немного другие проблемы, — поспешно произнес Кенджи, затягивая пояс.

Трибуны шумели так, что слышно их было даже вблизи шатров, которые находились в отдалении, чтобы бойцы могли спокойно подготовиться и передохнуть. Шутка ли — близился конец Турнира и перед финальным испытанием, победитель которого получит не только славу и всеобщее обожание, но и собственный Дом, оставалось лишь одно. Творившийся вокруг происходящего ажиотаж достиг таких вершин, что споры о том, кто же все-таки обойдет соперников доносились отовсюду: они вместе с дымом и запахом скворчащего мяса выплывали из окон таверн, поднимались к потолку вместе с паром в душных купальнях и разбивались о голову оппонента вместе с кружкой, когда заканчивались последние аргументы.

Казалось, весь Каноку попросту сошел с ума, начисто позабыв и о произошедших не так давно убийствах, и зловещее предупреждение членов Дома Волка. Однако Кенджи не забыл. И царящая суматоха занимала его ум не сильнее того, что он отведаст на ужин. Куда больше его волновал поиск Жнеца... И Рэй, как бы он не стеснялся признаться в этом даже самому себе.

— Какие еще проблемы? — зевнул Макото, водружая ноги прямо на стол. — Выходишь, машешь рукой зрителям, мнешь бокам тому, кто тебе попадется и вечером празднуешь победу.

Кенджи в ответ только хмыкнул. На словах это действительно представлялось легкой прогулкой, но на деле... Сегодня участникам Турнира впервые придется сразиться друг с другом в честном поединке. И не просто так — а балансируя на вбитых в землю столбах, что делало испытание в сотню раз сложнее для его участников и в тысячи раз увлекательней для зрителей. Вместе с тем росли и ставки на то, кто сегодня покинет арену с гордо поднятой

головой, а кто — еле передвигая ноги от досады. Притом помимо официальных спорщиков, работающих от лица императорского магистрата, тут и там сновали ушлые люди с неприметными лицами и быстрыми взглядами, предлагающие куда более выгодные условия. И не пугало их даже суровое наказание. Обо всем этом им поведал Сол, как всегда точно возникший из ниоткуда.

— ... тридцать к одному, что за звание победителя будут бороться Кента Иву из Дома Цапли и Нэн Хисару из Дома Паука, — загибал он пухлые пальцы, подняв глаза к небу. — Тридцать пять дают за Сузуму Хака из Дома Кошки, пятьдесят — за господина Кенджи, по остальным же мнения разделились: к примеру, некоторые считают, что...

— Найди для меня самую выгодную ставку, — перебил его Макото и кинул ему дребезжащий мешочек. — Надеюсь, не нужно уточнять, на кого именно?

— Разумеется! — спрятав монеты, Сол хитро подмигнул. — Как раз совсем неподалеку работает один мой хороший знакомый, которого в свое время я буквально вытащил с виселицы. К слову, господин Кенджи, не желаете присоединиться? Конечно, правила Турнира запрещают участникам делать ставки, но вряд ли кто-то из присутствующих разболтает.

— Пожалуй, откажусь, — покачал головой Кенджи.

— Зря, зря, — вздохнул Сол. — Как ваш личный помощник не могу одобрить ваше решение, но кто я такой, чтобы давать вам советы. Кстати, буквально вчера ко мне обратилась госпожа Мияки — владелица нескольких ювелирных лавок. Она готова расстаться с кругленькой суммой, если перед финальным испытанием вы будто бы невзначай упомянете, что ее серебро сияет, точно полная луна. А уж если вы напишете пару строк...

— И сколько же она предлагает? — полюбопытствовал Рю; после он громко фыркнул: — Всего-то? Ну и скряга! Проси вдвое больше и не уступай ни медяка — тогда, быть может, что-нибудь да придумаем.

— Будет исполнено! С меня причитается, — Сол испарился также внезапно, как и возник, еще до того, как Кенджи успел вымолвить и слово.

— Полная луна, значит?.. — тяжело вздохнул он, усаживаясь напротив Рю.

— Бескорыстие — весьма вредная привычка, уж поверь моему опыту, — ни капли не смутился тот. — И ни к чему хорошему она еще никого и никогда не привела, уж поверь моему опыту. Разве что на торговую площадь побираться. Пока дают — бери. Золото и серебро лишними не бывают.

Кенджи не стал спорить, тем более что через пару мгновений трижды ударил гонг, возвещающий о том, что участникам следует пройти на ристалище. Чуть задержавшись, дабы вытряхнуть из сапога камушек, Кенджи вышел наружу и неожиданно нос к носу столкнулся с Кента.

— Забыл поблагодарить за помощь в убийстве того демона, — произнес он, поигрывая монеткой, которая ловко плясала между его пальцами.

— Кажется, из нас двоих рассыпаться в благодарностях нужно именно мне, — ответил Кенджи.

— Не суть. Я пришел к тебе не за тем, чтобы рассуждать, кто из нас двоих спас другому жизнь, — серебряник исчез в кармане Кента; сам же он огляделся по сторонам и понизил голос. — Просто хотел предупредить: сегодня далеко не все будут играть честно.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился Кенджи.

— До меня донеслись слухи, что несколько столбов в третьем ряду — а точнее пятеро у самой трибуны со знатью — во время работы были «случайно» слегка повреждены и вряд ли выдержат вес взрослого человека.

— То есть ты хочешь сказать...

— Что ставки выросли и кто-то решил выиграть любым способом. Пускай даже и не совсем чистым, — хмыкнул Кента и вновь принялся играть с монеткой. — Но победа не пахнет, верно? И кажется, я даже догадываюсь, кто этот человек...

— Стервятник? — сказал Кенджи. — Но каким образом он смог проверить подобное?

— Кто знает, — дернул плечом Кента; при этом серебряник чуть не упал в пыль. — Подкуп, знакомства, чье-то покровительство... Важно одно: для некоторых это может стать неприятным сюрпризом, который обернется их поражением.

— И зачем ты делишься со мной этими сведениями? — с подозрением протянул Кенджи. Голос Кента отчего-то вызывал у него чувство, что он уже слышал его где-то совсем недавно, вот только не мог припомнить, при каких именно обстоятельствах.

— Предпочитаю побеждать честно, — усмехнулся тот, но потом посерьезнел: — А на деле мы как-никак уже один раз помогли друг друга. Так почему бы не сделать этого снова?

— Быть может, следует сообщить судьям? — произнес Кенджи.

— Можешь попробовать, — цокнул языком Кента. — Однако доказательств у нас нет, да и наши слова вполне могут сыграть против нас самих же. Дом Кошки обвинит нас в провокации и лжи, начнутся разбирательства, турнир остановят на неопределенное время... А каждый день простоя — огромные убытки для императорского магистрата, и вряд ли господин Хицу будет сильно рад нашему рвению восстановить справедливость, так как оно обойдется властям в кругленькую сумму. В общем, — повторный удар гонга прервал их разговор, — поступай как знаешь. Мое дело предупредить.

Кента исчез столь же быстро и незаметно как и появился, оставив Кенджи в полнейшем смятении. С одной стороны — все услышанное им казалось не то какой-то шуткой, не то простой сплетней. Вряд ли у Стервятника получилось бы проверить подобную аферу под носом у судей и всех остальных участников. Тем более, учитывая его репутацию, за каждым шагом его пристально следили не один десяток внимательных глаз. Да и к тому же Дом Кошки, который за последние несколько десятков лет и не близко не приблизился к званию Великого, не стал бы идти на такой риск. Ведь всплыви правда наружу — и они рискуют потерять не только репутацию, но и жизни. Сомнительно, что победа в Турнире — пускай и весьма почетная регалия — того стоит.

С другой — Кенджи не думал, что для Кента имеет смысл нарочито вводить его в заблуждение. Однако почему, узнав о возможном обмане, он из всех участников пошел именно к нему? Впрочем, как следует поразмыслить об этом или посоветоваться с друзьями Кенджи не успел, так как участники уже начали тянуть жребий.

Сражаться предстояло особым оружием, сделанным из крайне редкого дерева, столь прочного, что об него, если верить слухам, разумеется, могла сломаться любая сталь. Целью было всего лишь столкнуть другого претендента на землю, не более; однако всем и каждому было ясно, что вряд ли сегодня дело ограничится только синяками и ссадинами.

На выбор давали мечи всех возможных форм и размеров, кинжалы, копья и не только. Кенджи подобрал себе клинок, наиболее подходящий на его собственный, тот, что отдал ему Рю в Одиннадцати Звездах. Кента, конечно же, без лишних раздумий взял длинный посох, Стервятник предпочел палицу, Шуноморо же и вовсе решил биться голыми руками, как и

учили в монастыре Хидзу.

В первом поединке схлестнулись между собой Нэн Хисару из Дома Паука и мечник из Дома Богомола. Несмотря на разницу в возрасте — последний был едва ли не в два раза старше призывательницы — бой велся на равных и долгое время никто бы с уверенностью не мог поставить на победу того или другого. Однако все изменил один неловкий взмах, которым тот попытался достать колдунью, потеряв равновесие. Взвившаяся в воздух огненная плеть опалила брови и ресницы Нэн, но та и не вздрогнула. Поднявшись ввысь на мигающем от мелких молний вихре, что создали ее элементарии, она обрушилась на противника словно голодный коршун. Мечник попытался уйти в сторону, но запнулся и потерял драгоценное время — и через миг уже лежал спиной на песке.

Шуноморо предстояло сразиться с Кента и их поединок затмил предыдущий бой, заставив зрителей — впрочем, как и судей, и всех остальных участников, включая Кенджи — следить за происходящим затаив дыхание, боясь хотя бы моргнуть, дабы не пропустить и мгновение. Бой их напоминал скорее акробатическое представление. И если для тех, кто знал Шу, его ловкость, сноровка и скорость не были сюрпризом, то зеваки едва не заставили трибуны сложиться вдвое своим ревом, когда Шу буквально перелетел через Кента, когда тот умудрился зажать его в угол.

Однако и тот ничуть не уступал здоровяку в мастерстве, используя любую возможность достать его посохом. Кенджи желал другу победы всем сердцем, но и он не мог не заметить, что мало-помалу Шу начинает выдыхаться; движения его становились все медленнее, действовал он куда более осторожно да и удары рассекали воздух уже не с той силой, что прежде. Кента же напротив, будто получил второе дыхание. Раз за разом он обрушивал на соперника все более мудреные и длинные комбинации, стремясь заставить его выйти из привычной стойки. И в конце концов ему это удалось. Как бы не был быстр Шуноморо, боец Дома Цапли оказался быстрее. Пускай и всего на чуть, но того хватило: сделав обманный выпад, Кента закрутил посох в смертоносный вихрь и обрушил его на голень Шу.

Громкий треск заставил толпу ахнуть, да и у Кенджи, признаться по спине пробежали мурашки. Однако сам здоровяк даже не поморщился, продемонстрировав поистине железную волю. Но было видно, сколь много усилий ему то стоило — каждый раз, когда он переносил вес тела на левую ногу, лицо его озаряла гримаса боли, а со лба на песок падали крупные капли пота.

Кенджи до последнего надеялся, что его друг, пускай и в самый последний момент, сможет перевернуть ситуацию с ног на голову, найдя в себе силы вырвать победу, однако уже довольно скоро исход поединка был предрешен. Очередной ловкий выпад, несколько обманных ударов, подсечка — и Шу рухнул на землю.

Поражение здоровяк принял с достоинством и даже отвесил оппоненту уважительный поклон, а после, прихрамывая, потопал в сторону шатра лекарей, стараясь как можно меньше наступать на больную ногу.

И вот наступил момент истины, когда на столбы взошел и сам Кенджи. Биться ему предстояло против Стервятника — вот уж сюрприз! — который на этот раз вместо меча решил взять себе топор. На самом деле, умом и сердцем Кенджи понимал, что в реальном поединке он бы не оставил представителю Дома Кошки ни шанса — пускай это и звучало довольно нескромно — но припоминая предупреждение Кента, все же оставался настороже и держал ухо востро. Неизвестно, сколько грязных трюков припас в кармане Стервятник и на что он готов пойти ради того, чтобы одержать вверх и получить звание чемпиона Турнира.

— Как я понимаю, ты все же нашел Белого Лиса? — любопытствовал Стервятник, покуда Чикара рассказывал зрителям о достижениях каждого из бойцов, ждущих схватки.

— Возможно, — уклончиво ответил Кенджи и кинул быстрый взгляд на небо, которое к этому моменту как раз покрыли серые тучи. Дождь сейчас был бы совсем некстати, но вряд ли природу сильно интересовало, чем сейчас занимаются копошащиеся внизу людишки.

— Ладно, не люблю лезть в чужие дела, — услышав гонг, Стервятник с хрустом потянулся, перехватил рукоять топора поудобнее и усмехнулся: — Что ж, в независимости от того, кто пройдет дальше, я знаю одно: сегодня мы покажем самый лучший бой.

И он оказался как никогда прав. Несмотря на сомнительную репутацию, никто бы в здравом уме не стал сомневаться в умении Стервятника драться. Во всяком случае один на один. Сын Дома Кошки был большим любителем дуэлей — первую из которых, если верить слухам, он выиграл еще в четырнадцать, одолев соперника на четыре года старше его — и за все время проиграл только одну. Да и то будучи мертвецки пьяным он едва-едва не вышиб своему оппоненту глаз, оставив тому солидный шрам на всю жизнь.

Об этом Кенджи поведал непосредственный участник тех событий, когда они с Макото как-то засиделись в одном захудалом кабачке, потягивая разбавленной водой вино. Глядя на опухшую морду и беззубую улыбку того пропойцы, Кенджи очень сильно сомневался в правдивости его истории — за которую, между прочим, он угостил нового знакомого стаканчиком сакэ — но вот в мастерстве Стервятника сомневаться не приходилось.

И тот с удовольствием продемонстрировал это на деле. Наблюдая за действиями Стервятника, не слишком разбирающейся человек сходу мог предположить, что в бою он предпочитает опираться на интуицию, нежели ум. Поначалу так считал и Кенджи. И лишь позже он понял, что все совсем наоборот. Каждый удар, любой свой финт, кажущийся случайным, Стервятник продумывал за несколько шагов до. Атаки, кажущиеся безрассудными, на деле оказывались лишь уловкой, дабы усыпить бдительность противника и заставить его совершить какую-нибудь глупую ошибку.

Возможно с кем-нибудь другим это бы и сработало, но только не с Кенджи, которого обучал хитрец из хитрецов. Пару раз Стервятник делал вид, что потерял равновесие — но Кенджи и не думал бросаться в атаку, надеясь закончить бой одним удачным ударом. Стервятник то и дело раскрывался, подставляясь под меч Кенджи — однако тот продолжал действовать наверняка.

Каждый пролетевший мимо того или иного бойца удар вызывал громкий рев — радостный или наоборот полный печали, в зависимости от того, за кого болел дерущий глотку зевака. Явно фаворита не было и, похоже, на трибунах одинаково ровно болели за представителей обоих Домов.

Понемногу Кенджи начал замечать, что Стервятник старается отеснить его к тем столбам, о которых его предупреждал Кента. Возможно он не ошибся и Стервятник, поняв, что честным путем ему не одолеть Кенджи, решил одержать победу жульничеством. Отвлечись, Кенджи едва не пропустил удар. Топор пронесся буквально в волоске от макушки лица, только погладив волосы.

Кенджи замешкался на какую-то долю мгновения, но в схватке двух опытных воинов ситуация могла измениться за один удар сердца. Увидев его замешательство, Стервятник пошел вперед, закручивая замысловатые комбинации. Пятка Кенджи соскользнула — со стороны галереи, которую занимал Дом Змея, послышался дружный горестный вздох. К счастью, он сумел устоять на одной ноге и даже кончиком меча задел Стервятника, оставив

ему длинную алую царапину на щеке.

Но тот и не думал отступать. Напротив — занеся топор над головой, он прыгнул вперед. Нечего было и думать пытаться отразить такой удар. В лучшем случае Кенджи отделается вывихнутым плечом, в худшем — сломанным запястьем, так что ему ничего не оставалось, кроме как отступить назад. Он приземлился на один из столбов, про который говорил Кента и... Ничего не произошло.

То ли он ошибся, то ли намеренно ввел соперника в заблуждение — непонятно. Однако поразмыслить об этом можно было и потом. Сейчас же главное — победить. Как уже успел понять Кенджи, в затяжной схватке его шансы тают на глазах. Одна ошибка, вторая, третья — рано или поздно Стервятник воспользуется ситуацией и скинет его на песок. А значит нужно действовать непредсказуемо.

Кенджи вдруг бросил меч прямо в Стервятника. Тот с легкостью увернулся, но то было не важно. Он хотел лишь отвлечь внимание и это у него получилось с блеском. На пару мгновений Стервятник застыл на месте, в недоумении глядя на безоружного оппонента. Прыгнув прямо к нему на столб, Кенджи вцепился в топориче, и с силой ударил Стервятника лбом в нос. Вырвав топор, Кенджи отбросил его в сторону, перехватил противника за руку — и мощным броском отправил его на землю.

— Неплохо, — произнес Стервятник, осторожно трогая сломанный нос. — Признаться, такого я не ожидал. Рад, что я не ошибся, не послушав того олуха.

— Ты о чем? — спросил Кенджи, помогая ему подняться.

— Сегодня утром ко мне заявился наш общий знакомый Кента, — понизил голос Стервятник. — И заявил, что Дом Змеи с помощью своего человека в судьях повредили несколько столбов, чтобы ты победил во чтобы то ни стало. Я сразу подумал, что это какая-то чушь и послал его к бесам. И не прогадал.

— Любопытно, — протянул Кенджи, но разговор пришлось прекратить, так как к ним уже подходил Чикара.

Итак, свершилось. Великий Турнир всех Домов практически подошел к концу и следующий заключительный этап определит победителя, которому достанется почетное звание победителя и возможность основать свой собственный Дом. Не то чтобы Кенджи лелеял подобные мечты — но Каташи уже вовсю строил планы по поводу новых союзников, которые заметно бы усилили положение Дома Змея на политической арене, так что, похоже, отвертеться ему не получится.

Прошло несколько дней. Все окружающие чествовали Кенджи словно героя и полушутя спрашивали, какое название он выбрал для будущего Дома. Тот в ответ лишь отмахивался. Его весьма беспокоило то, что он пока что никак не продвинулись в поисках сфер. Как сообщил Макото, Каташи отрядил своих лучших шпииков следить за каждым шагом Исаро. Обвинить его напрямую у них, увы, причин не было, к тому же после этого он со своими союзниками сразу же притаится, а вывести его на чистую воду лучше всего поймав за руку.

А еще Кенджи очень хотел еще раз переговорить с Кента, желательно с глазу на глаз. Однако покинув ристалище тот словно сквозь землю испарился, так что разговор пришлось отложить до лучших времен. У Кенджи появилось очень много вопросов, на которые он хотел получить честные ответы, так что...

Завтра все участники Турнира вместе с прочей знатью были приглашены на прием в императорском дворец, где им должны были объявить, в чем заключается последнее испытание. Сегодня же Кенджи не торопясь прогуливался по городу, наслаждаясь столь

редкой возможностью отдохнуть. И тут среди толпы на рынке Кенджи вдруг выхватил знакомое лицо. Он просто не мог ошибаться — это ведь тот самый негодяй, что той ночью пытался проникнуть в сокровищницу императора. Единственный, кому удалось ускользнуть. Но что он тут делает? И почему одет как один из артистов, развлекающих зевак и участников Турнира между состязаниями?

Похоже, удовлетворять любопытство Кенджи тот был не намерен, так как, встретившись с ним взглядом, заметно побледнел, оттолкнул стоявшую рядом с ним торговку и ринулся наутек. К счастью, Кенджи уже успел довольно неплохо выучить город и его проулки, так что ловко перелетев через низкий забор, он выскочил прямо наперерез негодяю и сбил его с ног.

— Давно не виделись, — произнес Кенджи, приставив меч к его горлу. — А теперь слушай меня очень внимательно. Я задам тебе один вопрос — весьма простой, но очень важный. И от того, как ты на него ответишь — честно или не очень — будет зависеть твоя жалкая жизнь.

Парень громко сглотнул и нехотя кивнул.

— Имя того, кто помог вам проникнуть во дворец императора.

Мерзавец скривился, но все же ответил. Кенджи же удовлетворенно хмыкнул. Как он и подозревал. Теперь желание пообщаться с тем, кого некогда он считал не то, чтобы приятелем, но порядочным человеком.

— И еще — где сейчас прячется эта мразь? — спросил Кенджи.

— Кажется, у нас был уговор на один вопрос, — просипел парень.

— Кажется, ты немного не в том положении, чтобы торговаться.

Добрый словом и мечом можно добиться много большего, нежели просто добрым словом, говаривал как-то Рю и не ошибся. Парень, не отрывая взгляда от приставленного к его глотке меча, быстро-быстро объяснил, как добраться до нужного места.

— Проваливай из города. Сейчас же. Еще раз попадешься мне на глаза — сильно пожалеешь, — произнес Кенджи, пряча оружие в ножны.

— Он все равно убьет меня, — мрачно произнес парень, поднимаясь на ноги. — А после — и тебя. И всех, кто тебе дорог. Ты не представляешь, с кем связался...

— Где-то я это уже слышал, — буркнул Кенджи. — Проваливай.

Парень замешкался. Кенджи не зря не терял бдительности. Сделав вид, что уходил, негодяй вдруг резко развернулся и выбросил в его сторону руку. Поймав сюрикен прямо в воздухе, Кенджи тут же отправил его обратно — и парень медленно осел на землю с блестящей звездочкой меж глаз. Что ж, он сделал свой выбор. Как сделал его и тот, с кем у них вскоре состоится тяжелый разговор.

Поначалу Кенджи хотел взять с собой Макото и Рю или предупредить Нобу. Но перед смертью паренек успел сообщить, что встреча у них назначена ровно в полночь. Уже смеркалось, на то, чтобы объяснить ситуацию потребуется время, а место встречи находилось почти на самом краю города. Добрался туда Кенджи уже затемно. Остановившись у неприметного здания, Кенджи огляделся и, убедившись, что за ним никто не следит, толкнул дверь, растворившуюся с тихим скрипом.

Кенджи невольно присвистнул — оружия здесь хватило бы снарядить небольшую армию. Пистолеты, мушкеты, дальнобойные ружья, ручные мортиры. Кто-то явно готовится устроить солидную заварушку. За спиной Кенджи раздался тихий кашель. Обернувшись, он увидел своего старого знакомого, поигрывающего монеткой.

— А ты не так уж и туп, как кажешься на первый взгляд, — презрительно произнес он и сплюнул на пол.

— Я тоже рад тебя видеть, Кента, — сказал Кенджи, обнажая меч. — Кажется, нам есть что обсудить.

— Сам обо всем догадался или подсказал кто? — поинтересовался Кента, не прекращая забавляться с блестящим под светом масляных ламп серебряным пятакон, танцующим между его тонких пальцев.

— Подозрения зародились сами собой, — ответил Кенджи, внимательно наблюдая за каждым движением Кента; его деланная и явно напускная леность была не более чем уловкой, призванной усыпить бдительность. — А после их подтвердил наш общий знакомый, который вместе со своими дружками и одним демоном чуть не обчистил сокровищницу императора. К слову, странно, что они, казалось, ни капельки не удивился, когда на него вероломно напал его же «союзничек».

— Так ты все же отыскал и отправил к праотцам того недотепа? — хмыкнул Кента. — Поздравляю. Правда, я хотел сделать это первым, но крысеныш и носа не показывал из родных трущоб, а я слишком брезглив, чтобы рыскать по всяким притонам, кишмя кишасими подобной мразью. Что же касается демона — он отправился с людьми Исаро, так как Жнец не доверяет девятипальцеву ублюдку, и правильно делает. Он нарочито поручил эту работенку Рашу, чтобы исключить возможный заговор, так как тот не знаком ни с кем из нас.

— И как давно ты носишь на себе клеймо того ублюдка в маске? — спросил Кенджи.

— Клеймят лишь рабов вроде вас, которые, не задумываясь, подчиняются устаревшим устоям, покрытых вековой пылью и паутиной, — фыркнул Кента. — Я же принял знак Братства Рока с достоинством. Не каждому оказана честь быть посвященным в ряды тех, кто в скором будущем будет властвовать над империей, а то и всем миром.

— Ты и впрямь так легко повелся на его сказки? — усмехнулся Кенджи. — А ты куда глупее, чем кажешься на первый взгляд. Ты не поверишь, скольких «будущих властелинов» я уже успел отправить на тот свет.

— То было обычное отребье, пушечное мясо, — дернул плечом Кента, однако нахмурился и скривил губы; похоже, слова Кенджи все же сумели задеть его за живое.

— Разумеется, ведь ты — особенный. Не чета десяткам других, которых Жнец отправил на убой ради собственных планов, — нащупав больное место, Кенджи вновь ткнул в него пальцем, надеясь вывести Кента из себя.

И на мгновение ему показалось, что у него получилось. Кента вспыхнул, спрятал монету в карман и потянулся к мечу — но через пару ударов сердца скрестил на груди мелко трясущиеся руки и вновь напустил на себя былую невозмутимость.

— Как бы то ни было — повернуть нападение на сокровищницу самостоятельно не смог бы даже Исаро со всеми его деньгами и влиянием, — продолжил Кенджи. — Тем более, что Каташи наблюдает за каждым его шагом. Кто-то явно помог вам — и этот кто-то явно не последний человек во дворце, раз сумел сделать все так, что никто ничего не заподозрил.

— И снова ты попал в точку, — осклабился Кента. — Все верно — мы заручились поддержкой одного из высокопоставленных Братьев. И ты даже не представляешь, насколько глубоко распространилось влияние Жнеца.

— Могу лишь догадываться, — сказал Кенджи. — Думаю, это либо глава какого-то Дома, либо кто-то из сановников высшего звена. Я прав?

— Возможно, — усмехнулся Кента.

— Неясно лишь одно — зачем ты убил Изау Казе из Дома Ветра на том пиру? — спросил Кенджи. — Личная неприязнь? Или он просто попался под горячую руку?

— Второе, — пожал плечами Кента. — Мне просто нужно было отвлечь внимание, чтобы спокойно пробраться в сокровищницу и забрать то, что необходимо, — он продемонстрировал длинную иглу, которая через мгновение вновь исчезла в его рукаве. — Ее кончик смазан смесью разом нескольких сильных ядов. Легкий укол — и любой бедолага отправляется к праотцам. На самом деле мой хлопок по плечу изначально предназначался тебе — но вокруг твоей персоны постоянно ошивались дружки, так что пришлось импровизировать на ходу.

— А еще ты нарочно сказал мне о поломанных столбах, чтобы в нужный момент я замешкался и, быть может, даже свернул шею.

— Признаться, я и не надеялся, что такой простой трюк сработает — но почему нет? Однако хватит вопросов. Если честно, я даже рад, что ты не попался ни в одну из моих уловок — убить тебя в честном бою будет куда приятнее.

Он бросился вперед даже не закончив последнее слово, с такой скоростью, что Кенджи едва-едва успел уйти в сторону. Молниеносный взмах клинка вполне мог лишить его головы — но вместо этого лишь взрезал воздух. Не остановившись ни на миг, Кента крутанулся; замешкайся Кенджи хоть на миг — и лишился бы обеих ног ниже колен. Наконец, отступив назад на несколько шагов, Кента смахнул со лба каплю пота.

— Неплохо, — признал он. — На ристалище ты выглядел куда более медлительным.

— А ты двигался куда более уверенно, — бросил Кенджи. — Все же, настоящий поединок — не игра на публику.

Кента сузил глаза и стиснул зубы, вокруг меча же его начали отплясывать мелкие молнии. Он обрушивал на Кенджи один удар за другим, соединяя их в замысловатые комбинации, каждая из которых напоминала танец, заученный годами тренировок. Что и говорить — Кента действительно был умелым воином, которого с детства учили владеть Волей и оружием. Но и Кенджи не был зеленым юнцом, только-только научившимся принимать верную стойку.

Спустя короткое время они вновь стали друг напротив друга, переводя дыхание. Ни тот, ни другой не нанесли сопернику и царапины, но то не важно; обоим было понятно, что бой может лишить один единственный точный удар.

— Ты настолько ненавидишь императора, что готов предать собственный Дом и даже свой род? — поинтересовался Кенджи, пользуясь моментом передышки.

— Да что ты знаешь, чтобы судить меня?! — фыркнул Кента. — Я младший сын в своей семье. Пускай я и куда талантливее старших братьев, которые способны лишь тратить отцовские деньги на шлюх и пьянки, но по традиции после его смерти мне не останется ничего. Разве что жалкий клочок бесплодной земли где-нибудь на отшибе. Разве это справедливо? Жнецу же плевать на то, кто раньше выбрался из материнской утробы и чья кровь течет в твоих жилах. Он будет одаривать всех по свершенным делам. В Братстве равны все и каждый, не важно, пахал ли твой предок землю, торговал шелком или же подкарауливал путников с ножом в кармане в ближайшей подворотне.

— И умираете вы также все одинаково, — заметил Кенджи.

На этот раз он взял инициативу в свои руки, напав первым, широкими замахами и быстрыми уколами стараясь загнать Кента в угол. Правда, без особого на то успеха. Тот

ловко держал дистанцию, умело контратакую каждый раз, когда Кенджи начинал его теснить. Наполненный лязгом стали воздух вокруг просто дрожал от напряжения; словно голодный зверь, ожидающий крови. Но ни тому, ни другому, не удавалось взять верх. Но вот Кента вдруг вскочил на ближайшую бочку и с хрустом вонзил меч в деревянный пол. Кенджи опустил глаза и увидел, что стоит прямо в мутной луже. Не успел он понять что к чему, как Кента вновь заставил сталь сверкать молниями. Тело Кенджи словно разом пронзили тысяча игл — выронив меч, он упал на одно колено, отстукивая зубами барабанную дробь.

— Когда-то в юности мы так ловили рыбу, — злорадно усмехнулся Кента, глядя прямо в его перекошенное лицо. — Как видишь — на человека этот трюк работает ничуть не хуже.

Превозмогая боль, Кенджи ухватился за лодыжки Кента. Результат превзошел все его ожидания. Явно не ожидающий подобного тот невольно поразил себя своим же приемом. Выронив меч и клацнув зубами, Кента отлетел в сторону. Кенджи же на трясущихся полусогнутых ногах кое-как поднялся на ноги. Однако перевести дух он не успел, так как Кента пришел в себя неожиданно быстро. Не став тратить время на поиски лежавшего где-то на полу оружия, он бросился на Кенджи с голыми руками.

И не сказать, что этот факт сделал его хотя бы чуть менее опасным. Кулаками он работал с такой скоростью, что Кенджи, до сих пор до конца так полностью и не пришедший в себя, с трудом блокировал его удары. Создать хотя бы одного фантома у него просто-напросто не хватило бы концентрации, тогда как бьющийся с яростью загнанной в угол крысы Кента усиливал свои атаки воздушной стихией. В последний момент лишь каким-то чудом Кенджи перехватил кисть Кента — и увидел кончик иглы, застывший в ногте от его глаза.

— Ты и впрямь думаешь, что сумеешь одержать верх, выскочка-землепашец?! — прошипел Кента прямо на ухо Кенджи. — Меня с детства учили быть воином лучшие мастера Каноку.

— Жаль, что учение не пошло впрок и вместо воина ты превратился в отъявленного мерзавца, — ответил Кенджи.

Он резко ударил коленом прямо в грудную клетку Кента. Тот отшатнулся назад на несколько шагов и начал хватать воздух ртом, пытаясь восстановить сбившиеся дыхание. Резкий взмах локтем, хлопок по ушам, пинок под колено — Кенджи дрался так, как учил его Рю, а значит — забыть про мудреные, красивые, но невероятно предсказуемые комбинации, которыми пичкали учеников во всех более-менее известных школах, вместо них используя грязные уличные трюки, нацеленные лишь на одно — уничтожить противника как можно быстрее.

Явно потерявший былую уверенность Кента теперь только защищался, даже не пытаясь пойти в контратаку. Правда, спустя короткое время он попытался переломить ход схватки, ринувшись вперед — но этот жест отчаяния и определил его судьбу. Пробежав еще несколько шагов, Кента задался в приступе кашля, поднял руку — и в недоумении уставился на собственную иголку с ядом, точно не понимая, каким вообще образом она воткнулась в его шею.

— Хитро, — просипел он и медленно опустился на пол, пока лицо его начали покрывать алые пятна. — Победа есть победа, верно? Пускай и заслуженная лишь уловкой, достойной какого-то грязного синоби.

— Не тебе говорить мне о чести, — бросил Кенджи. — Где Жнец? Говори! Живо!

— Он гораздо ближе чем ты думаешь, — лицо Кента исказила кривая ухмылка, на губах

же его запузырилась желтоватая пена. — И... не только... он... будь... ты... про...

Кента издал протяжный хрип, дернулся в последний раз и затих на полу, уставившись в потолок стеклянным взглядом. Кенджи же устало привалился к стене и утер со лба пот вместе с пылью. Что ж, кажется, у него получилось вытащить человека Проклятых из петли, тем самым оградив Рю от их мести. Главное, чтобы Нобу поверил рассказу Кенджи. Как-никак кроме собственных слов доказательств у него не было, а Кента все же не был обычный уличным головорезом, а происходил из знатного Дома.

— Неплохой бой, — раздался позади Кенджи до боли знакомый голос.

Несмотря на усталость от недавней драки, мышцы и рефлексy Кенджи сработали быстрее мысли. Подбросив ногой меч Кента, он схватил его одной рукой за гарду, второй — за лезвие, резко развернулся и отправил клинок в полет — прямо в ухмыляющуюся морду уродливого демона, за которой Жнец скрывал свое настоящее лицо. Раздался громкий звон — и одно из зеркал, стоявших вдоль стен, разбилось вдребезги. По залу же прокатился издевательский смех.

— Ты и впрямь думал, что все будет так просто? — насмешливо протянул Жнец, появившийся уже в соседней глади, кинул взгляд на тело Кента и покачал головой. — А я предупреждал сопляка не бросать тебе вызов в честном поединке. Гонора ему было не занимать, но вот на деле... Что ж, невелика потеря. Все равно он стал практически бесполезен после того, как сделал все, что от него требовалось.

— Ты не сможешь прятаться вечно, — сказал Кенджи, подойдя почти вплотную к мерцающей поверхности. Как это ни удивительно, он не чувствовал злости. Только холодную решимость довести начатое до конца. Отомстить за отца, за брата, за сожженную дотла деревню, за Сато, за бедолагу Тсотумо и за всех прочих, павших от руки этого ублюдка. — Я буду идти по твоему следу вечно и убью каждого твоего прихвостня, который встанет на моем пути. Рано или поздно мы встретимся — и только один из нас встретит следующий день. Клянусь могилами предков перед ликами богов.

— Охотно верю в твое упорство, — кивнул Жнец и Кенджи показалось, что под маской его губы растянулись в кривой ухмылке. — И признаюсь честно — на самом деле я жду момент нашей встречи с нетерпением. Кто бы мог подумать, что простой деревенский парнишка, чье лицо я бы не вспомнил при всем желании, сумеет стать моей самой большой проблемой. Все остальные — включая ищейку Сато — были для менеe не более назойливых комаров, жужжащих под ухом. Укус их неприятен, но не смертелен. Ты же смог вернуть мне давным-давно забытые чувства: злость, гнев, ярость, азарт... Я бы даже смог позабыть о том, что ты смел поднять против меня меч и предложил тебе место рядом с собой. Но ты все равно откажешься.

— Я лучше сдохну, — бросил Кенджи.

— Я бы тоже отказался. Рано или поздно все мы сдохнем, — кивнул Жнец. — Ты и твои дружки — раньше. Я — позже. Или наоборот. Однако все мы так или иначе превратимся в пепел. Как негодяй Симада и его гнилой род. Как и вся его империя.

— Чем тебе так насолил император, что ты готов убить сотни невинных только ради какой-то мести?

— А разве ты не готов поступить точно также? — спросил Жнец. — Скольких ты отправил на тот свет и скольких убьешь еще, лишь бы поквитаться с тем, кто оборвал жизни всех твоих близких? Не отвечай, я знаю ответ — тысячи тысяч. Хорошо — я раскрою тебе свою тайну. Так будет даже интересней. Ты хочешь знать, какие счета у меня к Симада?

Именно его предок когда-то предал моего отца и растоптал имя моей семьи в пыли. Почти все представители моего Дома были убиты или вынуждены были бежать, трясаясь от ужаса и страха. Когда-то наша фамилия внушала благоговейный трепет, потом — смешок и отвращения, а со временем и вовсе забылась. И только я один еще помню, как нарекли меня при рождении. Меня зовут Ороку Ши — последний уцелевший член Дома Шипов.

Кенджи невольно нахмурил брови. Звучало все это уж слишком невероятно — ведь Дом Шипов был уничтожен множество лет назад, еще до рождения самого Симада. После он вспомнил те видения в Одиннадцати Звездах — спокойный мужчина, рассуждающий о смерти под звук канонады и вспоминающий сына... Скорее всего, это и был тот самый Осама — основатель семьи Ши, а значит...

— Мой отец служил императорскому роду с честью, но получил лишь кинжал в спину, — продолжил Жнец. Нет, он уже не Ороку. Возможно он и был им когда-то, но сейчас превратился в Жнеца: убийцу и мерзавца, несущего лишь смерть. — Когда-то я поклялся отомстить, чего бы мне это не стоило, и я сдержу свою клятву. Наверное, ты удивлен, что спустя столько лет я не только передвигаю ноги, но и могу держать оружие? Зря все эти неженки так ворочают нос от Школы Разложения — они просто не видят всех возможностей, что дарит эта стихия, и ее огромный потенциал. Именно Разложение помогает мне влачить существование все эти года. Пускай и берет за это свою цену. Оно, а еще холодная ненависть, струящаяся в моих венах вместо крови.

— Как бы то ни было — совсем скоро все твои союзники, помогающие тебе в твоих черных планах, будут либо мертвы, либо ожидать своей участи в императорской темнице, — произнес Кенджи.

— О, какой ужас, — голос Жнеца выражал предельную скуку, точно он заранее знал, что произнесет тот, кто находится по другую сторону зеркала. — А что если все происходящее ничто иное как кульминация моей долгой комбинации?

— Быть может, хватит интриг и закончим все раз и навсегда в честном поединке? — предложил Кенджи.

— Еще не время, — покачал головой Жнец.

— Боишься, что род Ши окончательно прервет какой-то деревенский парнишка? — с издевкой сказал Кенджи.

— Если бы не Частица Творцов, ты бы умер еще в ту ночь, — голос Жнеца зазвенел от гнева. — Тебе лишь каким-то чудом удалось не только получить, но и обуздать мощь, которой ты не достоин.

— О каких Творцах ты говоришь? Это их голоса звучат в моей голове?

— Довольно вопросов, — Жнец сложил руки за спиной. — Я и так потратил на тебя слишком много времени. Хочешь получить ответы? Отправляйся на север, прямо сквозь Хрустальные Пустоши к Черной Кузнице. Я буду ждать тебя там. Поспеш — и если ты не станешь добычей ледяных пауков или дикарей, ты получишь возможность свершить свою месть.

Не успел Кенджи вымолвить и слова, когда на него уставилось его же отражение. Утерев со лба струйку крови, Кенджи кинул последний взгляд на тело Кента, поднял меч, вышел наружу и невольно сощурил глаза, поймав луч солнца, выползающего из-за крыш.

Сказать, что в Каноку разгорелся скандал — значит, не сказать ничего. Весь город гуд встревоженным ульем, в который засунули тлеющую головешку, и все его жители, от мала до велика, от торговцев до знахарей, от знати до босяков из трущоб, передавали из уст в уста слухи о Кента Ива из Дома Кошки, который убил одного из своих соперников прямо на пиру, попытался отправить на тот свет другого, а помимо всего прочего помог неизвестным негодьям совершить налет на сокровищницу императора.

Оставив позади тело предателя, Кенджи первым же делом отправился в магистрат, отыскал Нобу, который, к счастью, именно в то утро пытался разгрести скопившиеся бумаги, и выложил ему все как на духу, опустив лишь его разговор со Жнецом. Поначалу семья Кента как и весь Дом Кошки яростно отрицали все возможные обвинения в сторону погибшего, в свою очередь обвинив Кенджи в вероломном убийстве соперника и поклепе.

Однако внезапное исчезновение Исаро вместе со всеми его близким родственниками лишь подтвердили подозрения; а после один из его телохранителей, которого допрашивал Нобу, раскаялся и подтвердил слова Кенджи о заговоре между главой рода Ода, Кента и неким неизвестным, но весьма могущественным человеком. Следом заговорили и другие приближенные к Исаро, так что родные Кента и Дом Кошки резко поменяли позицию и тут же публично отреклись от него.

Немудрено — впасть в немилость императора было себе дороже, тем более, что клеймо предателей и без того еще долго будет заставлять с подозрением относиться ко всем, кто носит фамилию Ива и смывать позор придется нескольким поколениям. Кенджи был уверен, что немалую лепту в это внесет и семья Казе, которая пускай и не слыла богатеями, но была весьма старинна и уважаема, чтобы к ее мнению прислушивались даже представители Великих Домов.

Раскрывший убийство Нобу выполнил свою часть сделки и пообещал выслать пойманного с поличным синоби подальше из Каноку как только все уляжется, при условии, что тот и носа не покажет в столице.

Разумеется, прием у императора, как и последнее испытание, перенесли на пару недель вперед, но вряд кто-то расстроился, так как пищи для сплетен и без того было предостаточно.

— Вроде тихоня-тихоней, а на деле оказался тем еще мерзавцем, — задумчиво произнес Макото; дело происходило накануне ужина во дворце и они зашли скрасить вечерок и пропустить стаканчик-другой в компании Червя, который прибыл в такой восторг от их недавнего «подарка», что не поскупился на пару бочонков лучшего вина из дорогушей винодельни. — Жаль, ублюдок Исаро успел смыться — но то ненадолго, мой отец пообещали за его голову столько денег, что уже совсем скоро она будет торчать на пике. Слушай, а ты действительно копался в кишках той твари?

— О, разумеется, — кивнул Червь, которому и был адресован его вопрос. — Я до сих пор не знаю как вас благодарить — это просто уникальный экземпляр. Я ни разу в жизни не видел хоть что-то подобное! Жаль, вы его убили...

— Вообще-то он пытался нас прикончить, — заметил Кенджи, делая глоток.

— Да-да, конечно, я понимаю, — тяжело вздохнул Червь. — Но все же если бы мне довелось хоть одним глазком взглянуть на это существо вживую... поизучать его...

поставить пару экспериментов... быть может, мы бы сумели использовать полученные знания во благо.

— Если вдруг встречу на севере что-то подобное — непременно постараюсь запихнуть его в клетку и доставить тебе в целости и сохранности, — в полушутку пообещал Кенджи.

— Ты и в самом деле собираешься отправиться в Хрустальные Пустоши? — с сомнением произнес Шу. — Это ведь чистой воды самоубийство.

— А у меня есть выбор? — задал справедливый вопрос Кенджи.

— Выбор есть всегда, даже когда кажется, что его нет, — глубокомысленно сказал Рю и дернул накладную бороду. — Жнец сгинет в снегах без твоей помощи, пойдешь за ним — и составишь ему компанию. Твой отец — мертв, как и твой брат, как и Сато, как и все остальные, кого ты знал. Смерть Жнеца не вернет их к жизни и не поднимет из пепла твою деревню.

— Я знаю, — буркнул Кенджи; отчасти он понимал справедливость его слов, но он понимал, что тлеющие в его душе угольки не потухнут, пока он самолично не пронзит сердце того, кто за одну ночь лишил его всего. Или хотя бы не увидит его бездыханное тело. — Однако он не остановится и рано или поздно вернется закончить начатое. Я должен его остановить. Любой ценой.

— Рю прав, — это был один из тех единственных редких случаев, когда Макото неожиданно поддержал старика и даже назвал его по имени, а не «брюзжащим старым хрычем». — Ни один из Святого Войска не вернулся домой, а их было несколько сотен. Жнец не пройдет и половину пути, а вернется — окажем ему достойный прием. Он остался совсем один, его союзнички — мертвы или скоро таковыми станут, так что просто одержи победу в Турнире и наслаждайся заслуженной славой.

На какой-то миг Кенджи заколебался, раздумывая — а не правы ли его друзья? Скорее всего, Жнец погибнет и без его участия, а нет — так затаится в белых пустошах на долгое время. Быть может — даже навсегда. Да и что с того, даже если Кенджи сумеет настичнуть его и победить в честном бою — необходимо еще было вернуться назад, а это само по себе могло стать тем еще испытанием. Тем более, что кто-то из сидевших вокруг людей захочет составить ему компанию в его путешествии, а значит — он рискует не только своей жизнью, но и жизнями тех, кто за столь короткое время стали ему второй семьей.

Но... нет.

Кенджи будто снова услышал хруст шеи Тэмо, рев пламени, пожирающего их дом, бледное лицо отца... Внутри него вновь начал разгораться тот знакомый огонек и лишь большими усилиями Кенджи смог унять его, до белых костяшек сжав стакан.

Он должен сделать то, что пообещал самому себе.

Пускай даже и погибнув сам.

— Я подумаю, — неопределенно сказал Кенджи, уткнувшись носом в бокал, и, судя по быстрым взглядам его друзей, каждый из них прекрасно все понял.

— К слову, старикан, ты чего до сих пор разгуливаешь во всем этом маскараде? — поинтересовался Макото, сменив тему. — Твои бывшие дружки вроде как передумали топить тебя в ближайшем колодце, или я ошибаюсь?

— Я настолько привык к своему новому облику, что уже подумываю носить все это просто так, — ответил Рю, кинул взгляд в висевшее прямо напротив него зеркало и довольно подмигнул. — Тем более, так я выгляжу куда моложе.

— Тут ты прав, — согласился Макото. — Тебе с виду дашь максимум лет сто двадцать,

не больше. Ты кстати так и не рассказал, за что именно синоби стали точить на тебя зуб.

— Не рассказывал и не собираюсь, — отрезал Рю. — Не буду показывать пальцами, но прямо среди нас находится редкостное трепло, которому что расскажи — назавтра весь город судачить будет.

— Брось, — не унимался ничуть не обидевшийся Макото, хотя подколка явно была в его сторону. — Давай так: ты расскажешь, что именно не поделил с Проклятыми, а я познакомлю тебя с одной девицей, которая просто без ума от историй про синоби и предпочитает мужчин постарше. Чтоб меня отец наследства лишил, если я вру. По рукам?

— Ну, хорошо, — немного поразмыслив протянул Рю и поерзал на стуле, устраиваясь поудобнее. — В общем — мне дали задание убить представительницу одного знатного Дома. Не буду вдаваться в подробности, кому и чем она успела насолить, скажем так — некоторые люди не поскупятся ничем, лишь бы обеспечить своему отпрыску достойное будущее. В том числе и покушением — пускай даже и ценой жизни одной юной барышни, едва-едва встретившей второй десяток. Так вот: без труда пробравшись в ее комнату через окно, я застал ее готовившуюся ко сну. Услышав шорох, она оглянулась — и я замер на месте. Но не от страха, нет — от сияния ее бездонных глаз...

По лицу Рю, расплывшемуся в мягком кресле, блуждала мечтательная улыбка; то ли его так разомлело выпитое вино, то ли приятные воспоминания, а может и то, и то.

— Казалось, она ничуть не испугалась, — продолжил Рю. — Напротив: кинув быстрый взгляд на стилет, зажатый в моем кулаке, она подняла бровь и спросила: «Ты приходишь с оружием в руках ко всем, или я — исключение? Довольно странное решение впечатлить женщину».

— Железная девка, — с одобрением кивнул Макото.

— Не то слово, — усмехнулся Рю. — В общем, мы проговорили всю ночь и в следующую полночь я вновь постучался в ее окно. Но уже с бутылкой вина за пазухой. Встречи с Кин я до сих вспоминаю с теплотой, однако вскоре мне пришлось спешно покидать город, так как Проклятые не прощают тех, кто ослушался приказа.

— Кин?.. — поперхнулся вдруг Макото. — Ты же не хочешь сказать, что...

— Да, с госпожой Кумо мы знакомы так давно, что страшно представить, — сказал Рю.

От отвращения на лице Макото вполне могло бы скиснуть крынка молока, стой оно рядом. Старик же искренне веселился, наблюдая за его реакцией.

— Как ты считаешь, Жнец и вправду может быть сыном основателя Дома Шипов? — спросил Кенджи у Червя, решив перевести тему.

— Почему нет? — задумчиво поболтал тот вино в стакане. — Разложение — самая малоизученная стихия и таит в себе множество тайн. Притом дурно пахнущих, как в прямом, так и в переносном смысле этого слова.

— Так вы получается с ним пусть и дальние, но все же родственнички, — заметил Макото, обращаясь к Рю.

— Избавь меня Каге от лишнего злата и такого семейства, — поморщился Рю. — Деяния моих предков меня не слишком радуют, так что я бы предпочел держаться подальше от их наследия.

Они проболтали о всякой ерунде почти до глубокой ночи, то пытаясь вникнуть в рассуждения Червя о каком-нибудь хитром механизме, что он собирается воплотить в жизнь в ближайшее время — правда, пытающийся говорить простым языком, он то и дело забывался, начиная жонглировать терминами, о которых ни один из его собеседников не был

ни сном, ни духом, так что большую часть времени они просто вежливо кивали, делая вид, что понимают хоть что-то — то вслушиваясь в беззлобные перебранки Макото и Рю, которые, видимо, сегодня решили посоревноваться в придумывании остроумия. По итогу они сошлись на ничьей и ближе к полуночи разошлись по домам.

Следующим же вечером Кенджи и Макото вместе с остальными знатными членами Дома Змея, включая, разумеется, лично Каташи, направились во дворец императора, чтобы ознакомиться с условиями последнего испытания, которое и положит конец одному из самых ярких Турниров за последние сотню лет. Во всяком случае об этом твердили все вокруг и у Кенджи не было ни одной причины им не доверять.

— Выглядишь так, будто бы тебе совершенно плевать, кто одержит победу, — хмыкнул Макото.

— Почему «Будто бы?» — усмехнулся в ответ Кенджи. — У меня проблемы посерьезней.

— Да брось. Между нами — ничем хорошим твоя затея не кончится, — Макото понизил голос, так как едущий вперед на черном словно смоль скакуне Каташи, несмотря на возраст, обладал завидным слухом. — Отправимся на север — сгинем. Этот ублюдок просто заманивает нас в очередную западню.

— Никто не заставляет тебя или кого бы то ни было идти со мной, — дернул плечом Кенджи. — Я должен закончить начатое. Тем более, жить и постоянно оглядываться, ожидая ножа в спину — такая себе перспектива.

— Тут ты прав. Сам этот психопат явно не остановится, — согласился Макото и поежился. — Отправлюсь в Хрустальные Пустоши — отец с меня шкуру живьем спустит. И вдобавок...

Он умолк и сострыпал невинное выражение лица, поймав подозрительный взгляд Каташи, до которого, видимо, все же долетели его слова. Остаток пути они проделали молча и уже вскоре вновь находились в том же самом саду. Правда, на этот раз атмосфера здесь царилась довольно напряженная. Представители Домов держались друг с другом и разделялись разве что коротко поприветствовать особо хороших знакомых. На пиру не было замечено ни одной юной девушки — сплошь хмурые мужчины и молчаливые женщины, которые, насколько мог судить Кенджи, почти все не уступали боевому опыту или магическим навыкам мужьям, сыновьям, отцам и братьям. И еще — Кенджи мог поклясться, что у каждого второго, если не первого, в рукаве или за пазухой прятался стилет.

Особняком стояли выходца из Дома Кошки, вокруг которых пустовал большой круг, словно они были прокажены. Удивительно, что им вообще хватило духу явиться сюда. Однако, быть может, отказ принять приглашение только бы усугубил подозрения в том, что среди них вполне могут скрываться люди, разделяющие взгляды покойного Кента.

— Отец умер, — мрачно заявил возникший перед ними словно из ниоткуда Ясу. — Три дня назад.

— И тебе здравствуй, — сказал Макото и отхлебнул вино. — Соболезную.

— Досадно слышать. Твой отец был благородным и храбрым человеком, — без тени иронии произнес Кенджи и хлопнул парня по плечу.

После этого он поделился с ним всем, что произошло в последнее время, начиная от его встречи с Белым Лисом и заканчивая разговором со Жнецом.

— Когда выдвигаемся? — без лишних слов спросил Ясу, когда Кенджи наконец закончил рассказ.

— Может хотя бы сегодня забудем о беготне за уродом в маске и поиском стеклянных шариков с голосами внутри? — сказал Мамото, пока Кенджи не успел и открыть рот. — Выпьем, отдохнем, Кенджи выиграет Турнир и получит заслуженную награду — а там решите, стоит ли оно того или нет. Лично я ставлю на второй вариант. Вы лучше посмотрите, как эти дурики стараются — даром что выглядят, словно хмельные улитки.

Приглашенные артисты сегодня действительно смогли превзойти сами себя и показывали на редкость отвратительные номера, словно бы проникнувшись витающей вокруг враждой. Жонглеры то и дело роняли снаряды на пол, один из акробатов едва не разбил себе голову, пытаюсь сделать сальто, второй — рухнул прямо на ближайший стол, разбив посуду. Половина музыкантов и вовсе лишь делала вид, что надувают губы или перебирают пальцами по струнам, обмениваясь косыми взглядами. И к слову — Кенджи заметил, что двигаются все они так, словно под одеждой у них что-то скрывается, мешаясь держаться ровно...

Грянули трубы — и к подданным вышел сам Симада, в окружении целой гвардии воинов и чародеев. На этот раз вместо Чикара Хицу гласом императора служил другой сановник — плешивый мужичок годков сорока, который явно не привык к ораторству на большую публику, то и дело запинаясь и обмакивая красное лицо быстро вымокшим платком. Он вместе с Симада заняли место на трибуне, тогда как телохранители последнего взяли подмости в плотное кольцо.

— Рад приветствовать вас всех от лица его светлости! — протянул он срывающимся голосом, умолк и оглядел толпу, видно, ожидая какой-то реакции; однако ответом ему послужила звенящая тишина. — Не буду тянуть: всех нас потрясли события последних дней, но они никоим образом не должны внести раздор в наши ряды. Напротив: все мы должны сплотиться как никогда...

Взглядами, которыми члены Дома Ветра кидали на людей из Дома Кошки можно было убить. Да уж, «сплочение» — последнее слово, которое приходит на ум.

— ... и последнее испытание озвучит лично его Святейшество! — закончил наконец-таки эту пытку горе-оратор, после нескольких безрезультатных попыток наладить контакт с гостями.

Склонившись в почтительном поклоне, он сделал несколько шагов назад, тогда как вперед вышел Симада. Опершись на трость и окинув стоящую перед ним знать задумчивым взглядом, он пожевал губы и вдруг неожиданно произнес:

— Когда-то я думал, что у меня есть все — власть, о которой многие могут только мечтать. Богатства, которые я не успею потратить и за десять жизней. Земли, многие из которых расположены так далеко, что я никогда не вел по ним коня. И лишь потеряв своего единственного сына, моего наследника Джиро, я понял, что на деле у меня более нет ничего. Я прекрасно знаю какого это — оплакивать своих детей и сочувствую каждому, кому так или иначе довелось пройти это тяжелое испытание на собственной шкуре. Не думайте, что я не слышал о произошедшем — отнюдь. И то, что мне довелось узнать, повергло меня не в ярость, нет. В чернейшую скорбь. Ибо при мне целые Дома могли сгинуть и за меньшее, нежели убийство. Притом столь коварное и совершенно бессмысленное. Однако убийца уже получил по заслугам и судить его могут только боги и предки, пред чьими ликами он предстал. От себя же официально заявляя, что я не собираюсь мстить невинным людям за проступки их сородича, который по той или иной причине ступил на кривую дорожку. И советовал бы всем прочим поступить точно также.

В толпе начались перешептывания. Представители Дома Кошки, которые явно явились сюда как на эшафот, казалось, не верили своим ушам — глава же Дома Ветра сжимал бокал побелевшими пальцами так сильно, что вот-вот раздавил бы его на кусочки. Тем не менее, градус напряженности вокруг заметно упал.

— Но приступим к тому, ради чего мы здесь и собрались, верно? — уголками губ улыбнулся Симада и погладил узловатой рукой бороду. — Вряд ли вы пришли сюда выслушивать брюзжание какого-то древнего старика, который застал времена, когда порох считали демонской забавой, — кто-то даже осмелился на пару смешков. — Итак, последнее испытание будет заключаться в том, чтобы...

Договорить он не успел, так как раздался громкий взрыв — и трибуна вместе со всеми на ней стоящими разлетелась на куски. Кенджи же почувствовал, как что-то обожгло ему лицо и подняло в воздух.

Громкий звон, стоявший в ушах, пронзал голову невыносимой болью, словно длинная холодная игла. Приподнявшись на локтях, Кенджи так сразу и не понял, где он находится и что вообще происходит. Последнее, что он помнил — вечер у Червя, дальнейшие же события точно были скрыты за завесой густого тумана. Вокруг же тем временем творился полнейший хаос. Возле горящих обломков помоста корчился императорский гвардеец с оторванной рукой, что, постанывая, из последних сил пытался отползти подальше. Не преодолев и пяти шагов, он содрогнулся в последней агонии и замер. Один из артистов, еще недавно развлекающий публику игрой на флейте, сменил музыкальный инструмент на невесть откуда взявшимся кривой меч и теперь яростно рубился с парнем в богатых одеждах, который компенсировал отсутствие оружия скоростью и ловкостью движений. Увы, сноровка ему не помогла: запутавшись в полах плаща он оступился и замешкался, чтобы через мгновение рухнуть на землю без половины черепа.

Вот только его противник не успел отпраздновать победу, так как какой-то пожилой мужчина разбил ему о голову тарелку, а следом воткнул длинный осколок прямо под кадык негодяя. Не успел он осесть на землю и выронить из ослабевших рук клинок, как старик подхватил его и с боевым кличем ринулся в бой. Бывшие циркачи, гимнасты и музыканты, сбросившие маски и вооружившись до зубов, кромсали опешивших гостей; некоторых из них пытались оказать сопротивление, другие — спастись бегством, большинство же и просто металось туда-сюда, растерянные, не понимающие, что происходит, при этом количество погибших и с той, и с другой стороны уже явно перевалило за пару десятков.

Вдруг Кенджи накрыла чья-то тень. С трудом повернув голову, он увидел, как над ним навис бугай, сжимающий в правой руке ручной топорик. Недобро ухмыльнувшись, здоровяк уже было приготовился отправить Кенджи на тот свет, как его сбил с ног невесть откуда взявшийся Макото. Оба кубарем покатались в сторону, осыпая друг друга градом ударов — но вот наконец сумевший прижать противника к земле Макото одним резким движением сломал тому кисть, лишив возможности дальше вести схватку, для верности треснул локтем в висок, окончательно сломив сопротивление, а после, подобрав топорик, вонзил лезвие прям промеж глаз злодея.

Поднявшись на ноги, Макото поспешил к Кенджи и что-то закричал — вот только шум в ушах все не стихал и заглушал его голос, так что выглядел он сейчас словно рыба, выброшенная на берег жестокими волнами. Мотнув головой, Кенджи почувствовал, как из его левого уха что-то вытекло прямо за шиворот — взглянув на собственную ладонь, Кенджи увидел, что она алая от крови.

— ... датель!

Звон понемногу стихал, хоть в глазах все еще и двоилось, и Кенджи уже потихоньку начал различать звуки царившего вокруг хаоса, состоящего из воплей, криков, ругани, стонов треска ломающегося дерева, выстрелов и звона стали. Ноздри же резал резкий запах дыма.

— ... предатель! — прорезал какофонию вопль Макото, который одним рывком поднял Кенджи на ноги, попутно не дав рухнуть обратно. — Этот ублюдок Исаро каким-то хером провел сюда своих людей вместе с оружием! Император мертв!

— Что?.. Симада погиб?.. — только и смог произнести Кенджи, все еще пошатываясь и ощущая во рту железный привкус; видимо, упав, он все-таки прикусил язык. Что ж, ему еще

повезло легко отделаться. — Но как...

— Не сейчас! — перебил его Макото. — Нужно найти отца с братом и уходить отсюда, да поживее, иначе за наши шкуры я тоже и медяка не дам.

Долго искать им не пришлось. Высокую фигуру Каташи, облаченного в праздничный наряд зеленых и черных цветов, было видно издалека. Окруженный разом пятью противниками, он не выказывал и доли беспокойства, просто являя собой само воплощение невозмутимости, несмотря на то, что был полностью безоружен, тогда как враги его сжимали короткие кривые клинки, кинжалы и палицы. При этом никто из пятерки не решался нападать, обмениваясь меж собой тревожными взглядами, точно чуя, что невзирая на численный перевес, драка может дорого для них кончиться. Но вот наконец самый храбрый — или же безрассудный?.. — из негодяев издал яростный вопль и бросился на главу Дома Змея, яростно размахивая клинком.

Одним неуловимым движением Каташи ушел в сторону и выбросил в сторону парня руку. Разрезав мечом лишь воздух, тот по инерции пробежал еще несколько шагов и упал на колени, тяжело хрипя; на месте, где еще несколько мгновений назад был кадык, теперь зияла дыра размером с кулак, сочащаяся кровью. Дотронувшись до горла, точно все еще не веря в собственную смерть, воин рухнул лицом в землю и испустил дух. Каташи же безгласно отбросил в сторону склизкий окровавленный комок, достал из-за пазухи платок, вытер руку, и отбросил кусок ткани в сторону.

— Если хотя бы один из вас не проживет дольше десяти ударов сердца, я буду искренне разочарован, — стальным голосом произнес Каташи, обращаясь к приятелям погибшего.

Какое-то время они колебались, точно раздумывая, продолжать ли бой, либо же дать деру, однако спустя миг вся четверка как один ринулась на Каташи, намереваясь изрубить его на куски. Бой начался столь быстро, что ни Кенджи, ни Макото при всем желании не успели бы прийти тому на помощь. Впрочем, вряд ли глава рода Такэга в ней нуждался.

Вспыхнувшие огнем кулаки Каташи мелькали в воздухе так быстро, что сливались в один огненный вихрь, несший только смерть. Противники падали один за одним — и вот уже у ног Каташи лежало уже три бездыханных тела, сам же он, казалось, даже не запыхался, отделавшись лишь тонкой царапиной над левой бровью. Из ранки выступила капелька крови — сняв ее мизинцем, глава Дома Змея недовольно покачал головой и цокнул языком, точно стыдя сам себя за допущенную оплошность. А после же, не медля, обрушил на оставшихся в живых негодяев все свои приемы.

Сноп искр заставил одного из них отшатнуться в сторону и взвыть от боли, прикрыв опаленное лицо свободной ладонью. Резкая подсечка сбила неприятеля с ног, а удар каблуком сломал кадык, что теперь лежал практически на плече. Другой супостат не терял времени даром и все же умудрился задеть Каташи. Просвистевший в воздухе меч самым кончиком разрезал жилет и рубаху, оставив на боку их хозяина узкий порез. Сморщившись от боли, Каташи увернулся от последующего замаха, мыском туфли подбросил в воздух лежавший на земле кинжал и ударом с ноги отправил его в сторону явно не ожидавшего подобного приема врага.

Нож вонзился ему в грудь по рукоять, заставив рухнуть на спину. Последний оставшийся на ногах противник заметно дрогнул — однако на подмогу ему подоспело еще парочка дружков, но на помощь отцу пришли Кенджи и Макото.

Несясь словно ветер, он, не сбавляя скорости, прямо на ходу ловко подобрал

валяющееся возле мертвого императорского гвардейца копьё и ворвался в схватку словно ураган. Один из недругов не успел и повернуть голову в его сторону, как Макото проткнул того практически насквозь. Каташи расправился со вторым, Кенджи же прикончил последнего, поразив его подобранным мечом.

— Отец! Ты ранен? С тобой все в порядке? — взволнованно спросил Макото, тяжело дыша.

— Станный вопрос, учитывая происходящее вокруг, — ответил Каташи. — Где твой брат?

— Я здесь, отец, — около них возник Ичиро. Несмотря на довольно потрепанный вид — аккуратная еще не так давно прическа была растрепана, в волосах застряли щепки, одежда же его была покрыта сажей и пятнами засохшей крови, к счастью, как оказалось, чужой — на первый взгляд он был цел и практически невредим. — Что происходит? Почему эти люди напали на гостей? Кто позволил им пронести во дворец оружие? Откуда...

— Сын, — прервал его Каташи, — ответы на все эти вопросы, разумеется, волнуют меня не меньше, чем тебя. Однако поразмыслить над ними мы сможем позже, в более спокойной обстановке, когда...

Однако не успел он закончить, как шум и гам вокруг прорезал громкий крик:

— Такэга!

Оглянувшись, они увидели Исаро Ода в полном боевом облачении, что стоял в паре десятков шагов от них в окружении десятка вооруженных воинов.

— Жалкий предатель! — со злобой сплюнул на землю Макото. — Так и знал, что здесь замешан кто-то из твоей гнусной семейке. Уже к завтрашнему рассвету ты и твои приятели будете кормить ворон!

— Заткни пасть, щенок, — презрительно ответил Исаро; Макото вспыхнул и сделал было шаг вперед, но Каташи остановил его, положив ладонь на плечо. — Я обращался не к тебе, а к старому псу, с которым у меня есть кое-какие давние счета.

— И я выслушаю все, что ты хотел мне сказать, — спокойно произнес Каташи; голос его было ровен, на лице не дрогнул и мускул, и только глаза, просто-таки мечущие молнии, выражали его истинные эмоции. — Не скажу, что с удовольствием — разговаривать с червем навряде тебя побрезговал бы и чистильщик выгребных ям — но мы все же взрослые культурные люди, не так ли?

— Болтай-болтай, — скривился Исаро. — Все равно сегодня ты встретишь смерть от моей руки. Ты, и все твое сучье отродье. Или ты думаешь я простил твоему семейству вот это?

Он снял перчатку и поднял вверх левую ладонь, демонстрируя отсутствующий до фаланги безымянный палец.

— Мой отец был человеком чести и поступил так, как должно, — сказала Каташи, и, немного подумав, добавил: — Хотя нет. Чересчур милосердно. Помнится, кто-то из его людей советовал оскотить тебя и продать в бродячую ярмарку. Надо сказать, поразмыслив, я признаю, сколь мудры были его слова. Как паяц ты бы выглядел куда более внушительно, нежели сейчас, сыплющий пустыми угрозами. Глупец, ты и впрямь думаешь, что тебе или кому-либо из твоих людей позволят покинуть это место живым? Ты и твои головорезы могут справиться разве что с безоружными гуляками — да и то вероломно ударив их в спину — однако в схватке с настоящими воинами вас ждет лишь один исход.

— А ты сегодня куда более самоуверен, чем обычно, — усмехнулся Исаро. — Вот

только знай, что сегодня никто и ничто не помешает мне свершить мою месть. Я уничтожу тебя, твоих сыновей, твой Дом, все, чем ты так дорожишь и за что трясешься, втопчу в землю имя твоего рода и...

— Ты пришел сюда драться или болтать, девятипалый? — прервал его Кенджи, которому до ужаса хотелось закончить этот вечер. И не важно, кто из присутствующих здесь встретит завтрашний.

— Да как ты смеешь, грязнокровка!.. — взвизгнул Исаро.

— Не важно, кем были его родители — говорит он по делу, да и будем откровенны, чести у него больше, чем у прочих, родившихся и выросших среди роскоши и богатства, — произнес Каташи, поднимая лежавший неподалеку меч; несколько раз взмахнув им в воздухе перед собой, проверяя баланс, он встал в боевую стойку и лезвие клинка объял жаркий огонь, совсем как тот, что горел в его взгляде.

Обмен «любезностями» был закончен и теперь заговорила сталь. Уповая на численное превосходство, люди Исаро бросились в яростную атаку, явно намереваясь изрубить противников на куски за несколько мгновений. Зря. Не прошло и трех ударов сердца, как несколько из них поплатились за свое безрассудство жизнями. Да, пускай Кенджи и его соратники вместо доспехов были облачены в парадные костюмы, вот только умением каждый из них превосходил любого из оппонентов на голову.

Когда почти треть их врагов лежали иссеченными на земле или корчились в предсмертных муках, оставшиеся на ногах сменили тактику, взяв противников в кольцо и решив вести бой куда более осторожней. Впрочем, сам Исаро и так с самого начала схватки держался за спинами своих воинов, лишь подбадривая их криками и последними словами костеря все семейство Такэга.

— Быть может, ты скажешь мне все это лицом к лицу, как и подобает мужчине? — презрительно бросил Каташи после того, как очередной супостат рухнул на землю с перерубленным горлом. — Не зря мой отец говорил, что скорее черепаха, подброшенная в воздух, взмлет в небеса, чем кто-то из семьи Ода прославится храбростью. Напомни, как за глаза называли твоего деда? Сэтору Дрожащий Лист или Сэтору Мнительный?

— Хватит!.. — рявкнул Исаро, расталкивая столпившихся перед ним солдат. Судя по всему, слова Каташи задели его за живое. Ноздри мужчины раздувались от гнева, лицо покрылось багровыми пятнами, а жилы на шее вздулись подобно канатам. — Ты прав. Давай закончим это прямо здесь и сейчас. Только я и ты. И пускай если хоть кто-то — не важно, из твоих людей или моих — попробует помешать поединку, пускай его проклянут боги и отвернутся духи предков.

— Воистину, — кивнул Каташи.

Вокруг них тут же образовался широкий круг; при этом никто не терял бдительности и готов был кинуться на помощь своему лидеру в любой момент, если бы вдруг хоть кто-то посмел нарушить договоренности. Какое-то время и Каташи и Исаро лишь меряли друг друга пылающими взглядами, ожидая.

Первым не выдержал глава рода Ода. Издав яростный клич, он бросился вперед. Каташи же и не шелохнулся. Казалось, клинок Исаро вот-вот разрубит его пополам, от плеча до паха, как Каташи ушел в сторону; быстро, грациозно, одним коротким шагом. Меч разрезал только воздух. Без мига передышки Исаро ударил еще раз, и еще, и еще — Каташи без каких-либо затруднений отбил все атаки, при этом не спеша идти в ответное наступление.

Трижды Исаро пытался прикончить заклятого союзника. Трижды Каташи отводил в

сторону вражеский клинок, что не нанес ему и царапины.

— И это все, на что ты способен? — насмешливо поднял он бровь, покуда Исаро тяжело дышал, переводя дух. — Право — болтать у тебя получается куда лучше, чем драться.

— Я еще даже и не начал, — огрызнулся тот и на лезвии его оружия заиграли молнии. — Это была разминка, не более.

— Чудно, — усмехнулся Каташи и его меч объяло пламя. — А я уж думал, что так до конца жизни больше и не дождусь достойного поединка.

Едва закончив последнее слово, он сделал резкий взмах, запустив в сторону Исаро огненную плеть. Тот же в ответ прописал лезвием восьмерку, погасив огонь и заставив Каташи отступить на пару шагов назад. Воодушевленный пускай и маленькой, но победой, Исаро крутанул клинком, создав мигающий вспышками вихрь. Каташи сумел увернуться от приема — пускай и ценой куска рукава.

— Ты зря подпустил меня так близко, Каташи, — прорычал Исаро, до белых костяшек сжимая рукоять килнка. — Я годами следил за каждым твоим шагом, изучал тебя, внимал каждому слову, дабы в нужный момент нанести решающий удар. Ты и не представляешь, насколько сладок будет вкус моей мести!..

— Я никогда в жизни не сомневался в твоей подлой натуре, слизняк, — сплюнул на землю Каташи. — И держал я тебя рядом с собой лишь для того, чтобы лично пронзить твое черное сердце, когда ты обнажишь свою истинную натуру.

Они одновременно ринулись навстречу друг другу и воздух снова наполнил лязг стали. Никто бы в здравом уме не стал бы спорить, что Каташи был умелым и опытным бойцом, однако и Исаро не являлся зеленым юнцом, только-только сменившим деревянный меч на настоящее оружие. Это напоминало смертельный танец, в котором ни тот, ни другой не могли одержать верх. Но вот очередной всполох искр опалил Исаро лицо. Взвыв, он выронил меч, отступил назад, упал на колени и закрыл глаза ладонями.

— Кажется, вот и все, — Каташи повел в воздухе мечом перед решающим замахом. — Мой отец отнял у тебя палец, тогда как я заберу жизнь. Как ты того и заслуживаешь, предатель. Есть что сказать напоследок?

Каташи сделал шаг вперед и занес над головой меч, но не успел он нанести, как ослепленный Исаро вдруг выхватил из-за пазухи пистолет. Грохнул выстрел. Каташи чуть покачнулся, едва не утратив равновесие — а потом резким взмахом отсек Исаро голову. Еще пару мгновений тот сжимал в кулаке дымящийся пистоль, но потом тело его рухнуло на бок. Рядом осел и Каташи, на левом боку которого быстро расплылось багряное пятно.

Первым оцепенение с себя сбросил Макото. Издав почти что звериный рев, он за несколько стуков сердца отправил на тот свет троих людей Исаро, которые едва-едва сопротивлялись. Кенджи не отставал, без пощады рубя оставшихся в живых предателей, и даже Исаро поразил нескольких врагов — и вот, уничтожив всех противников, они все вместе окружили тяжело дышащего Каташи.

— Отец!.. — Макото стянул с себя порванный жилет и бережно положил ему под голову. — Не шевелись! Сейчас мы найдем лекарей и...

— Нет, сын, — прервал его Каташи и задался в хриплом кашле. — Ни знахари, ни их снадобья, ни что-либо другое мне уже не поможет. И мы оба это знаем.

— Весь род Ода до последнего колена поплатится за проступок Исаро! — воскликнул Ичиро, упав на колени рядом с братом. — То, что он совершил — немыслимо!.. Отец, знай, я не успокоюсь, пока каждый из этих негодяев не будет болтаться в петле!

— Ичиро, ты ли это? Подойди поближе, я не узнаю тебя, — Каташи выдавил из себя слабый смешок, который, судя по гримасе боли, на миг мелькнувшей на его лице, стоил ему немалых усилий. — В твоих словах я слышу нашего дорогого Джиро. О, он загорался быстрее промасленной сухой лучины — хватало только одной искры. Что ж, совсем скоро я смогу обнять его и вместе усесться пировать вместе с нашими предками...

— Не говорите так, господин Такэга, — вмешался Кенджи. — Вы проживете еще много-много...

— Хватит, — мягко, но голосом, не терпящих возражений, прервал его Каташи. — Времени у меня становится все меньше, так давайте не будем трогать его впустую. Ичиро, Макото, подойдите поближе, дети мои, — подождав, пока оба сына склонятся над ним, он продолжил: — Для меня не секрет, сколь вы разные характером и в спорах готовы поломать друг о друга немало копий. Однако пора отставить все разногласия и позабыть старые обиды. То, что произошло сегодня — только начало, помяните мое слово. И судьба всего Дома — Великого Дома Змея — целиком и полностью зависит от вас. Начнете грызню — и от нашего рода останется только пыль, что рассеет ветер. Прикроете друг друга в трудный час — и цвета нашего Дома будут носить еще сотни и сотни лет. Помните об этом. Кенджи, — Каташи перевел на него взгляд и Кенджи увидел в нем немую просьбу; сжав губы, он коротко кивнул, на что Каташи ответил легкой улыбкой. — Ты уже не раз вытаскивал моего младшего сына из передраг и, я уверен, еще сделаешь это не раз. А где один, там и двое, верно?..

— Клянусь, что сделаю все возможное для вашей семьи и нашего Дома, господин, — поклонился Кенджи.

— Знаю. И безмерно благодарен тебе за это. Что ж... Надеюсь, господин Сато не откажется выпить со мной кружку-другую. В момент нашей последней встречи разговор у нас, увы, не слишком заладил.

Произнеся это, Каташи вздохнул в последний раз — и после взгляд его заволокла пелена. Наклонившись, Макото бережно провел ладонью по лицу отца, закрыв тому глаза, а после сжал кулаки:

— Я найду этого Землепашца и засуну эти драгоценные сферы так глубоко, что он вообще пожалеет, что когда-то перешел нам дорогу, — мрачно заявил он и, в ответ на недоуменный взгляд брата, буркнул: — Объясню попозже. Долгая история.

— Кажется, все негодяи мертвы или сложили оружие, — покачал головой Ичиро и огляделся по сторонам. Действительно: немало гостей сложили головы, однако оставшимся вместе с подоспевшей стражей удалось перебить негодяев, некоторые из которых, видя безвыходность ситуации, сдались на милость победителям.

— Не все, — сказал Кенджи, у которого в голове наконец-то сложилась целая картинка. — Кажется, нам нужно нанести визит одному старому знакомому. И лучше с этим не медлить. Однако пред тем мне нужно навестить Хо.

В этот момент он вдруг вспомнил слова ведьмы: «... подавившийся змей, пытающийся сожрать собственный хвост».

Постучав три раза, Кенджи дождался приглушенного крика: «Войдите!» и последовал приглашению. Попав вовнутрь кабинета главного императорского советника, Кенджи с любопытством огляделся. А тот не отказывал себе в роскоши — убранству вокруг могли позавидовать самые зажиточные богатеи. От сияния золота просто резало глаза, а изысканные гобелены, изображавшие богов и героев прошлого, стоили целое состояние. Сам же Чикара стоял у раскрытого окна, сложив руки за спиной и наблюдаю за вечерней столицей, жители которой уже готовились отходить ко сну.

— Господин Кенджи, — он оглянулся и жестом позвал его сесть за стол. — Признаться, я и сам хотел поговорить с вами, но вы меня опередили. Прошу, садитесь. Чувствуйте себя как дома.

Кенджи не пришлось уговаривать дважды. Чикара же тем временем достал из шкафа хрустальный графин и два небольших пузатых стакана.

— Примите мои самые искренние соболезнования, — сказал он, разлив сакэ. — Смерть господина Такэга — потеря не только для Дома Змея, но и для всех нас. Исаро... Кто бы мог подумать. Мне он всегда казался порядочным человеком.

— Оболочка часто бывает обманчивой, — ответил Кенджи и залпом осушил стакан, чувствуя, как горячий словно жидкий огонь напиток прожигает желудок, наполняя тело приятным теплом.

— Мудрые слова, — покачал головой Чикара, выпил, сморщился, и вновь наполнил бокалы. — Разумеется, могу заверить, что я приложу все усилия, чтобы каждый сопричастный к этому вопиющему предательству был наказан. Резня прямо посреди Каноку во дворце императора, прими боги его душу!..

— Действительно, думаю, тот злополучный вечер войдет в хроники многих Домов, — кивнул Кенджи и кинул взгляд на нескольких гвардейцев, с ног до головы закованных в броню; стояли они по углам, прячась в тени, и были столь неподвижны, что их легко можно было принять за статуи. — А мы не могли бы переговорить с глазу на глаз?

— О, не обращайтесь на них внимания, — хмыкнул Чикара. — Это мои личные телохранители, которых я отбирал лично. Считайте, что у них нет ни ушей, ни глаз, ни языка. Все, что они увидят или услышат в этой комнате никогда в жизни не выйдет за ее пределы.

— Прекрасно, — кивнул Кенджи. — Ведь это в ваших же интересах. Ответьте на один вопрос — как давно вы приняли решение предать Симада?

Чикара так и замер, едва-едва поднеся стакан к губам и не успев сделать и глоточка. Спустя пару мгновений он аккуратно поставил бокал на стол и пригладил волосы — Кенджи не мог не заметить, как сильно дрожат его руки.

— Громкое обвинение, — процедил Чикара; на лице его не дрогнул и мускул, но вот глаза бегали туда-сюда испуганными мышками, а шея пошла кроваво-алыми пятнами, — которое вполне может стоить вам свободы, если не головы. Невзирая на все ваши заслуги и покровительство Великого Дома. Если это шутка, то она весьма неудачная...

— Бросьте, — произнес Кенджи и, заметив, что Чикара кинул взгляд на одного из стражей, добавил: — К слову, предвижу ваши помыслы — если я не вернусь к утру целым и невредимым, один из моих друзей тут же отправится в магистрат и предоставит тамошним

мэцукэ все доказательства. Так что на вашем месте я бы дважды подумал перед тем, как отдать приказ. Тем более, вы действительно столь уверены, что вашим людям удастся прикончить меня без лишнего шума?

Он улыбнулся. Чикара же, явно признавший правоту его слов — пускай и нехотя — опрокинул стакан и откашлялся в рукав.

— Ну и чего же ты хочешь? — сухо спросил главный советник, похоже, решивший прекратить строить из себя невинную овечку. — Денег? Место при дворце? Собственный Дом?

— К этому вернемся позже, — уклончиво ответил Кенджи. — Пока что меня интересуют лишь ответы на некоторые вопросы. Как вы вообще спутались со Жнецом и Братством Рока?

— О, он вышел на меня сам, — дернул плечом Чикара. — Признаться, к тому моменту я уже и сам подумывал, что род Симада слишком уж засиделся на троне. Жнец же развеял последние сомнения, предложив свою помощь. Будто бы сама судьба решила дать мне в руки шанс. Надо признать, это именно он надоумил меня подговорить императорского щенка затеять поход на север, что я с успехом и выполнил.

— Зачем? — любопытствовал Кенджи. — Что же такого вам сделал Симада, раз вы так ненавидели всю его семью?

— Ненавидел? Пф! — фыркнул Чикара. — Во мне нет и не было ни капли злости. Лишь холодный расчет. Симада уже тогда был слишком стар, чтобы заделать еще одного отпрыска, так что оставалось лишь избавиться от единственного наследника, подождать, пока старик отправится на встречу с предками и посадить на престол какую-нибудь марионетку. Скажем, мальчика Огава из Дома Цапли, который является Симада пускай и весьма дальним но все же родственником по крови. Осуществить план оказалось куда проще, чем я думал — изнывающий от скуки Джиро готов был на все, лишь бы прославить свое имя. Так что собрав вокруг себя толпу таких же избалованных идиотов, он двинулся в путь за великими подвигами — и сейчас его кости вмерзли в лед. Симада же, потерявший любимого сына, совсем поплохел и практически перестал понимать, что творится вокруг. Что, разумеется, было мне только на руку. Думаю, ни для кого не секрет, что в последние года я вел дела от его имени практически в одиночку, скармливая старику лживые побасенки.

— Да, вы явно не теряли времени даром, — заметил Кенджи, кинув взгляд на роскошный ковер, обшитый золотой нитью. — А что же взамен потребовал Жнец?

— Помощь в поиске каких-то там сфер, — сказал Чикара и неопределенно взмахнул ладонью. — Уж не знаю, что он собирался с ними делать, но, видимо, для него они весьма важны. А вскоре после нашей сделки он также заручился помощью Исаро, который был готов на все, лишь бы отомстить Каташи. Жнец сказал, что помощь Ода понадобится для поиска его бесценных безделушек — однако я подозреваю, что он просто-напросто не доверял мне и нанял этого девятипалого идиота, чтобы в случае чего вонзить мне нож в спину его руками.

— Жнец оказался весьма проницателен, — усмехнулся Кенджи. — Предавший единойжды — предаст и дважды.

— Как я понимаю, вопросы кончились, раз мы начали обмен любезностями? — поморщился Чикара, которого, судя по всему, слова Кенджи если не оскорбили, то изрядно задели.

— Не совсем, — покачал головой тот. — Это же вы записали меня участником на

Турнир, верно? Зачем?

— Отвлекь тебя, покуда Жнец гоняется за своими драгоценными сферами, — произнес Чикара с таким видом, точно объяснял, что трава растет из земли, а солнце восходит на востоке. — Занять тебя, чтобы ты хоть на время перестал путаться у нас под ногами. А, быть может, и вовсе вывести игры. Сам понимаешь, Турнире — не светский праздник, несмотря на все меры предосторожности, и «несчастный» случай может произойти с каждым... Эта задача была на Кента — но сопляк оказался немного хитрее, чем я думал, быстренько спелся с Исаро и, видимо, решил немного подвинуть фигуры на доске.

— Припоминаю их разговор в «Жемчуг и пламя», — кивнул Кенджи. — Они планировали заграбастать сферу себе и потом избавиться от тебя и Жнеца.

— Именно, — скривился Чикара. — Подозреваю, что та тварь чуть не сожрала меня именно по их вине. Уж не знаю, как они это провернули, и знать не хочу. Тем не менее, я жив и здравствую — они же кормят червей.

— Но остался еще Жнец, — заметил Кенджи. — И вряд ли он простит вам ваше вероломство.

— Пф! — фыркнул Чикара. — Напыщенный идиот в чудных тряпках, от которого постоянно смердит гнилью. Да, он весьма могущественный колдун, не спорю, да и боец наверняка не промах — однако он один, за мной же целая армия. Пускай только сунется — я прикажу заживо сварить его в масле, четвертовать, сжечь, а после утопить прах в ближайшей выгребной яме.

— Итак, — Кенджи с хрустом сжал кулак, еле-еле сдерживаясь, чтобы не разбить им эту наглуго мерзкую ухмылочку, гуляющую по лицу Чикара, — помимо всего вышеперечисленного вы придумали замаскировать людей из Братства под саругаку, дабы они имели возможность находиться у всех на виду и не вызывать подозрений. Именно так они смогли проникнуть в сокровищницу, а после устроили резню на пире, в ходе которой погиб Симада. Верно?

— Да, да и еще раз да! — с вызовом ответил Чикара, скрещивая руки на груди. — И помимо этого я умудрился выйти сухим из воды. Все, кто мог бы рассказать об этом — мертвы или в бегах. Я же получил все, что хотел — власть, богатства, престол. Повторю свой вопрос: чего же хочешь получить ты, взамен на молчание? Титул? Ту самую сферу? Не смотри на меня так — она уже давным-давно хранится у меня, пока стража охраняет стеклянную пустышку. А, быть может, тебе нужен свой собственный Дом? Поверь, одно слово — и уже к утру ты будешь объезжать свои новые владения.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся Кенджи. — Но вот только хочу признаться — я соврал. У меня не было ни единого доказательства вашей вины, кроме догадок, которые вы подтвердили только что. Можно сказать, подписав себе приговор своей же собственной рукой.

Какое-то время Чикара молчал. А потом запрокинул голову назад и расхохотался:

— Ну и кто же поверит в подобную чушь?.. — сквозь смех произнес он, утирая выступившие на глаза слезы. — Змееныши Такэга? Этот болван Хо? Или тот полоумный старикан, которого ты постоянно таскаешь за собой, словно хвост?

Один из стражей, стоявших в углу, пошевелился и сделал шаг вперед. Кенджи же откинулся на спинку стула, в предвкушении зрелища.

— О, боги, не представляю, как они вот так стояли тут не шевелясь целыми днями, — послышался из-под брони глухой голос; миг — шлем покатился по полу, на свет же

предстала голова Макото, чьи волосы прилипли к вискам, а лоб покрыла испарина. — Я ног не чувствую... К слову, ты, канцелярская крыса, последний, кто назвал меня змеенышем, очень плохо кончил и скоро ты поймешь почему.

Чикара так и застыл с разинутым ртом. Выглядел он до того нелепо, что Кенджи едва-едва сдержал смех.

— Спокойно, Макото, — под броней другого гвардейцы скрывался Хо; подойдя к Чикара, он смерил его презрительным взглядом и сплюнул на пол: — Я, конечно, болван, но болван, служащий в императорском магистрате. Господин Хицу непременно ответит за каждое из своих злодеяний — но согласно букве закона.

— Неслыханно! — Ичиро, явно привыкший носить куда более светские наряды, провозился с доспехами дольше всех; его просто трясло от возмущения, и, если бы взглядом можно было убить, Чикара бы уже упал замертво. — Это... это... Уж никогда бы не подумал, что соглашусь со своим братом, но сейчас просто вопиющий случай!..

Глаза Чикара метались между их четверкой и закрытой дверью; однако все прекрасно понимали, что он не успеет даже дотронуться до ручки. Вдруг Чикара вскочил на ноги, с грохотом уронив стул, выхватил из-за пазухи сферу и, прижимая ее к груди, попятился назад.

— Ни с места! — взвизгнул он затравленным голосом. — Еще один шаг — и я уничтожу то, что вы так тщательно искали!

— Валяй, — спокойно ответил Кенджи, поднимаясь на ноги. — Главное, чтобы она не попала в руки Жнеца. В отличие от тебя, нас ведет не жажда власти или жадность, а нечто другое. То, что ты никогда не понимал и не поймешь. Как и твой дружок Кента. Как и жалкий предатель Исаро.

— Все кончено, господин главный советник, — сказал Хо.

Чикара ответил ему затравленным взглядом, закрыл глаза... А после двумя руками поднял сферу над головой и со всей силы опустил ее на пол. Раздался громкий звон, по ковру рассыпались блестящие осколки. Кенджи же отшатнулся, как от удара, так как на краткий миг будто бы вернулся в ту злополучную ночь, когда Жнец и Братство Рока напали на его деревню. Он вновь ощутил чье-то присутствие — и что-то внутри него будто бы почуввав то же самое встрепенулось, словно спящий пес, перед чьим носом помахали куском мяса... Однако наваждение ушло столь же быстро, как и нахлынуло.

Чикара же вдруг рухнул на колени и громко взвыл. Из ушей и носа его хлынула кровь, глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит, а зубы его скрежетали словно пила о камень.

— Кажись он и без нашей помощи сейчас копыта откинёт, — заметил Макото, с любопытством наблюдая за бьющимся в агонии Чикара.

Выгнув спину дугой, он захрипел в последний раз и рухнул на пол. Кенджи уже было решил, что Макото прав, и главный советник отправился на суд богов, миновав земной, как вдруг Чикара резко раскрыл глаза и медленно поднялся на ноги. Оглядевшись вокруг, он вытянул перед собой ладонь и с удивлением поднес ее к переносице, точно не узнавая собственные пальцы.

— Господин Хицу? С вами все в порядке? — спросил Хо, будто бы невзначай взявшись за рукоять меча.

Тот ничего не ответил. Обведя взглядом присутствующих, он остановил взор на Кенджи и задал странный вопрос:

— Как долго я спал, брат?

— Ты был без сознаний несколько мгновений, не более, — в недоумении ответил

Кенджи.

— Ты не понял, — медленно покачал головой Чикара. — Я говорю не от имени этого червя, в чью шкуру я попал. Сколько лет прошло с тех пор, как мне пришлось уснуть? Сколько наших выжило? Мы... смогли найти путь домой?

Глядя в глаза Чикара, Кенджи вдруг понял, что говорит вовсе не с главным советником, а с кем-то другим. С кем-то, кого он должен был знать. Он не знал, почему у него такое ощущение — просто понимал, что должен. Внутри него вновь что-то шевельнулось... Чтобы снова замереть.

— Я... не понимаю, о чем ты, — развел руками Кенджи и, спустя пару ударов сердца, добавил: — Просто.

Чикара — а точнее существо в его оболочке — наградил его долгим взглядом, который сквозил не то досадой, не то жалостью, не то презрением. А быть может — всем вместе. После же произошло то, чего не ожидал никто — Чикара одним прыжком преодолел расстояние до Кенджи, выхватил у него из-за пояса кинжал и прошептал ему на ухо:

— Надеюсь, кому-то повезло больше, чем нам с тобой. Прощай, брат.

Не успел никто и моргнуть глазом, как Чикара оттолкнул Кенджи, вонзил кинжал себе прямо в сердце по самую рукоять и медленно осел на пол. Хо было бросился к нему — однако когда он склонился над главным советником, тот уже испустил дух.

— Это что еще за мать вашу?.. — только и смог произнес Макото. — Что за тарабарщину он нес?

— О чем ты? — с удивлением спросил Кенджи.

— Вы говорили на каком-то странном языке... Никогда не слышал подобного наречия раньше. — ответил за Макото Хо и устало потер виски.

Подойдя к столу, он поискал глазами пустой стакан, но потом решил бросить пустое дело и отхлебнул прямо из горла.

— Надеюсь, моя выходка останется тайной, — откашлялся он и вытер губы. — Как никак, я еще на службе.

— Думаю, мы все заслужили сегодня хорошенько налакаться, — вздохнул Макото, принимая бутылку из его рук. — А ты братец с нами? Или как обычно назовешь меня пьяницей и отправишься изучать какие-нибудь бумаги?

Ничего не ответив, Ичиро подошел к брату, выхватил у него бутылку и сделал несколько крупных глотков.

— Вот это я понимаю, — Макото обнял его за плечи. — Но для начала нам бы позвать кого-нибудь — а то здесь грязновато.

— И я вновь говорю тебе «Нет», — повторил Кенджи, наверное, в десятый раз за этот вечер.

Сидевший напротив него Макото ничего не ответил. Скрестив руки на груди и постукивая башмаком по полу, он буравил друга тяжелым взглядом. Они — а еще Рю и Ясу — находились в комнате Кенджи. Дело уже близилось к полуночи, но споры их, начатые едва солнце лизнуло крыши домов, и не думали прекращаться.

— Ты и вправду хочешь бросить свою семью и Дом ради того, чтобы помочь мне расправиться с Жнецом? — попытался Кенджи воззвать к голосу разума. — Ты сейчас

нужен им как никогда. Каташи больше нет, Ичиро же вряд ли справится без твоей помощи. Он порядочный человек — но не боец. Сейчас же каждый воин — в особенности твоей ступени — на вес золота.

Макото громко фыркнул, но возразить ему было нечего. С момента бойни в императорском дворце прошло несколько дней и столица просто преобразилась. Отныне трудно было встретить на ее улицах праздно шатающихся зевак, спорящих, кто из участников Турнира одержит победу за графином вина. Знать, не доверяющая теперь даже самым якобы близким союзникам, спешно вывозила из Каноку семьи, опасаясь подставить их под очередной удар. Простолюдины же и вовсе лишней раз старались не высовывать носа из дома, дабы не попасть под очередную облаву городской стражи, которые рьяно шерстили все таверны, притоны и купальни, выискивая оставшихся в живых негодяев из Братства Рока, сумевших ускользнуть.

В Каноку остались лишь члены Совета Домов, который после смерти императора временно принял власть, да наиболее бесстрашные — либо же те, кто не имел возможности укрыться за высокими стенами родовых замков, ввиду их отсутствия.

— Отправляться на север вдвоем — чистой воды самоубийство, — упрямо пробурчал Макото.

— Соглашусь, — поддержал его Рю; удивительно, но в этом вопросе их мнение полностью совпадало. — Уж поверь — я как никто желаю Жнецу смерти, но то, что ты затеял, на редкость идиотская авантюра.

— Я не найду покоя, пока лично не снесу ему голову, — твердо заявил Кенджи, выдержав суровый взгляд старика. — Либо же не увижу его бездыханный труп.

— И что тебе это даст? — хмыкнул Рю. — Понимаю, прозвучит как кощунство — но ни его смерть, ни чья-либо еще не вернет к жизни твоих близких. Уж прости за прямоту. Быть может, стоит позаботиться о тех, кто еще дышит?..

— Вам не понять, — ввязался в разговор Ясу. — Несколько поколений моей семьи всю жизнь служили Ордену Листа. Мой отец умер не приходя в сознание и последние его слова, произнесенные в лихорадочном бреду, были про сферы и Братство Рока. Он ушел, так и не выполнив свою клятву — так что теперь это обязан сделать я. Пускай и сложив голову.

— Если бы мне давали монетку каждый раз, когда кто-то идет на погибель из-за глупых обещаний, я бы сейчас был самым богатым человеком империи, — проворчал Рю.

Тем не менее, он прекратил попытки переубедить Кенджи и Ясу, видимо, поняв все бессмысленность этой затеи. За Жнецом они действительно собирались отправиться вдвоем. Услышав их намерения, Рю какое-то время колебался — однако Кенджи сразу же сказал, что тот останется вместе с Макото. Вряд ли старик — пускай и не по годам крепкий, как Рю — сможет пережить подобный поход. И если Рю не стал настаивать на своей компании, то вот Макото до последнего рвался пуститься в погоню вместе с ними. И только напоминание о завете Каташи заставляли его пускай и нехотя, но согласиться. Впрочем, лишь на какое-то время — чтобы потом снова начать препираться. Шуноморо же сейчас обязан был защищать семью и Дом — да и тем более нога его до сих пор так и не зажила, так что он был бы для них лишь обузой, поэтому он тоже принял решение остаться.

— Думаю, Жнец не успел уйти далеко, — попытался немного сбавить градус напряженности Кенджи. — Скорее всего, мы настигнем его еще до того, как он успеет преодолеть земли Дома Волка и уйти в Хрустальные Пустоши.

— А что он вообще там забыл-то? — спросил Макото.

— Не знаю, — ответил Кенджи. — Быть может, где-то там находятся оставшиеся сферы. Но одно я знаю точно — у него определенно есть какой-то план и чем быстрее мы остановим его, тем лучше.

Рю хотел было что-то сказать, как вдруг дверь с грохотом распахнулась — и в комнату вошел дежуривший в коридоре стражник, чье лицо было белее мела. Позади же война шел Белый Лис собственной персоной, держащий кинжал у его горла.

— Госп-подин Кенджи, — пролепетал страж и громко сглотнул. — Этот сумасшедший п-пытался проникнуть в нашу резиденцию. Парни у ворот погнали его прочь, но он каким-то образом умудрился п-проникнуть вовнутрь и...

— Все в порядке, я его знаю, — хмыкнул Кенджи и обратился к толпившимся в коридоре солдатам Змея, готовых порубить наглеца на куски. — Уберите оружие. Тебя это тоже касается.

Белый Лис, которому были адресованы его последние слова, спрятал кинжал за пазуху и поднял перед собой ладони.

— Это еще кто? — буркнул Макото.

— Белый Лис?.. — недоверчиво протянул Ясу. — Но я думал ты давным-давно...

— Гнию в могиле? — хохотнул тот. — Я и сам так думал, парень. До недавнего времени.

— Оставьте нас, — приказал Кенджи и, когда они вновь остались одни, спросил прямо в лоб: — Что тебе нужно?

— Даже не предложишь выпить? Мда, о «гостеприимстве» Змеев не зря ходят целые присказки, — оскалился Белый Лис, но через мгновение посерьезнел. — После нашего разговора я очень много думал, парень. И знаешь что? Я действительно струсил, парень. Струсил и тем самым подвел не только Акайо, которого чтил как брат, не только Орден — но и самого себя. Я влачил жалкое существование, пытаюсь заглушить совесть вином, но тщетно. Уж лучше я погибну, пытаюсь выполнить свой долг, чем захлебнусь в собственной рвоте, презирая самого себя. Я слышал, что произошло во дворце и дам обе руки на отсечение, что в этом замешан наш старый знакомый. Ты знаешь, где он? Давай закончим эту историю вместе, раз уж мне не довелось сделать это с твоим отцом.

Какое-то время Кенджи просто смотрел ему в глаза — и то, что он там увидел, доказывало, что Белый Лис не врет.

— Мы выдвигаемся завтра после полудня, — произнес Кенджи. — Жнец движется на север и мы планируем настигнуть его по дороге. Если вкратце...

— Подробности расскажешь по пути, — перебил его Белый Лис. — До встречи. Мне еще нужно собрать вещички и навестить парочку знакомых.

Он грохнул дверью. Проводив его взглядом, Макото с хрустом зевнул — да и сам Кенджи понял, что пора на боковую.

— Ты точно не останешься на погребение отца? — напоследок спросил Макото перед тем, как покинуть его комнату.

— Чем больше мы медлим, тем дальше уходит Жнец, — виновато развел руками Кенджи и выдавил слабую улыбку. — Думаю, господин Такэга понял бы меня и не стал бы держать обиды.

— Уверен в этом, — серьезно ответил Макото.

Оставшись один, Кенджи для верности выждал еще какое-то время, а после произнес:

— Можешь пойти.

Через пару мгновений от окна раздался шорох — и в комнату мягко и бесшумно, словно тень, проскользнула Рэй.

— И как долго ты подслушивала? — поинтересовался Кенджи.

— Достаточно, — ответила та, немного помолчала, и спросила: — Ты действительно собираешься отправиться в Хрустальные Пустоши?

— Да.

— Храбрый поступок, — заметила девушка. — Или глупый.

— Одно другому не мешает, — усмехнулся Кенджи. — Тебя отправила Сотня?

— Нет, — покачала головой Рэй. — Я пришла сама.

Подойдя поближе, она положила ладони ему на плечи. От нее шел легкий аромат, напоминающий запах луговых цветов: легкий, свежий, накрывающий прохладным дождем в душный летний день. Кенджи в ответ приобнял ее за талию. Аккуратно, мягко, словно скульптор, бережно дотрагивающийся до глины. Рэй дотронулась до его груди, слегка улыбнулась и спросила:

— Почему твое сердце так сильно бьется? Оно словно птица, которая пытается вырваться из силка.

Кенджи ничего не ответил, а вместо этого потянулся к ее губам. Рэй ответила тем же — и заговорили вновь они уже лежа в постели, тогда, когда от свечи на столе остался лишь небольшой огарок.

— Ты вернешься? — произнесла она и провела пальцем по его груди.

— Клянусь, — твердо сказал Кенджи.

— Врешь, — возразила Рэй и уткнулась носом в его шею. — Ты думаешь, что уходишь на смерть.

Кенджи ничего не ответил, лишь взглянул в ее глаза.

— А что если я уже мертв?..

— Ты бы стал отличным Проклятым, — сказала Рэй и они оба задались тихим смехом. — Как бы то ни было — знай, что я буду ждать тебя. Чтобы обнять — или предать земле.

Она притянула его к себе.

Спустя время, когда Рэй уже уснула, положив голову ему на плечо, Кенджи, глядя в окно, размышлял, увидит ли он еще когда-либо Каноку. Им предстоял долгий путь.

И если бы Кенджи знал, насколько долг он будет, быть может, предпочел бы последовать совету Рю.

Эру не знал, почему он еще жив.

И эта мысль червяком засела в его голове, не давая уснуть. Точа изнутри, точно паразит.

Отчего его взяли в плен, а не прирезали прямо на месте в тот злополучный день, который он будет вспоминать с проклятиями до конца своей жизни? И, как он подозревал, до сего трагичного момента, увы, осталось не так уж и много времени...

Загадка. Разгадать которую вряд ли сможет даже самый умудренный годами мудрец.

Со временем глаза Эру привыкли ко мраку и он смог разглядеть, где находится. Они держали его в тесной каменной камерке размером пять на пять шагов, где помимо растянувшейся вдоль одной из стен плиты, заменяющей постель, был лишь ночной горшок. Невзирая на огромные щели, в комнатухе не было холодно. Напротив — внутри стояла столь спертая духота, что Эру, с детства привыкший к холодным промозглым ветрам белых равнин, вечно обливался потом.

Кормили его два раза в день — видимо, утром и перед закатом солнца. Кормежка была на удивление достойной: то горячая рыбная похлебка, то кусок вяленой оленины со стаканом воды. Пищу подавали через небольшое окошко в двери, располагающееся у самого пола, так что Эру при всем желании не мог разглядеть своих надзирателей.

Так как делать ему было совершенно нечего, Эру, лежа на плите и заложив руки за голову, до бесконечности перебирал события того самого дня, когда все пошло прахом. Он вместе со своим отрядом — все как один рослые крепкие мужи, проверенные как в боях, так и на охоте — собирался напасть на поселение своих заклятых врагов. Ранее некогда подстрелили двух людей из его клана, которые, преследуя дичь, ненароком забрались на их территорию — один из которых отправился к праотцам еще до того, как его нашли, второй же присоединился к нему, едва успев добраться до родного селения и рассказать, что произошло — и Эру, полный праведной мести, тут же объявил о своем намерении нанести ответный удар.

Многие воины поддержали его решение, но он отобрал самых опытных, хитрых, ловких, и уже вечером того же дня они отправились в путь. Увы, они опоздали. Кто-то уже успел предать деревню огню и их встретили лишь сгоревшие шатры, да оледеневшие на морозе трупы. Некоторые люди Эру предложили вернуться назад — ибо возмездие свершилось, пускай и чужими руками — но взбудораженный Эру жаждал битвы, впрочем, как и многие другие. Да и какие же они воины, раз вернутся домой, даже не угостив оружие кровью?

Поэтому они решили отправиться в погоню; тем более, судя по свежим следам, неизвестные еще не успели уйти далеко. Нагнали они их примерно в полдень. Было их не более дюжины, не считая пару десятков рабов, закованных в цепи. С десятка воинов, покрикивающих на пленны́х, да парочка они, держащихся чуть поодаль; возглавлял же процессию одетый во все черное всадник, чье лицо скрывал широкий капюшон и кожаная маска. Развевающийся на ветру плащ с острыми краями делал его похожим на огромную летучую мышь.

Черный Всадник... Эру слышал о них, но доселе считал лишь страшной сказкой. Неуязвимые воины, взявшиеся невесть откуда, которых не брали ни копья, ни стрелы. Свитой у них ходили демоны, а появлению предшествовали страшные вьюги, коих не видели даже старики. Черные Всадники нападали на селения всех кланов без разбора, не щадя

никого, оставляя за собой лишь сожженные до углей руины. Говорили также, что Черные Всадники прислуживают самому Пепельному Королю, владыке всех демонов, и появление их предвещало скорый конец света.

Ранее Эру только посмеивался, слыша подобные истории. Король демонов? Ха! Скорее следует бояться злобных ямаваро, одноглазых чудовищ, заманивающих неосторожных охотников в ловушку, подражая людскому голосу, или коварных негодяев из клана Саблезубых, которые, если верить слухам, не прочь отведают человеческого мяса. Однако сейчас... Некоторые из его воинов настойчиво уговаривали его отступить прочь и бежать, бежать, не оглядываясь, да и он сам уже готов был дать деру, но... Никому еще не удавалось хотя бы ранить Черного Всадника, что уж говорить о том, чтобы убить одного из них. А если это шанс свыше и именно Эру суждено вернуться домой с головой Всадника в качестве трофея? Песни о храбром воине будут слагать весь север!

Полагаясь на внезапность и численное преимущество Эру приказал трубить в рог и первый бросился в атаку. О, уже через несколько мгновений он с ужасом понял, что обреч на верную гибель не только себя, но и всех, кто шел за ним.

Ни Всадник, ни его отряд даже не дрогнули, заслышав яростные вопли. Из-под плащей, обитых мехом, показались пищажи, воздух наполнил громкий грохот — и треть людей Эру упали замертво, даже не успев поднять оружие.

Оставшимися занялись они. Со скучающими мордами, точно им приходилось не сражаться, а чистить рыбу, они раз за разом взмахивали кривыми клинками, рубя плоть, тогда как им никто не смог нанести хотя бы царапинку.

Не прошло и десяти ударов сердца, как на ногах осталось не более полудюжины воинов. Сам же Эру, понимая, что бежать бессмысленно — да и узнай соплеменники, что он бросил соратников, его бы все равно ждала смерть — с топором наперевес бросился на Всадника, что спешил и теперь безучастно наблюдал за творящейся перед его глазами бойней. Эру даже не успел понять, что именно произошло. Вот он делает замах, в надежде отрубить Всаднику голову — а вот уже будто чьи-то невидимые руки вырывают оружие из его рук и обрушивают ему на висок...

Очнулся Эру уже в заточении, с дикой головной болью. Вздувшаяся шишка на голове уже почти осела, но вот уязвленную гордость вряд ли бы смогли исцелить даже самые талантливые и умелые шаманы. Интересно, а кому-либо еще удалось выжить? Впрочем, оно и неважно — все равно все они уже обречены. Но где их держат?.. И зачем?.. Так проходили день за днем, но однажды утром дремавший Эру услышал щелчок замка. В тот же миг раскрыв глаза, он беззвучно скатился на пол и притаился в тени, прижавшись к стене. В руке он сжимал осколок камня, которым ранее было думал вскрыть себе вены, дабы не дать Всадникам шанса насладиться его пытками, однако он решил повременить и теперь мысленно похвалил сам себя за столь мудрое решение.

Если эти твари думают, что он покорно отдал свою судьбу в их лапы, то глубоко ошибаются! Да, им удалось разбить отряд Эру и взять его самого в плен — однако пусть его кости сожрут ледяные пауки, если он позволит просто так мучить себя или того хуже — сделать рабом! Уж лучше умереть прямо здесь, хотя бы попытавшись сбежать, нежели безропотно принять столь бесславный конец.

Однако то ли надзиратель оказался куда ловчее, чем думал Эру, то ли от долгого бездействия его мышцы совсем одеревенели, но он, к своему собственному стыду, не смог нанести даже удар.

Бугай с плоским лицом и свернутым набок носом играючи перехватил кулак Эру и резко вывернул его кисть, заставив взвыть от боли и выронить валун. Следом здоровяк впечатал Эру прямо в стену, а когда тот осел на пол, познакомил его ребра со своим сапогом. Черета пинков и зуботычин заставила Эру сжаться в комочек, закрыв голову руками — правда, без особой пользы — но вот наконец его мучитель прекратил избиение и рывком поднял Эру на ноги.

Более сопротивляться он не пытался, решив побереечь силы. Конечно, он бы мог попробовать рвануть вперед — благо что он с детства был быстрее всех своих сверстников и уже в двенадцать лет на равных соревновался со взрослыми мужчинами во время традиционных игрищ — вот только куда ему бежать?

Длинные полутемные коридоры походили один на другой как две капли воды, сплетаясь в столь замысловатую паутину; Эру подозревал, что даже если бы он вдруг каким-то чудом сумел выскользнуть из лап своих похитителей, он бы мог бродить здесь до скончания веков.

Из-за некоторых дверей, мимо которых они проходили, доносились престранные звуки: тихий гул, напоминающий рычание огромного зверя, жуткий скрежет, от которого по спине пробегали мурашки, разрывающий уши грохот, а то и вовсе душераздирающие вопли какого-то несчастного.

Наконец они очутились в зале, столь огромной, что потолок ее терялся где-то в вышине. Посередь ее стоял постамент с огромным тронем, выполненным из иссиня-черного металла, который покрывали замысловатые символы, будто сами-собой изредка вспыхивающие зелеными и красными огоньками. На престоле же восседала статуя, с головы до ног закованная в тяжелый доспех из того же материала и рогатый шлем, оскаливший широко раскрытую пасть в злобной ухмылке. На коленях идол держал меч, столь длинный и массивный, что легко бы мог разрезать напополам одним ударом быка, не то, что человека.

Вокруг же из теней то и дело показывались они, яматаро и другие чудища, которые, заметив взгляд Эру, начинали рычать, показывать клыки и демонстративно похлопывать себя по животу. Как это не удивительно, между екаев мелькали и люди, которые совершенно спокойно воспринимали подобное соседство.

Однако через пару мгновений внимание Эру снова приковала к себе статуя. И чем дольше он смотрел на не, тем больше почтения она в него внушала. Почтения? Нет, не так. Скорее некий благоговейный ужас, липкий и холодный, кусочком льда упавший за шиворот. От трона вдруг послышался какой-то шорох. Поначалу Эру подумал, что его обманывают его же собственные глаза, и лишь через мгновение понял, что все происходит взаправду.

Ведь то, что он принял за монумент, оказалось живым существом.

Точно во сне он наблюдал за тем, как Пепельный Король медленно преодолевает ступень за ступенью, положив меч на плечо, лениво, не торопясь, тщательно вымеряя каждый шаг, словно бы прогуливаясь. Когда огромная фигура застыла перед Эру, накрыв его тенью, кто-то сзади дернул его за плечо:

— На колени, ничтожество!

Эру и не шелохнулся. Но скорее не из-за храбрости или упрямства; просто он бы при всем желании не смог бы пошевелить и пальцем, до того страх сковал все его тело, точно кандалы.

— Так ты и есть тот самый Эру, который осмелился напасть на моих слуг? — раздался из-под шлема гулкий насмешливый голос.

Тот, услышав свое собственное имя, лишь громко сглотнул и коротко кивнул.

Признаться, даже это движение далось ему с трудом. Чувствовал он себя рыбой, застывшей во льду. И откуда это создание знает, как его зовут?.. А вдруг оно может читать мысли?..

— Смелый поступок, — пророкотал демон. — Безрассудный, на редкость идиотский, но, признаю — довольно-таки смелый.

Он громко расхохотался и смех его напоминал перестук камней, несущихся вниз с горной вершины. Из темноты со всех сторон также доносился гогот: сейчас Эру не видел ни единой души, но был уверен, что свита Пепельного Короля внимательно наблюдает за каждым его движением и ловит каждое его слово, дабы в случае чего разорвать его на тысячу кусочков.

— Ладно, — продолжил Пепельный Король, — довольно потехи. Ты знатно повеселил меня своим упрямством, не спорю, так что взамен я проявлю благосклонность и дам тебе выбор: склонись передо мной, пади ниц и я позволю тебе стать моим слугой. Либо же умри прямо здесь и сейчас.

— Никогда! — само собой вырвалось у Эру, который хоть и был перепуган до смерти, но все же оставался сыном своего отца.

Демон хочет сломать его, превратить в ручного зверька?! Нет, уж лучше смерть, чем такая жизнь.

В зале повисла звенящая тишина. Не было слышно ни звука. Лишь откуда-то издалека доносился глухой рокот, заставляющий стены и пол мелко-мелко дрожать, точно от холода. Наверное, прошло всего несколько мгновений. Однако для Эру они растянулись в вечность.

— Вот как? — Эру показалось, что в голосе Пепельного Короля появились заинтересованные нотки. — Так ты готов погибнуть из-за своей гордости? Или тобой движет что-то иное?

— Наблюдающие Во Тьме не повинуются никому и ничему! — хоть голос Эру и предательски дрожал, выдавая его страх, но сам он уже принял решение и не собирался отступить назад. — Я скорее собственноручно перережу себе горло, чем стану рабом. Ты перебил моих людей — так отправь меня к ним, чтобы мы могли и дальше вместе охотиться и разить своих врагов вместе с праотцами.

— Неплохо, — вдруг неожиданно заявил Пепельный Король. — Признаться, ты меня приятно удивил. Твой предшественник начал ползать в моих ногах еще до того, как я вымолвил и слово. Хочешь узнать, что с ним стало?

Эру снова кивнул. И не потому что он действительно интересовался долей того несчастного — напротив, он прекрасно понимал, что ничего хорошего с ним произойти не могло. И он оказался прав как никогда. Пепельный Король взмахнул рукой в сторону ближайшей колонны. Скосив глаза, Эру увидел человеческий череп, в который был воткнут горящий факел.

— Сейчас он куда полезнее, чем мог бы быть, — небрежно бросил Пепельный Король. — Что же касается твоих людей...

Он отдал короткий приказ на каком-то непонятном гортанном наречии. Раздался звук шагов — и Эру не поверил своим глазам. Перед ним, в окружении вооруженных до зубов они, стояли несколько воинов из его отряда. Изрядно помятые, истощенные, но живые.

— Яма-Рафу? — в изумлении произнес Эру. — Таиши? Вы живы?

— Пока, — ответил за них Пепельный Король и взмахнул рукой; в тот же миг соплеменников Эру уволокли обратно во тьму. — Но судьба их целиком и полностью зависит от тебя. На самом деле, я соврал. Я не ищу рабов или прислугу — их у меня

достаточно. Но мне нужны воины. Даже более того — командиры, которые поведут в бой мою армию.

— В бой? — недоверчиво переспросил Эру, подозревая, что демон просто-напросто насмехается над ним. — На кого?

— А ты как думаешь? — пророкотал Пепельный Король. — На юг. Ведь ты же знаешь пророчество, верно?

— Почему именно я? — осмелился задать вопрос Эру. На самом деле, все происходящее вокруг напоминало скорее сон, нежели реальность.

— А почему бы и нет? — судя по голосу, морду демона под шлемом исказила косая ухмылка. — Встань под мои знамена — и Наблюдающие Во Тьме получают лучшее оружие и доспехи, которые даже не снились весским кузнецам. Представь, какие сокровища хранят под замками южные неженки. Их плодородные земли станут твоими, их женщины будут ублажать тебя днями и ночами...

Перед глазами Эру промелькнули картины его будущего триумфа и он облизнул губы.

— ... но если ты попытаешься сбежать или предать меня, — Пепельный Король навис над Эру, который невольно съежился, — я покажу тебе, что такое настоящая боль. Так что ты выбираешь, Эру-Аройо, глава клана Наблюдающих Во Тьме?

Видя его нерешительность, Пепельный Король сказал:

— Понимаю. Видимо, ты думаешь, что в моем предложении скрыта какая-то уловка. Быть может, это поможет тебе принять решение.

Произнеся это, Пепельный Король убрал меч в ножны и медленно снял шлем. Глядя на то, как вытянулось лицо Эру, он откинул голову назад, громко расхохотался, а после продолжил:

— Кажется, я тебя разочаровал. Верно?

— Нет, просто я... я... не ожидал...

Несмотря на то, что удивлению Эру действительно не было предела, жест Пепельного Короля окончательно рассеял все его последние сомнения. Упав на одно колено, он положил правый кулак себе на затылок, по старому обычаю показывая, куда следует нанести удар, если он предаст свою клятву.

Существа же вокруг словно по команде завывали, зарычали, затопали ногами, забили оружием о щиты, наполняя зал разрывающей уши какофонией.

И только лишь Пепельный Король просто улыбался, глядя на нового приспешника, который пополнил его армию.

Больше книг на сайте - Knigoed.net